

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 3 (27) | 2022

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (27)

Киров
2022

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (27)

Kirov
2022

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сафронова А. М.</i> Первые школы Полевского завода: словесная и арифметическая (1735–1750-е гг.)	7
<i>Семенов А. В.</i> Бандитизм в Кировской области в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой анализ	21
<i>Скутнев А. В.</i> Духовные учебные заведения РПЦ и формирование личности священно- и церковнослужителей в период модернизации XIX века	25
<i>Коршунков В. А.</i> Ямщик на крутизне: особенности дорожной традиции России в XVIII–XIX веках	35
<i>Позднякова А. С.</i> Ревизия Вятской губернии уполномоченными ВЦИК и ЦК РКП (б) в мае – июне 1919 года	42
<i>Файзуллин С. А.</i> Изменения в районной сети Татарской АССР в первой половине 1930-х годов	51
<i>Нижинская М. М.</i> Петровские навигаторы в странах Западной Европы: описание образовательной поездки в дневниках и мемуарах российских дворян	60

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Бакшаев М. В.</i> Внешнеполитические подходы СССР и США в отношении локальных конфликтов в странах Третьего мира во второй половине 1940-х – 1970-е гг. (с учетом фактора еврокоммунизма)	69
--	----

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ларионов И. С.</i> Правый радикализм в Великобритании в послевоенный период (1950–60-е годы)	82
<i>Бражников И. Н.</i> Реорганизация систем государственного управления в Российской и Британской империях в годы Первой мировой войны (сравнительный анализ)	92
<i>Зворыгин А. А.</i> Журнал <i>Wschód</i> : опыт интеллектуального транзита идей прометеизма в польском обществе первой половины 1930-х годов	99

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ануфриев А. Е., Малых В. А.</i> Сборники стихов П. Ставрова «Без последствий» и А. Штейгера «Эта жизнь» – опыт определения принадлежности к «парижской ноте»	109
<i>Мокеева Г. И.</i> Музыкальная антропология Э. Т. А. Гофмана, или Музыкальность как основа личностной целостности и подлинно человеческого бытия	117
<i>Вихрова Е. Ю.</i> Документальная основа прозы С. А. Шаргунова	126

РЕЦЕНЗИИ

<i>Осипова Н. О.</i> Деревня в исторической рефлексии советского кинематографа	134
--	-----

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Safronova A. M.</i> The first schools of the Polevsky Plant: verbal and arithmetic (1735–1750-ies.)	7
<i>Semeno A. V.</i> Banditry in the Kirov region during the Great Patriotic War: Historical and Legal Analysis	21
<i>Skutnev A. V.</i> Ecclesiastical educational institutions of the Russian Orthodox Church and the formation of the personality of the clergy and clergy during the modernization of the XIX century	25
<i>Korshunkov V. A.</i> Coachman on a steep slope: features of the road tradition of Russia in the 18th and 19th centuries	35
<i>Pozdnyakova A. S.</i> Revision of the Vyatka province by the authorized representatives of the Central Executive Committee and the Central Committee of the RCP (b) in May–June 1919	42
<i>Fayzullin S. A.</i> The Tatar ASSR of the mid-1930s.....	51
<i>Nizhinskaya M. M.</i> Peter's navigators in Western Europe: description of an educational trip in the diaries and memoirs of Russian nobles	60

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Bakshaev M. V.</i> Foreign policy approaches of the USSR and the USA in relation to local conflicts in Third world countries in the second half of the 1940s – 1970s (taking into account the factor of Eurocommunism)	69
---	----

GENERAL HISTORY

<i>Larionov I. S.</i> Right-wing radicalism in the UK in the post-war period (1950–60-ies)	82
<i>Brazhnikov I. N.</i> Reorganization of public administration systems in the Russian and British Empires during the First World War (comparative analysis).....	92
<i>Zvorygin A. A.</i> <i>Wschód</i> Magazine: The experience of intellectual transit of Promethean ideas in Polish society in the first half of the 1930s.....	99

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Anufriev A. E., Malykh V. A.</i> Collections of poems by P. Stavrov "Without consequences" and A. Shteiger "This life" – the experience of determining belonging to the "Parisian note"	109
<i>Mokeyeva G. I. E. T. A.</i> Hoffman's Musical Anthropology, or Musicality as the basis of personal integrity and truly human being	117
<i>Vikhrova E. Yu.</i> The documentary basis of S. A. Shargunov's prose	126

REVIEWS

<i>Osipova N. O.</i> The village in the historical reflection of Soviet cinema.....	134
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 371(470.5)(091)"1735/1750"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.019

Первые школы Полевского завода: словесная и арифметическая (1735–1750-е гг.)

А. М. Сафронова

доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Аннотация. Проблема реконструкции организации и деятельности школ, открытых по инициативе В. Н. Татищева при казенных заводах Урала в 1730-е гг., период второго его руководства заводами Урала и Сибири, является актуальной, поскольку они стали крупнейшим видом начальных учебных заведений России с демократическим составом учащихся наряду с гарнизонными школами военного ведомства. Но мы до сих пор мало знаем о школах, действовавших при конкретных заводах. Цель исследования – раскрыть вклад школ Полевского завода в распространение грамотности среди детей заводских жителей и обучение их основам математики на основе выявления комплекса архивных документов о их деятельности, сравнительного и текстологического анализа ведомостей об успехах их учащихся, выяснения их количественного, возрастного, социального состава, особенностей формирования кадров учителей. В статье прослежено изменение политики уральских властей в отношении зачисления детей в школы: от обязательного приема всех детей заводских жителей с 1735 г., за исключением больных, благодаря чему детская грамотность стала беспрецедентно высокой, до приема с конца 1742 г. из-за недостатка штатных сумм, выделяемых на школы, лишь сирот и сыновей лиц, отставных от дел, с получением казенного жалованья, а детей мастеровых – только по желанию родителей. Результаты исследования с приложением текста наиболее интересных документов предполагается передать для использования в музей города Полевского, публикации в сети Интернет и включения в состав монографии о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Урал, горнозаводские школы, Полевской завод, учителя, учащиеся, распределение к делам.

Горнозаводские школы Урала первой половины XVIII в. явились одним из самых крупных видов учебных заведений России с демократическим составом учащихся, они внесли большой вклад в формирование края как главного металлургического центра страны, в развитие его культурно-образовательного ландшафта. Благодаря деятельности школ грамотность детей, проживавших в заводских поселениях, стала одной из самых высоких в Российской империи в 1730–1740-е гг. В этой статье на основе архивных документов, в основном впервые вводимых в научный оборот, мы попытаемся реконструировать историю школ, действовавших при Полевском заводе в первой половине XVIII в. Накопление знаний об отдельных учебных заведениях позволит выявить особенности в составе учителей, учащихся, выделить наиболее крупные учебные заведения, внесшие наибольший вклад в распространение грамотности и основ математики на Урале, наконец, более четко определить место горнозаводских школ среди других учебных заведений России первой половины XVIII в.

В литературе о школах Полевского завода имеются отрывочные сведения. Н. В. Нечаев отметил, что в Полевскую школу к преподаванию арифметики привлекались ученики Екатеринбургской школы с переменою помесечно [55, с. 92]. В. Н. Будрин привел данные о количестве учащихся в заводских школах за 1735–1742 гг., в т. ч. и Полевской, упомянул фамилии ее учителей – Ивана Лукина (без даты) и Федора Рахманинова (на деле – Розмахнина) [1, с. 59, 72–73].

Для раскрытия темы нами привлечены доношения в центр и указы В. Н. Татищева, документы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, Полевской завод-

ской конторы, доношения учителей и учащихся, ведомости об успехах учеников в науках, посылавшиеся уральскому начальству по третям года, прошения, справки и другие документы.

В. Н. Татищев был назначен главой казенных заводов Урала и Сибири в марте 1734 г., 8 октября он принял заводы из-под команды В. И. Геннина и уже в первом доношении в Кабинет министров 9 октября сообщил о своем решении открыть школы при всех казенных заводах Урала дополнительно к словесной и арифметической, действовавших с 1724–1725 гг. в Екатеринбурге [56]. Заводов, принадлежавших казне, насчитывалось уже 12, начинали строиться новые. Все последующие важнейшие решения Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов в отношении организации школ выносились при непосредственном участии В. Н. Татищева. Так, 21 октября 1734 г. было принято решение о проведении переписи «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских, однодворцовых, церковничьих, подьяческих и мастерских при заводах и в слободах от шести лет и выше» [2].

4 января 1735 г. было предписано: «О школах послать на все заводы указ, чтоб немедленно потребные к тому покои выстроили и прежде хотя б словесному, взяв дьячков, или кто способен к научению явится, и собрав детей, читать и писать обучили, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателям работ», то есть арифметические школы должны были открываться по мере обучения детей грамоте. Решался вопрос и с обеспечением словесных школ учебными пособиями: «что к тому книг потребно, о том, собрав известия, велеть тамо или на Ирбитцкой ярмонке купить, а буде еще чего не достанет, то писать в Москву с нарошным, чтоб двести букварей купя, суды прислал» [34]. Таким образом, в первые же дни нового, 1735 года, начал претворяться в жизнь план В. Н. Татищева по организации школ при всех казенных заводах Урала, в которых в первую очередь должны были обучаться дети заводских жителей.

С весны 1735 г. открываются словесные школы при заводах Егошихинском (март), Лялинском и в городе Кунгуре (апрель), Уктусском (май), затем – при Алапаевском (июнь), Каменском и Пыскорском (август); в ноябре – при Сысертском, в декабре – при Полевском, позже – при Верх-Исетском (сентябрь 1736), Кушвинском (февраль 1739), Северском (июнь 1742) [58, с. 286–287].

Первый указ уральского начальства о строительстве школы и сборе детей для обучения пришел на Полевской завод 31 января 1735 г. Управитель завода Леонтий Бекетов ответил, что при заводе годных в школу до 50 человек, но азбук, часословов и псалтирей при заводе «не имеется и купить не у кого», и просил прислать по 50 экземпляров этих книг. Бекетов сообщил, что на место учителя претендует дьячок Гаврило Соколов, просит в год по 24 руб., кроме него имеется «ис присыльных» Григорей Бобошин, требует 16 руб. По мнению Бекетова, следует взять в учителя ссыльного. Но уральское начальство назначило учителем дьячка, о книгах сообщило: «отпустить... когда куплены будут» [19].

Через месяц, 8 февраля 1735 г., члены канцелярии во главе с Татищевым приняли решение о нормах выдачи казенного жалованья учащимся будущих школ: оно должно было назначаться всем, чьи отцы получали в год менее 25 руб., «иногородним», взятым в школы из других населенных пунктов, – и при более высоких окладах отцов, кроме детей попов и церковнослужителей, которых предписывалось полностью содержать отцам. В словесных школах жалованье составляло 3 руб. в год, в арифметических – 4 руб. Безусловно, возможность получения казенного жалованья делала обучение в школе привлекательным для низших слоев населения. В тот же день были определены и нормы жалованья будущих учителей. Отмечалось, «которые с воли... будут обучать, яко дьячки и к тому способные другие, оным без определенного жалованья свободного пропитания иметь будет не отчего, и ради того» предписывалось давать учителям чтения и пения в год по 18 руб., арифметике и письму – по 24 руб. [35].

Полевская заводская контора была первой, потребовавшей присылки учебных книг. Согласно справки, она первой и получила 50 букварей «з десятословием», 10 часословов, «букварь на 3 языках» в ходе первой рассылки книг по заводам, состоявшейся 24 ноября 1735 г. [21].

25 ноября на Полевской завод, как и на другие, пришел указ с предписанием: школьникам, которые склад познали и писать начали, детей управителей, надзирателей, подьячих и мастеров, «кои понадежные, а особливо иноземцов», прислать для обучения в немецкую и латинскую школу Екатеринбурга, «о протчих, сколько есть в обучении из написанных, и кто и зачем не обучаются, прислать немедленно списки» [23].

Новый управитель завода Михаил Кутузов 13 января 1736 г. ответил, что детей, «обученных словесному и письму не имеется, а имеются только в начинании азбук и букварей».

После прибытия книг они начали обучаться с 1 декабря 1735 г., учителем определен «дьячок Гаврило Попов сын Соколов, и оной дьячок и школьники требуют себе на пропитание жалование, а особливо те, у которых отцы имеются в дальних посылках, яко в Томск и в протчие места» [23]. То есть вопрос с материальным обеспечением учителя и учеников Полевской школы сразу решен не был.

К этому доношению прилагался список первых учащихся. Среди 53 детей числился сын штейгера (горного мастера, заведующего работой рудников), детей «мастеровых» – 21, «ученических» – 24; двое детей кузнецов, по одному – дети конюха, плотника, сторожа, попа и брат пономаря. Они представляли все возрастные группы от 6 лет до 15: шестилеток было 4, семилеток – 7, больше всех девятилетних – 13, взяли и «возрастных» – пять человек 14 лет и двух 15-летних, сына плотника и брата пономаря. Далее следовал список детей, не взятых к обучению, «за тем, что имеют разные болезни», вот их перечень: «киловат и языком недоволен», «глух и из ушей течет», «глух», «крив» (это были «мастерские» дети 12, 15, 12 и 10 лет); у «ученических» (12, 9 и 7 лет) отмечена глухота, «языком недоволен», «жительской сын» – «увечен и горбоват» [24].

Итак, восемь отгнанных по болезни детей при 53, взятых в школу. Фактически начала проводиться в жизнь политика обязательного обучения грамоте всех детей заводских жителей, которую провозгласил В. Н. Татищев. Через полтора месяца 46 человек учили азбуку, семеро приступили к букварю. Обращает внимание отсутствие на Полевском заводе детей, ранее начинавших обучение грамоте на дому, что видно из первого списка учеников и отмечено в доношении в Екатеринбург: ни одного человека выслать в немецкую или латинскую школу с Полевского завода не смогли. Если бы не открытие школы, дети заводчан так и остались бы неграмотными.

Более подробно мы можем рассмотреть социальный состав учащихся на основе ведомости за 3/3 1736 г.: дети мастеров – горного (штейгера), угольного, доменного, плавильных (шмельцеров) – шесть человек, бергауров (рудоразведчиков) – четыре; рудоподносчиков, засыпщиков руды, плавильных и горных учеников, «церковничный сын» Павел Мазеин, показанный в первом списке как брат пономаря 15 лет, находился уже «в твержении письма»; сына попа уже, видимо, забрали в латинскую школу. В школе числилось 49 человек, один новенький, поступив в августе 1736 г., сын угольного мастера Поздеев, изучал уже часослов [27]. Примечательно, что в Полевской школе фактически не было детей духовенства и детей солдат в отличие, например, от Екатеринбургской, отсутствовали и разночинцы, которых очень много было в школе, открытой при Каменском заводе.

Дьячок Соколов обучал детей чуть более трех месяцев, 10 марта 1736 г. он скончался, и управитель Кутузов просил прислать из Екатеринбурга другого учителя, который мог бы «во время церковного пения за дьячка управлять». Временно к обучению детей был назначен горный работник Федор Розмахнин. Уральское начальство распорядилось: «в учителя, выбрав из ссыльных, представить к смотру» [22].

Летом 1736 г., в связи с появлением вакантного места учителя в Екатеринбургской школе из-за побега ссыльного Иевлева и в связи с открытием словесных школ при других заводах, ряд ссыльных обратился в канцелярию с просьбами об определении их на учительскую должность. В августе подал доношение и бывший поп Иван Лукин, присланный в ссылку из Москвы, мотивировавший просьбу тем, что «ныне из нашей братьи определяютца по заводам в словесные школы в учителя, а я... по обыкности прежняго своего поповского чина ко обучению детей словесному чтению и письма и пению охоту имею немалую и оное дело снести могу». Судя по выпискам, Лукин прислан в Екатеринбург в апреле 1736 г., показан Владимирского уезда «вотчины Троице-Сергиева приписного киржацкого монастыря села Ваганова» без указания вины. 6 сентября 1736 г. распорядился Лукин был назначен учителем на Полевской завод с жалованием 18 руб. в год, с него была взята расписка о неимении за собой никакого раскола [26]. Лукин сменил Розмахнина, полгода заменявшего умершего дьячка, и именно он, бывший поп, внес основной вклад в обучение грамоте детей на Полевском заводе.

В 1737 г. в школе у Лукина числилось 53 ученика. В сентябре пришли четверо новеньких: пасынок плотника Тихон Попов 11 лет (в азбуке), сын литейщика Иван Ушаков 12 лет (обучил псалтирь и пишет буквы), дети доменного подмастерья Беляевы, Иван 15 лет (выучил часослов и псалтирь, пишет прописи) и Дмитрий 9 лет (учит псалтирь, пишет буквы). Установлено, что Ушаков и Беляевы были переведены при отцах с Уктусского завода, а Тихонова, сына мастера, прислали с соседнего Северского, о чем Полевская контора известила

уральское начальство доношением. Северский чугуноплавильный завод строился с 1735 до 1739 г. в семи верстах от Полевского, и дети с него, как видим, стали забираться в Полевскую школу. К сожалению, в документах прием детей с Северки особо не оговаривался, они включались в общий список учащихся. Сын горного ученика Ф. Новоселов, напротив, переехал с отцом на Алапаевский завод, а брат пономаря П. Мазеин в 1737 г. показан «в тверждении письма», взятым в Екатеринбург 1 декабря. В июле он сам обратился с доношением в Канцелярию Главного заводов правления о переводе его в арифметическую школу Екатеринбурга с жалованьем, при этом просил выдать его и за время обучения на Полевском заводе, но в жалованье ему отказали как будущему служителю духовного ведомства [20].

Судя по сводной ведомости 1737 г., учитель Лукин постепенно перешел к параллельному обучению детей чтению и письму, новой методике, призванной ускорить обучение грамоте согласно инструкции, разработанной В. Н. Татищевым в ноябре 1736 г. – «Учреждению, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» [59, с. 235–243]. В ведомости за 1737 г. 17 учеников показаны в обучении чтению, а 36 параллельно чтению часослова, псалтири учились писать: писали буквы – четверо, прописи – 17, некоторые уже закрепляли навыки письма.

В 1/3 1738 г. в словесной школе числилось 49 учащихся, некоторые уже завершили обучение письму, один из учеников, изучая псалтирь, скончался. Новых приемов ведомостью не зафиксировано [41]. Но судя по ведомости за 2/3 1738 г., в марте 1738 г. состоялось второе коллективное зачисление девяти детей, достигших школьного возраста, 6 и 7 лет, одному было 11, прием которых учитель вовремя почему-то не отразил. Это были дети шмельцеров, плавильных и горных учеников, молотового работника, пильного мастера и плотника. Одновременно пять учеников в июне месяце покинули школу: сын горного ученика Муסיкийский «из прописей» переведен в Екатеринбургскую школу, а четверо – в местную арифметическую. В 3/3 1738 г. в списке словесной школы 53 ученика, из них уже 17 отмечены переведенными к обучению арифметике [42].

В январе 1738 г. в деятельности школ горного ведомства обнаружился большой перерасход сумм, выделяемых на них заводскими штатами, – в 1313 руб. 43 коп. Это произошло в первую очередь из-за больших трат на выписывание учебных пособий из Петербурга для иноязычных школ, открытых в Екатеринбурге в 1735 г., оплату труда их учителей – иностранцев (от 120 до 400 руб. в год), приобретение большого количества учебных пособий для десятка открываемых разом словесных школ, поддержку детей низкооплачиваемых родителей назначением казенного жалованья и так далее. Для сокращения перерасхода уральское начальство приостановило выплату жалованья учителям, кроме иностранцев, до августа месяца, а сиротам и детям «отставных от ремесел» стали давать по пуду ржаной муки в месяц в счет будущего жалованья до конца года. Оплату труда учителей словесных школ с 1738 г. снизили с 18 до 12 руб. в год [47].

В связи с перерасходом штатных сумм на горнозаводские школы, ставшим хроническим, 13 февраля 1739 г. Канцелярия Главного заводов правления предписала Полевской конторе: учеников словесной и арифметической школ «возрастных от 15 лет и выше, в коих к наукам прочности не видно, а жалованье получают, определить в число комплекта при тамошних Полевском и Северском заводах, кто по состоянию к каким ремеслам способен явится». При этом записанных в подушный оклад – зачислять в число рекрут с рекрутским окладом и о них сообщать в земскую контору; распределенным же к ремеслу со сдельной оплатой – давать ее [44]. То есть началась активная политика распределения к делам учеников, получавших жалованье, но не показавших особых успехов в обучении, достигших 15 лет, даже из словесной школы, не до конца усвоивших грамоту.

В 1/3 1739 г. из 51 ученика словесной школы в работу распределили пятерых в возрасте 17–19 лет, двое из них числились «в прописях», трое – «в часослове», научились лишь читать. Одновременно 1 января состоялось третье крупное пополнение школы, приняли к обучению 15 детей заводских работников, от мастеров до плавильных и горных учеников 6–7 лет, лишь одному из них было 13. В мае – июне 1739 г. зачислили еще шесть подростков 11, 12 и 14 лет, детей молотовых мастеров и подмастерьев, уже изучавших часослов, псалтирь, то есть присланных при отцах с других заводов, где они уже обучались в школе, и поселенных на новом Северском, поскольку вскоре после открытия школы Северского завода мы увидим их среди учившихся в ней по месту жительства. В целом, можно говорить о самом большом пополнении Полевской школы в 1739 г. детьми мастеровых людей (21 чел.), в том числе за счет прибывших с отцами на Северский завод, пущенный в строй в январе 1739 г. [48].

Ведомость Полевской словесной школы за 3/3 1741 г. фиксирует в школе наличие 43 детей и новое, четвертое, зачисление 10 детей от 7 до 10 лет, начавших в июне обучение с азбуки. Все они фигурируют в более поздней ведомости Северского завода за 2/3 1742 г., выявленной нами в одном из дел, поэтому можно считать, что они были присланы в Полевскую школу с Северского завода. Ведомость Полевской школы за 2/3 1742 г. учитывает 57 учеников и отражает пятое пополнение Полевской школы, состоявшееся 1 июня 1742 г., в составе 18 человек. При этом, согласно пометам напротив фамилий 14 учащихся, они были отправлены 1 июня 1742 г. в школу Северского завода [50].

Нами выявлена единственная ведомость Северской школы, поданная за 2/3 1742 г. [49]. Изучение фамилий ее учеников в сопоставлении с ведомостями Полевской школы показало, что четыре подростка, сыновья молотовых мастеров Шихалев, Широков, Костромин 16 лет и сын отставного подмастерья Валов 15 лет, начинали учиться в Полевской школе с мая – июня 1739 г., еще 10 человек – с 1 июня 1741 г., а девять были впервые приняты на учебу сразу по месту жительства 14 июня 1742 г. Это позволяет датировать начало деятельности Северской словесной школы 1 июня 1742 г., с этого дня она начала действовать. В качестве учителя ведомость скрепил Федор Розмахнин. Среди 23 учеников Северской школы 12 были детьми молотовых мастеров, пять – молотовых подмастерьев, в том числе одного уже отставного; четыре человека – детьми молотобойцев и плотников, по одному – кузнеца и подъячего завода. Среди начавших обучаться с 1741 г. по месту жительства – дети 6 и 7 лет, восьмилетних – семеро, 9 лет – пятеро, троим 10 лет, одному 11. Поскольку после 1739 г. зачислений с Северки в Полевскую школу не проводилось, часть детей успела подрасти без обучения грамоте.

По нашим подсчетам, основанным на учете фамилий учащихся, впервые упоминаемых в ведомостях, можно утверждать, что в школах Полевского и Северского заводов с 1735 по 1742 г. обучилось грамоте 128 детей и подростков.

А теперь обратимся к школе второй ступени, действовавшей при Полевском заводе, арифметической. Архивные документы, выявленные нами, позволяют уточнить дату ее открытия. Полевская контора 24 октября 1738 г. известила канцелярию, что по объявлению учителя Лукина четверо подростков обучены им словесному, в конторе освидетельствованы и переведены в арифметическую школу. К доношению прилагался рапорт надзирателя работ Филиппа Макашова об учениках, которых он начал обучать арифметике [43]. Благодаря графе «время вступления в науку» мы можем констатировать, что 15-летний сын доменного подмастерья Иван Беляев, переведенный с Уктусского завода, перешел к арифметике раньше других, еще 1 октября 1737 г., проучившись два месяца в Полевской словесной. Еще четверо учеников, покинувших словесную школу 7 июня 1738 г., ровно через месяц, 7 июля, приступили к изучению арифметики: сын горного бергаура Василий Оботин (14 лет), рудоискателя Иван Рыбников (20), доменного работника Данила Бахтерев (13 лет), плавильного ученика Селивестр Голубцов (12). Таким образом, с июля 1738 г. арифметике стали обучаться пятеро учащихся.

В Полевской арифметической специального учителя не было, преподавание арифметики, судя по подписям в ведомостях, совмещал со своей основной должностью надзиратель работ Филипп Макашов, получая жалованье как надзиратель. Никакой надбавки за обучение школьников ему не полагалось, как это имело место и при других заводах.

По требованию заводской конторы уральское начальство в феврале 1739 г. приказало: «Для обучения арифметик письменной, засвидетельствованной, послать в тамошнюю кантору от здешней школы конечно в сем феврале месяце» [45]. Заметим, в школах других периферийных заводов учебники арифметики отсутствовали, Каменской школе предписали использовать собственные записи учителя, выпускника Екатеринбургской арифметической. Полевской все-таки удалось заполучить учебник, хоть и рукописный. Это была знаменитая «Арифметика» Леонтия Магницкого, учителя Московской школы навигаторов, первая ее часть, собственно арифметическая.

Большое пополнение арифметической школы произошло в октябре того же 1738 г., сразу 17 выпускников словесной в возрасте 10–17 лет, дети мастеровых, за исключением сына сторожа конторы Поздеева, дополнили пятерку обучавшихся. Заметим, в первый же год деятельности школы 20-летний Рыбников первым покинул ее, был распределен на Сылвинский завод в угольные ученики [46].

Сохранилось описание помещения школ Полевского завода: «Двор казенной, в котором ныне обучаются школьные ученики словесному и арифметике, в одном основании две светлицы длиною 5 сажень, шириною 2,5 сажени, вышиною до кровли 4 аршина. В них две печи

кирпичные с выводными трубами. При оных светлицах трои двери, при них сени, рубленные из бревен... Оное строение крыты дранью» [52, с. 214]. Из описания видно, что у арифметической и словесной школ помещения были большого размера, просторные – примерно 5,5 на 11 метров, высотой около 2,8 метров.

В связи с предписанием начальства 1739 г. учеников от 15 лет и выше, получавших жалование, «в коих к наукам прочности не видно», определять к делам, начали распределять на заводские места и только что приступивших к изучению арифметики. Активно стали использовать этих учеников и в качестве помощников в письме. В рапорте за 1/3 1739 г. отмечалось, что из 22 учащихся, выучивших «раздробление, сложение, вычитание, умножение и деление», к маю усваивавших «первую статью торгового правила», четверо учеников в январе были взяты «к целовальнику в пищики» и отсутствовали более трех месяцев (Беляев, Оботин, Бахтерев и Поздеев); четверо «возрастных» 17–18 лет были распределены «в заводскую работу». Пополнилась школа лишь одним учеником, Ивановым 15 лет [29].

Во 2/3 1739 г. в арифметике 20 человек, новенький, с 22 июня, Бунков 14 лет, сын якорного ученика, уже в тройном правиле, с 21 сентября – и девятилетний Шелехов, в «начинании третьей статьи». Ясно, что оба прибыли при отцах с другого завода, где уже учились математике. Братья же Беляевы были отправлены на Кушвинский завод в связи с переводом туда отца (завод в 1739 г. стал действующим). Продолжалось использование учеников арифметики у письма: Оботин отправлен в пищики к целовальнику с 20 августа, Иванов 21 июня взят на Северский завод «в наем к целовальнику». В 3/3 1739 г. в арифметической всего 14 человек. Распределены к делам трое учеников 15–16 лет, продвинувшихся в математике до действий с долями: в угольные подмастерья, «к литейному делу», учеником к гитенмейстеру-иностранцу – плавильному мастеру [28].

В 1740 г. арифметическая школа продолжала пополняться за счет перевода в нее обучившихся грамоте (восемь человек 11–16 лет), один ученик переведен в школу другого завода, 12-летний ученик «взят на Северский завод к целовальникам для письма». В третних списках – от 17 до 21 ученика. При этом ведомость за 3/3 1740 г. скрепляет «арифметической школы ученик за учителя Игнатей Усольцов»; другую – некто Степан Великанов и управитель завода Алексей Зубов. За 1/3 1741 г. – Зубов и Владимир Ананьин, за 2/3 – «за учителя Александр Семенов» [30]. То есть с осени 1740 г. Макашов прекратил преподавание арифметики и его заменили ученики арифметической школы, причем присылаемые с переменою из Екатеринбурга.

Поскольку они сами были молоды и не опытны в преподавании, уже 11 февраля 1741 г. глава Полевской заводской конторы поручик А. Зубов донес в Екатеринбург, что от присылавшихся ежемесячно учеников арифметики, «как видно для младости их, здешним школьником надлежащего наставления и радательного обучения нет». Между тем есть при заводе сверхкомплектный обжигальщик Сергей Еремеев, который был у приема и отпуска припасов на реке Чусовой, а когда бывал свободен, «наперед сего обучал помянутых школьников порядочно. Ныне же оной объявил, что он знает науки, а имянно: арифметик, геометрию, тригонометрию даже до плоской навигации и желает здешних школьников обучать и просит, чтоб учредить его учителем». Контора просила о его назначении, а для обучения геометрии – инструментов «пристойное число» [31].

5 марта 1741 г. члены канцелярии потребовали прислать Еремеева для свидетельства в Екатеринбург. 24 числа он был прислан, 11 апреля свидетельствован Кутузовым, который объявил: «он, Еремеев, знает подлинно в существо арифметик и учеников обучать может, а геометрии и тригонометрии по части знает же, для того что за долго прошедшим временем, как от оной [науки] отстал, некоторую часть уже позабыл». 16 мая 1741 г. начальство вынесло решение: назначать Еремеева к обучению «ненадежно», отослать его по-прежнему на завод, а для обучения детей «послать отсюда достойного из школьников» [32].

Поскольку до геометрии ученикам было еще далеко, да к ее обучению на Полевой так и не приступили, возможно, это решение не шло на пользу обучению, к тому же «достойного» из школьников так и не прислали. Рапорт за 3/3 1741 г. подписал 15-летний ученик Полевской школы Иван Медведев, за 1/3 и 2/3 1742 г. – тот же Медведев и Иван Бунков, учившийся с июля 1739 г. Между тем в школе числилось уже 25–27 человек. Сами «учителя», как первые по успехам учащиеся, твердили арифметику и обучали своих однокашников, изучавших отдельные статьи торгового правила, десятичные дроби, твердившие арифметику, как и они. Возраст учеников был самым пестрым – 13 лет (3 чел.), 14 лет (4 чел.), 15 лет – 7 (чел.), ровес-

ники «учителей» – четверо, были и одиночки 17, 18 и 19 лет [33]. В принципе, работу Полевской школы под руководством своих же учеников можно признать успешной, поскольку продвижение подростков в обучении – налицо.

Осенью 1742 г. уральское начальство обсуждало судьбу горнозаводских школ и пришло к выводу: если их число не уменьшить, то перерасход штатных сумм на них не преодолеть. Поэтому 11 сентября 1742 г. начальство решило: 1) сократить сеть школ. Оставить их при Екатеринбургском, Полевском, Алапаевском заводах, при Пермском, Красноярском и Нерчинском горных начальствах; 2) сократить круг учеников, получавших казенное жалование, давать его только сиротам, детям «отставных от ремесел», солдат и разночинцев; 3) впредь «до указа» детей мастеров, подмастерьев и заводских работников в школы не зачислять, кроме тех, чьи отцы сами пожелают обучать на своем пропитании, без получения казенного жалования; 4) составить именные списки об учениках, оставшихся в школах; отпущенных по домам до 15 лет; определенных к делам; 5) в Берг-коллегию послать запрос, оставлять ли далее в школах учеников, обучавшихся без жалования, которые «ныне до понятия наук удержаны». При продолжающих действовать школах должны были обучаться дети с близлежащих заводов. В отношении Полевской школы оговаривалось: обучать детей «при Полевских трех заводах» и с Чусовских пристаней [36]. Имелись в виду завод Северский и «Кунгурский пыльный», как он назывался в документах, – лесопольная мельница на реке Кунгурке, левом притоке Чусовой. Курс политики, провозглашенной В. Н. Татищевым в 1734–1735 гг., направленной на обучение грамоте всех детей, проживавших при казенных заводах Урала, был свернут, отныне лишь часть детей должна была забираться в школы по инициативе властей, дети же мастеровых могли приниматься по желанию родителей, но без какой-либо материальной поддержки.

Важную информацию в отношении учащихся Полевского завода и близлежащего Северского, где школа подлежала закрытию, содержит ведомость Полевской словесной школы за 3/3 1742 г. – в ней числилось 66 учеников, в список были включены и дети Северского завода [4]. Согласно ведомости, с Северского завода в Полевскую словесную 18 ноября 1742 г. были переведены дети шести молотовых мастеров и одного подмастерья, всего семь человек. Ясно, что это было сделано по желанию отцов, решивших продолжать обучать детей на Полевском заводе за свой счет. Трое из них учились с мая 1739 г., четверо – с июня 1741 г., то есть начинали в Полевской школе, с июня 1742 г. – учились по месту жительства, в ноябре 1742 г. – снова вернулись на Полевской. Таким образом, ведомость позволяет точно датировать время закрытия Северской школы – 18 ноября 1742 г. Она просуществовала самый короткий срок из всех словесных школ, открытых при заводах Урала в первой половине XVIII в., чуть меньше 6 месяцев (1 июня – 18 ноября 1742 г.).

Важную информацию содержит помета, проставленная напротив 43 фамилий: «по указу ис канцелярии отпущен в дом декабря с 1», то есть из 66 учеников Полевской и бывшей Северской школ 1 декабря 1742 г. было отчислено разом 43 человека, это более 60 % учившихся в них. Причем среди них – 17 человек из 25, лишенных жалования с июня месяца «до указа». Видимо, неслучайно отмена жалования совпадала с открытием Северской школы. В Полевской словесной осталось 23 ученика, она опустела. Это была последняя ведомость, скрепленная рукой учителя Лукина. Завершился первый период деятельности Полевской словесной школы, когда ее состав по воле властей постоянно обновлялся за счет приема новых групп детей, достигавших школьного возраста.

В начале 1744 г. ссыльного Лукина заменил Федор Розмахнин. Мы впервые встречаем упоминание Розмахнина среди учеников Кунгурской арифметической школы – в ведомости за март 1723 г. он числился как сын пономаря 18 лет. В июне 1725 г. в связи с закрытием Кунгурской школы он был переведен с ее учениками в Екатеринбургскую арифметическую. Здесь, видимо, чтобы отстать от учения, в январе 1726 г. растравил ногу сулемой, подговорив к этому товарища, но лекарь выявил притворство, и начальство приговорило: Розмахнина бить кнутом нещадно и отослать в работу на Полевской рудник на 5 лет, давая на пропитание два пуда ржаной муки в месяц и по 1 коп. на день [16]. Будучи горным работником, он временно обучал детей Полевской школы в марте–сентябре 1736 г. после смерти дьячка. В 1742 г. в возрасте 36–37 лет был назначен учителем грамоты на Северский завод, когда там открылась своя школа. Розмахнин заменил Лукина не ранее февраля 1744 г. – доношение в контору о непонятливых учениках подавал еще Лукин. Розмахнин учительствовал на Полевском заводе около 10 лет, до сентября 1754 г., пока не был замещен Дмитрием Лабутиным.

В конце февраля 1743 г. Полевская контора отправила доношение уральскому начальству о результатах разбора учащихся Полевской словесной и арифметической школ. Первым

приводился список 17 учащихся арифметической школы, доучившихся до «высших наук», которых «при Полевских заводах определить некуда». Это были дети 12–16 лет, уже «твердившие» арифметику, обучавшиеся тройному правилу, действиям с дробями. В социальном плане – дети заводских мастеровых, плавильщиков, заводских учеников, двое сирот.

Сообщалось, что четверо учащихся 14–17 лет из окончания арифметики определены «к целовальнику для внесения разного звания припасов в книги при Полевском заводе», один – в рудокопщики. Далее следовал список 23 детей Полевского и Северского заводов, оставленных в словесной школе. Среди них числилось пять сирот, трое детей отставных от дел мастеров и подмастерьев, то есть восемь человек, которых полагалось обучать на жалованье, и еще 15 детей, которых отцы согласились содержать за свой счет (десять мастеров, трех подмастерьев, шмельцера и фарлауфера). Поскольку при доношении имелся список учеников словесной школы, оставленных для продолжения обучения, а список учеников арифметической школы отсутствовал, значит, ее действие на Полевском заводе пресеклось [11].

Прошел год и три с половиной месяца, пока уральское начальство соизволило отреагировать на это доношение Полевской конторы о результатах разбора учащихся. 16 июня 1744 г. оно потребовало прислать неопределенных к делам выпускников арифметической школы «для рассмотрения» в Екатеринбург, а отправленных по домам 41 человека определить к делам по достижении 15 лет. В августе 1744 г. бывшие ученики арифметики были присланы в Екатеринбург. Оказалось, из 17 человек семь уже пристроены Полевской конторой: трое – рудокопщиками при заводе, по одному направлены к гармахерскому делу, к жжению угля, в копиисты на Северский завод и к плавильному делу на Сысертский завод. Десятерых оставшихся должно было распределить уральское начальство, но оно только в марте 1745 г. предписало: сделать это Полевской конторе, а если заводские штаты укомплектованы, часть мест освободить для бывших учеников арифметики, определив им на первых порах жалованье по 12 руб. в год [12].

Полевская словесная школа продолжала действовать. Согласно ведомости за 1/3 1743 г. троица самых «старых» учеников числилась в обучении уже на протяжении пяти лет, с марта 1738, учила псалтирь и писала прописи. Из присланных с Северки семи человек осталось шестеро – сын молотового мастера покинул школу, не освоив до конца часослов. В июне был принят сын отставного горного писаря Алексей Крымов 7 лет с жалованьем, начавший обучение с азбуки.

В 3/3 1743 г. из 23 учеников – 10 были сиротами и детьми отставных от дел, учились с получением жалованья, а 13 человек учились без жалованья, по воле отцов – мастеров и подмастерьев [5]. Заметим, ведомости об учениках арифметической школы отсутствовали, никто из словесной в нее еще не переводился.

В феврале 1744 г., получив ведомость Полевской школы за 3/3 1743 г., уральское начальство констатировало: «некоторые школьники с начала 1739 года поныне учат в часослове первой час..., что весьма удивительно», и это чинится «от слабого смотрения управительского, а учителей... неприлежность и ленивство». Начальство потребовало «наикрепчайше подтвердить, чтоб управители над школами имели крепкое смотрение» под угрозой штрафа, «а учителя и телесного наказания оставлены не будут», и запросило от Полевской конторы ответа, «для чего долговременно школьники мало обучили». Только в июле 1744 г. новый управитель завода поручик Елизар Назарьев отписался: «за тем, что были в болезнях и отлучках и ко обучению непонятны и летами малы», о них в канцелярию было представлено и «были посланы к смотру для свидетельства», и им велено быть дома «до указного возраста», пока не приспеют быть годными в работу, «а над школьным учителем смотрение имеется» [6].

Определением Канцелярии Главного заводов правления от 23 августа 1745 г. предписывалось: «во всех здешней канцелярии командах вновь собрать детей в школы таких, коим быть должно на жалованье». В сентябре указ об этом был отправлен и на Полевской завод. В нем констатировалось: «из поданных из подчиненных команд репортов усмотрено, что многие дети такие есть, что ко обучению в школе по летам их быть годны, а в школы для обучения еще не взяты», поэтому приказывалось выявить «всех детей от 7 лет», которые должны были учиться в школах с жалованьем по определению 1742 г., составить их опись и годных определить в школу [8].

Но судя по справке, подготовленной по запросу начальства об учителях и учащихся всех заводских школ, в 1745 г. на Полевском заводе в словесной школе числилось всего восемь учеников на жалованье и один без него, в арифметической – четыре без жалованья при отсут-

ствии данных об учителе, то есть обучение арифметике наконец-то возобновилось, но по-прежнему обучал надзиратель [17].

В феврале 1746 г. начальство снова запросило Полевскую контору, почему обучающихся детей так мало, что и учителя приходится содержать «с напрасным убытком». Контора отвечала, что 19 сентября 1745 г. унтершихтмейстеру Стадухину был дан указ о составлении описи малолетним детям при Полевском заводе и Кунгурском пильном, годным в школу по возрасту, но он «за ленивством» ее не сделал. Опись была составлена самим управителем завода, «и годных в школу сорок человек взято» и с прежними в словесной и арифметической школах налицо 54 ученика. В контору Северского завода указ был отправлен в сентябре же, но «в присылке в школу никого не бывало», и ей указано вторично [37]. Это доношение свидетельствует, что установка на обучение в школе Полевского завода детей с Северского и Кунгурского пильного завода сохранялась, но исполнялась слабо. Да и новых зачислений в школу по инициативе местного начальства с 1742 г. не проводилось, оно состоялось лишь по предписанию из Екатеринбурга. Между тем детей школьного возраста подросло немало.

Осенью 1746 г. уральские заводы посетил сам президент Берг-коллегии А. Томилов. В сентябре он повелел «учинить ряд экстрактов» о заводском производстве, в том числе и о школах [38]. По изучении экстрактов и лично ознакомившись с положением дел, Томилов издал от своего имени «сообщение», в котором упомянул: с «Северского завода мастеровья и работные люди просили, что дети их отлучены и [они, родители] принуждены ходить на Полевской завод, и им от такого содержания излишней расход и нужда есть». Но «на всех тех заводах, которые между собою состоят неподалеку, как-то Северской от Полевой, а иныя гораздо ближе есть, школы держать, то не без излишняго ж расхода будет, а и мастеров надобно большии...» [18].

Таким образом, инициатива родителей Северского завода о возобновлении школы по месту жительства детей не нашла поддержку у высокого начальства. Поскольку расстояние между заводами составляло семь верст, дети не могли ежедневно добираться до школы пешком. На Полевском заводе родителям приходилось подыскивать им квартиру, платить за проживание у чужих людей, если не находилось родственников или свойственников, обеспечивать детей едой.

В словесную школу во второй половине 1740-х гг. зачислялись поодиночке дети, родители которых выходили в отставку по старости и болезни. Уральское начальство, вынося определение об этом, обязательно интересовалось имеющимися детьми, и при наличии сына школьного возраста приказывало зачислять его в школу для обучения грамоте. Так, в ноябре 1746 г., отправляя в отставку угольного мастера Черепанова с Сылвинского завода, направляя его на проживание к сыну, мастеру Полевского завода, члены канцелярии предписали: 13-летнего сына отставного оставить при отце до 15 лет, а шестилетнего определить в Полевскую школу. В июле 1748 г. двух сыновей умершего горного ученика Петухова, проживавших при отце в Екатеринбурге, определили учиться в Екатеринбургскую словесную школу, но, как показал в январе 1749 г. надзиратель школ Ф. Санников, один из сыновей «языком весьма гугнив», другой может и не доучиться до «других наук», а в Полевском проживает их мать, и предложил отправить детей на проживание к ней, больного оставить при матери до 15 лет, второго зачислить в словесную школу. Начальство с этим в марте месяце согласилось. В феврале 1749 г. в связи с отставкой шмельцера Платонова начальство предписало сына его 8 лет принять в Полевскую школу [7].

Одновременно с зачислением одиночек для обучения грамоте непонятливые ученики увольнялись из словесной школы. В феврале 1744 г. учитель Лукин подал доношение о четырех учениках – «уже летами пришли взрослые и науке весьма непонятны». Шихтмейстер Прокофий Столов запросил мнение мастеровых людей – плавильного мастера, кузнеца, плотника, молотового мастера, те «сказками показали», что ученики «за малолетством до возрасту ни в какие работы быть негодны». Уральское начальство вызвало их на смотр в Екатеринбург, в доношении об отправке указан возраст школьников – 11, 12, 15 и 16 лет. Убедившись, что в работу они действительно негодны, начальство приказало отдать их отцам, а когда «будут годны», представить к распределению [3].

В феврале 1749 г. учитель Розмахнин объявил конторе о шести непонятливых учениках 14–16 лет; еще о двух, 10 и 11 лет, и завершившем обучение грамоте сыне «отделителя» Никите Щепоткине 12 лет. Только 10 июня, через четыре месяца, Полевская контора решила: шестерых «определить в работу сносную», «малолетов» отдать отцам «с росписками», то есть с обязательством объявить к распределению по достижении возраста, Щепоткина отослать в

Екатеринбургскую арифметическую школу. То есть арифметике на Полевском заводе обучать перестали. Через месяц контора известила уральское начальство, и только 21 июля Щепоткина приказали принять для обучения арифметике [9]. Заметим, с какой задержкой выносились решения местной конторой и об определении к делам непонятливых учеников, и о направлении ученика в Екатеринбург!

В августе 1750 г. уже восемь учеников завершили обучение грамоте, одному показано 11 лет, двум – по 13, четверем – 14, одному – 16. Сына умершего плотинного подмастерья Ерыкалова не включили в этот список, поскольку мать ходатайствовала об определении его при заводе «к ремеслу, куда способен явится». Плотинный подмастерье Чепыштанов обратился с просьбой к уральскому начальству, чтоб сына Федора 16 лет, включенного в список к отправке в Екатеринбургскую арифметическую, определить при Полевском заводе, а «наипаче... ко мне в обучение, дабы он при старости моей мог мое место заступить, также и подушные деньги мог платить сам». Начальство же приказало всех присланных, кроме 11-летнего Кайгородова, определить к ремеслам, ибо «при пересмотре», кроме Кайгородова, все показали возраст старше 15. И у прежде присланных на смотр «рознь в летах видима была», поэтому начальство предупредило, чтобы впредь контора в отношении показаний возраста поступала «осмотрительно, ...под опасением штрафа», а Кайгородова приказано было определить в арифметическую школу, о чем он и сам просил [15].

В 1748 г. уральское начальство приказало «учинить опись» детям мужского пола Полевского, Северского и Кунгурского пильного заводов с показанием, кто из них положен в подушный оклад, кто нет. В июне Полевская контора сообщила, что детей от года до 6 лет переписан 151 человек, от 6 до 10 лет – 58, от 10 до 15 лет – 19 и от 15 до 20 лет – 6. Отдельным списком учтено 85 детей до года, включая только что родившихся. Ясно, что число детей школьного возраста набиралось значительное, но начальство отреагировало лишь на тех, кто подлежал определению в работы: «из объявленных в описи служительских детей 14 и выше лет, коих есть 13 человек, определить к делам и работам, сносным по их могутству, с заплатою каждому по рублю на месяц, пока куда в комплект введен будет, и быть им при работах до зимнего времени, а зимою, когда нужных работ не бывает, уволить их к отцам на свое пропитание, да и прочих, кои... от школы уже уросли, тех, как придут в 15-летний возраст, по тому ж употреблять к делам и работам» [13]. В ходе второй ревизии, проходившей в России в 1744–1747 гг., многие мастеровые люди и их дети мужского пола, ранее не платившие подушного оклада, в него были записаны, в том числе и школьники, что, безусловно, значительно ухудшило их материальное положение. Некоторым ученикам приходилось платить подушные деньги не только за себя, но и за умерших отцов.

Во время проведения второй ревизии члены Канцелярии Главного заводов правления пытались освободить мастеровых от уплаты подати или предлагали платить ее из заводской прибыли. В одном из рапортов в Берг-коллегию они указывали, что одни Пермские казенные заводы дают государству прибыли от 40 до 50 тыс. руб. ежегодно, а работные люди из-за непосильных поборов могут разбежаться с заводов, из-за взимания подушного оклада за детей мастеровые отказываются отдавать их в школы, определяют в заводские работы или используют в своем хозяйстве. Поэтому трудно пополнять школы, готовящие служащих для заводских нужд [60, с. 118].

Но пополнения Полевской словесной школы все-таки проводились. В августе 1749 г. Полевская контора потребовала в связи с этим прислать 33 экземпляра азбук и букварей, 20 часословов, 10 псалтирей, канцелярия же ответила, что книг нет, будут высланы по прибытии из Москвы. В Берг-коллегию уже было заказано по 100 экземпляров азбук, часословов и псалтирей, коллегия распорядилась приобрести их за счет заводов, но цену книг «у учеников вычестъ из жалованья их». Азбука стоила 2 коп., часослов – 30 коп., псалтирь – 68 коп. Так, по инициативе Берг-коллегии, прекратилась практика бесплатного пользования книгами в школах горного ведомства, вводилась их продажа учащимся, что, безусловно, явилось еще одной причиной ухудшения материального положения школьников, цена при выдаче книг устанавливалась «с указными процентами» [39].

В сентябре 1754 г. Федор Розмахнин был замещен Дмитрием Лабутиным. В начале 1740-х гг. он числился копиистом в конторе Северского завода, потом был определен канцелярией к лесным делам, но, как жаловалась Полевская контора, «той должности за непонятством ево снести не может... как в сочинении зачетов и при приеме угля, и в протчих делах должно быть проворному и знающему арифметика, дабы казне убытка не принести, <...> мастерам и вощиком не причинилось какой конфузии или фальши». Поэтому предложила «за

долговременную б ево службу и для дому ево, чтоб было без раззорения, определить к лехким и нетрудным делам по ево умению». И 31 августа 1754 г. начальство приказало: «определить ево при Полевском заводе в словесную школу на место бывшего до него престарелого и публично наказанного Розмахнина», а тому «быть на своем пропитании». Но и Лабутин проработал учителем недолго: 5 июля 1755 г. в Екатеринбурге слушалось доношение Полевской конторы, «при котором прислан словесной школы учитель Лабутин для определения его к приказным делам» [40]. Видимо, деятельность Полевской словесной школы начала сворачиваться в 1757 г., когда Полевской завод вместе с Северским и Сысертским перешел в частное владение А. Ф. Турчанинова [54, с. 388].

Согласно имеющимся документам, ученики, завершившие обучение грамоте, пересылались в арифметическую школу Екатеринбурга вплоть до 1755 г. Так, в 1752 г. было отправлено с Полевского завода пятеро учащихся 10–12 лет. Четверо из них получали казенное жалованье, при отправке Полевская контора указала суммы взысканной подушной подати с указанием долгов по ней. Размеры подати различались, некоторые платили 71 $\frac{1}{2}$ коп. в год, другие 1 руб. 12 $\frac{1}{2}$ коп., имея жалованье в словесной школе 3 руб. в год, в арифметической – 4 руб. [10].

В Екатеринбургской школе некоторые из выпускников Полевской словесной доходили до изучения геометрии. Так, сын учителя Розмахнина Василий сразу же после отставки отца (произошедшей, согласно справки, 31 августа 1754 г.), в октябре месяце просил определить ему казенное жалованье, но только в феврале 1755 г. оно было назначено с предписанием – платить из него подушные деньги «бездоимочно». У учителя Розмахнина в 1748 г. числилось трое сыновей: 14, 11 лет и восьмилетний Василий, оказавшийся в Екатеринбургской школе, все они были записаны в оклад [14].

Один из выпускников школ Полевского завода прославил свой завод и город – Козьма Дмитриевич Фролов (1726–1800). Он был зачислен в словесную школу в составе первой группы учеников из 53 человек в декабре 1735 г. в возрасте 9 лет как сын фарлауфера, подносчика руды в плавильную печь, вместе со старшим братом, 12-летним Ананием, получал жалованье. Через год, в 3/3 1736 г., твердил букварь. В сводной ведомости за 1737 г. показан учащим псалтирь и начавшим писать буквы, к концу года псалтирь обучил, писал прописи. Согласно данным ведомостей подолгу болел каждую осень. В октябре 1738 г., в составе второй группы из 17 выпускников словесной школы Фролов переведен в Полевскую арифметическую, где начал обучаться в составе 22 человек, вместе со своим братом. Фролов прекратил обучение в школе из-за ее закрытия в конце 1742 г., находясь в твержении арифметики. В феврале 1743 г. значился среди 17 ее учеников, которых определить некуда [25].

В доношении конторы в августе 1744 г. указан распределенным при Полевском заводе в рудокопщики вместе с двумя однокашниками, зачислен на эту должность в апреле 1744 г., в 1751–1753 гг. работал на Гумешевском руднике «при добыче медных руд», в 1758 г. был командирован в Олонецкую губернию для налаживания горных работ, помогал осваивать месторождения золота и свинца. В 1759 г. назначен руководить горными работами на Березовских золотых промыслах, в 1762 – начальником горных работ на рудниках Урала, получил звание оберштейгера [53, с. 153–154]. В конце 1762 г. направлен на Алтай, на серебро- и золотодобывающие заводы, где проявил себя как выдающийся гидротехник, внедрил в жизнь более 30 различных изобретений [57, с. 80–87]. Пример К. Д. Фролова – яркое свидетельство того, что обучение в школе явилось для него важным социальным лифтом, помогавшим достичь определенных высот в продвижении на жизненном пути.

Таким образом, словесная школа при Полевском заводе действовала с 1735 г. до середины 1750-х гг., дату ее закрытия, как и данные о последних годах ее деятельности, предстоит уточнить. Благодаря этой школе молодое поколение, рожденное в 1720–1730-х гг., получило основы грамоты, научилось читать и писать, примерно треть продолжило обучение арифметике, причем не только с Полевского, но и с соседнего Северского завода. Если бы не активные действия В. Н. Татищева по учреждению сети школ при заводах Урала, грамотой овладели бы лишь единицы из них. Благодаря широкой сети школ ученикам, переводящимся с других заводов при отцах на Полевской и Северский заводы, удавалось продолжить обучение, как и отъезжающим при отцах с них. С конца 1742 г. круг детей, принимаемых в школы, был значительно сужен, хотя наборы детей продолжали проводиться, но распространялись лишь на сирот и сыновей вышедших в отставку работников, а дети мастеров, подмастерьев, заводских и горных учеников стали обучаться лишь по воле родителей, за их счет. Был расширен круг детей, вынужденных платить подушные деньги, с 1750 г. стали платными учеб-

ные пособия, что значительно ухудшило материальное положение учащихся и их семей, способствовало сужению круга обучаемых. Но следует признать, что менталитет заводских жителей изменился, многие мастеровые положительно оценивали практику школьного обучения и продолжали обучать своих детей грамоте, арифметике за свой счет, оплачивая их содержание в школах и не по месту жительства. Переход казенных заводов Урала в частные руки, в том числе и Полевского, привел к завершению деятельности школ при этих предприятиях. В «Описании заводов Уральского хребта, составленном пермским берг-инспектором П. Е. Томиловым» в 1807 г., в отношении Полевского завода сообщалось: «Богадельни и училища еще не заведено» [51, с. 205].

Список литературы

1. Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. : материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга–Свердловска. Свердловск, 1950. С. 45–98.
2. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 69 об.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1035. Л. 14–15 об.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 140–146 об.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 148–156.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1039. Л. 156 об. – 157.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 387; Д. 1248. Л. 22, 39–39 об.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1128. Л. 62; Д. 2321. Л. 145 об.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1248. Л. 118–119.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1377. С. 251–253.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 132–136.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 136 об., 138 об. – 142.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 311–312.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 312, 553–556.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 431–433.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 115 об.; Д. 4. Л. 140; Оп. 12. Д. 194. Л. 6 об.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 329 об.
18. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 50. Л. 503 об.
19. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 55–55 об.
20. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 602. С. 117–130; Д. 692. С. 527; Д. 694. С. 192; Оп. 12. Д. 246. С. 182.
21. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 140.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 297–297 об.
23. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 49.
24. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 50–52 об.
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 51; Д. 694. Л. 73 об.; Д. 602. Л. 123 об.; Д. 756. Л. 168; Д. 2321. Л. 133.
26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 513, 515 об., 516.
27. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 694. С. 68–78.
28. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 816. Л. 118–119; Д. 857. Л. 94–95.
29. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 816. Л. 29–30.
30. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 857. Л. 101–102, 115–116.
31. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. С. 194.
32. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 907. С. 195–198.
33. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 54–56 об., 184–186.
34. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 216. Л. 17–18.
35. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 62–65.
36. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 308. С. 84–91.
37. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 349. Л. 121.
38. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 356. Л. 147–148.
39. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 392. С. 282–283; Д. 53. Л. 357.
40. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 451. С. 269–271; Д. 461. С. 32.
41. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 737. Л. 69–81.
42. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 132–144, 147–160.
43. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 161.
44. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 164.
45. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 164.
46. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 756. С. 166–168.
47. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 760. Л. 20–28 об.
48. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 816. Л. 31–37; Д. 857. Л. 96–100 об.
49. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 187–188 об.
50. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 957. Л. 57–61 об., 178–183, 187–188 об.

51. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. : сборник докум. материалов. Свердловск : [б. и.], 1956. 299 с.
52. Козлов А. Г. К биографии выдающегося гидротехника К. Д. Фролова // Исторический архив. 1956. № 2. С. 214–216.
53. Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII – начала XX века. Свердловск : Средне-Урал. книжное изд-во, 1981. 224 с.
54. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2001. 536 с. С. 388.
55. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М. : Гудок, 1944. 120 с.
56. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.
57. Савельев Н. Я. Козьма Дмитриевич Фролов. Жизнь и деятельность замечательного русского изобретателя. Свердловск : Свердлгиз, 1950. 94 с.
58. Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 334 с. (Год открытия школы при Северском заводе в статье скорректирован: не 1741, а 1742.)
59. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. М., 1990. 440 с.
60. Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. 247 с.

The first schools of the Polevsky Plant: verbal and arithmetic (1735–1750-ies.)

A. M. Safronova

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-4692-3025. E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Abstract. The problem of reconstruction of the organization and activities of schools opened on the initiative of V. N. Tatishchev at the state-owned factories of the Urals in the 1730s, the period of his second leadership of the factories of the Urals and Siberia, is relevant, since they have become the largest type of primary educational institutions in Russia with a democratic composition of students along with garrison schools of the military department. But we still don't know much about the schools that operated at specific factories. The purpose of the study is to reveal the contribution of the Polevsky Factory schools to the dissemination of literacy among the children of factory residents and teaching them the basics of mathematics based on the identification of a set of archival documents about their activities, comparative and textual analysis of statements about the success of their students, finding out their quantitative, age, social composition, features of the formation of teachers. The article traces the change in the policy of the Ural authorities regarding the enrollment of children in schools: from compulsory admission of all children of factory residents since 1735, with the exception of the sick, thanks to which children's literacy has become unprecedentedly high, to admission from the end of 1742 due to the lack of regular amounts allocated to schools, only orphans and sons of persons, retired from business, with a government salary, and the children of artisans – only at the request of their parents. The results of the study with the application of the text of the most interesting documents are supposed to be transferred for use to the museum of the city of Polevsky, publication on the Internet and inclusion in the monograph on mining schools of the Urals in the first half of the XVIII century.

Keywords: V. N. Tatishchev, Ural, mining schools, Polevskoy plant, teachers, students, distribution to cases.

References

1. Budrin V. N. *Gornozavodskie shkoly Urala v XVIII i v nachale XIX v. : materialy vtoroj nauch. konf. po istorii Ekaterinburga–Sverdlovsk* [Mining schools of the Urals in the XVIII and early XIX centuries : materials of the second scientific conference on the history of Yekaterinburg–Sverdlovsk]. Sverdlovsk. 1950. Pp. 45–98.
2. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. 24. Inv. 12. File 215. l. 69 turn.
3. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1035. Sh. 14–15 turn.
4. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 140–146 turn.
5. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 148–156.
6. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1039. Sh. 156 turn – 157.
7. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 387; D. 1248. Sh. 22, 39–39 turn.
8. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1128. Sh. 62; D. 2321. Sh. 145 turn.
9. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1248. Sh. 118–119.
10. SASR. F. 24. Inv. 1. File 1377. Pp. 251–253.

11. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 132–136.
12. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 136 turn., 138 turn–142.
13. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 311–312.
14. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 312, 553–556.
15. SASR. F. 24. Inv. 1. File 2321. Sh. 431–433.
16. SASR. F. 24. Inv. 1. File 26. Sh. 115 turn.; File 4. Sh. 140; Inv. 12. File 194. Sh. 6 turn.
17. SASR. F. 24. Inv. 1. File 50. Sh. 329 turn.
18. SASR. F. 24. Inv. 1. File 50. Sh. 503 turn.
19. SASR. F. 24. Inv. 1. File 577a. Sh. 55–55 turn.
20. SASR. F. 24. Inv. 1. File 602. Pp. 117–130; File 692. P. 527; File 694. P. 192; Inv. 12. File 246. P. 182.
21. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 140.
22. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 297–297 turn.
23. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 49.
24. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 50–52 turn.
25. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 51; File 694. Sh. 73 turn.; File 602. Sh. 123 turn.; File 756. Sh. 168; File 2321. Sh. 133.
26. SASR. F. 24. Inv. 1. File 624. Sh. 513, 515 turn., 516.
27. SASR. F. 24. Inv. 1. File 694. Pp. 68–78.
28. SASR. F. 24. Inv. 1. File 816. l. 118–119; File 857. Sh. 94–95.
29. SASR. F. 24. Inv. 1. File 816. Sh. 29–30.
30. SASR. F. 24. Inv. 1. File 857. Sh. 101–102, 115–116.
31. SASR. F. 24. Inv. 1. File 907. S. 194.
32. SASR. F. 24. Inv. 1. File 907. S. 195–198.
33. SASR. F. 24. Inv. 1. File 957. Sh. 54–56 turn., 184–186.
34. SASR. F. 24. Inv. 12. File 216. Sh. 17–18.
35. SASR. F. 24. Inv. 12. File 217. Sh. 62–65.
36. SASR. F. 24. Inv. 12. File 308. Pp. 84–91.
37. SASR. F. 24. Inv. 12. File 349. Sh. 121.
38. SASR. F. 24. Inv. 12. File 356. Sh. 147–148.
39. SASR. F. 24. Inv. 12. File 392. Pp. 282–283; D. 53. Sh. 357.
40. SASR. F. 24. Inv. 12. File 451. Pp. 269–271; File 461. Pp. 32.
41. SASR. F. 24. Inv. 1. File 737. Sh. 69–81.
42. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. Pp. 132–144, 147–160.
43. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. P. 161.
44. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. P. 164.
45. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. P. 164.
46. SASR. F. 24. Inv. 1. File 756. P. 166–168.
47. SASR. F. 24. Inv. 1. File 760. l. 20–28 turn.
48. SASR. F. 24. Inv. 1. File 816. l. 31–37; d. 857. Sh. 96–100 turn.
49. SASR. F. 24. Inv. 1. File 957. Sh. 187–188 turn.
50. SASR. F. 24. Inv. 1. File 957. Sh. 57–61 turn., 178–183, 187–188 turn.
51. *Gornozavodskaya promyshlennost' Urala na rubezhe XVIII–XIX vv. : sbornik dokum. materialov – Mining industry of the Urals at the turn of the XVIII–XIX centuries : collection of documents. materials. Sverdlovsk. [without ill.], 1956. 299 p.*
52. *Kozlov A. G. K biografii vydayushchegosya gidrotekhnika K. D. Frolova [On the biography of the outstanding hydraulic engineer K. D. Frolov] // Istoricheskij arhiv – Historical Archive. 1956. No. 2. Pp. 214–216.*
53. *Kozlov A. G. K biografii vydayushchegosya gidrotekhnika K. D. Frolova [Creators of science and technology in the Urals of the XVII – early XX century]. Sverdlovsk. Sredne-Ural book publishing house. 1981. 224 p.*
54. *Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX vv. : enciklopediya – Metallurgical plants of the Urals of the XVII–XX centuries : encyclopedia. Yekaterinburg. Akademkniga. 2001. 536 p. P. 388.*
55. *Nechaev N. V. Shkoly pri gornyh zavodah Urala v pervoj polovine 18-go stoletiya: K istorii professional'nogo obrazovaniya v Rossii [Schools at mining plants of the Urals in the first half of the 18th century: On the history of vocational education in Russia]. M. Gudok. 1944. 120 p.*
56. RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 248. Inv. 17. D. 1133. Sh. 27.
57. *Savel'ev N. Ya. Koz'ma Dmitrievich Frolov. Zhizn' i deyatelnost' zamechatel'nogo russkogo izobretatelya [Kozma Dmitrievich Frolov. The life and work of a remarkable Russian inventor]. Sverdlovsk. Sverdlgiz. 1950. 94 p.*
58. *Safonova A. M. Dokumenty organov upravleniya promyshlennost'yu Rossii kak istochnik o gornozavodskih shkolah Urala pervoj poloviny XVIII v. [Documents of the Russian industry management bodies as a source about mining schools in the Urals of the first half of the XVIII century]. Yekaterinburg. Ural University. 2014. 334 p. (The year of the opening of the school at the Seversky Factory was corrected in the article: not 1741, but 1742.)*
59. *Tatishchev V. N. Zapiski. Pis'ma 1717–1750 gg. [Notes. Letters of 1717–1750]. M. 1990. 440 p.*
60. *Cherkasova A. S. Masterovye i rabotnye lyudi Urala v XVIII v. [Artisans and working people of the Urals in the XVIII century]. M. 1985. 247 p.*

Бандитизм в Кировской области в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой анализ

А. В. Семено

кандидат исторических наук, заместитель директора, Юридический институт,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: usr11814@vyatsu.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов представлен историко-правовой анализ деятельности Управления НКВД по Кировской области по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны. Предметом исследования являются особенности проявления бандитизма на региональном уровне, формы и методы работы НКВД по ликвидации преступных групп в чрезвычайных условиях военного времени. Показано, что в Кировской области, как и в других тыловых регионах СССР, в годы войны бандитизм имел преимущественно уголовную, а не политическую направленность. Бандитские группы формировались из числа дезертиров, уклонистов от службы в РККА, лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, а также за счет противников советской власти (раскулаченных, репрессированных). Наибольшая активность преступных групп наблюдалась в южных районах Кировской области, что было главным образом обусловлено социально-политическими и географическими факторами. Обоснован вывод, что отделы НКВД по борьбе с бандитизмом, созданные для противодействия преступным группам, показали свою эффективность в условиях военного времени. Основными формами работы их сотрудников стали массовые проверки документов в городах и сельской местности, прочесывание лесной местности, налаживание агентурной работы для разложения бандитских группировок, использование партийно-советского актива для поиска и обезвреживания преступников.

Ключевые слова: бандитизм, Кировская область, преступность, НКВД, Великая Отечественная война.

В годы Великой Отечественной войны криминогенная обстановка в СССР значительно обострилась. К основным факторам роста уровня преступности в масштабах страны можно отнести резкое ухудшение социально-экономической обстановки как в прифронтовых, так и в тыловых районах, призыв в ряды Красной Армии опытных сотрудников милиции и, как следствие, осложнение работы правоохранительных органов. Одним из наиболее опасных видов преступлений в годы войны являлся бандитизм.

Согласно УК РСФСР 1926 г. под бандитизмом понималась «организация вооруженных банд и участие в них и организованных ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов и разрушение железнодорожных путей и средств сообщения и связи» (ст. 59.4). Создание и участие в бандформированиях наказывалось расстрелом и конфискацией всего имущества «с допущением, по смягчающим обстоятельствам, понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет с конфискацией имущества».

В 1930-х гг. применение статьи «Бандитизм» было расширено. В соответствии с постановлением Президиума ВС СССР от 14 февраля 1936 г. грабеж, а тем более групповой, должен был квалифицироваться по ст. 59 УК РСФСР, несмотря на то, были его участники вооружены или нет [8, с. 158]. В некоторых случаях по статье 59.4 УК РСФСР к ответственности привлекались преступники-одиночки, совершившие несколько грабежей, разбоев, убийств.

В годы Великой Отечественной войны сложная криминальная обстановка в стране вынудила советское руководство пойти на дальнейшее расширение применения этой статьи. Постановлением Пленума ВС СССР от 8 января 1942 г. «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени» совершенные неоднократно или группой лиц, или лицами, ранее судимыми за хищение или при иных отягчающих обстоятельствах, кражи личного имущества граждан во время воздушного налета врага, при оставлении населенного пункта в связи с появлением или приближением врага, эвакуированных граждан в пути квалифицировались по аналогии по ст. 59 УК РСФСР. Как бандитизм квалифицировали и так называемые «особые дела» о людоедстве [6, с. 37].

В условиях военного времени бандитизм приобрел широкое распространение и в прифронтовых районах, и в тылу. Среди основных причин роста случаев бандитизма следует отметить неудачи советской армии в первые месяцы войны, распространение дезертирства и уклонение от

призыва в РККА, тяжелые условия труда и быта. Банды пополнялись и за счет противников коммунистов (раскулаченных, репрессированных, сектантов и пр.). Поэтому преступная деятельность бандформирований в годы войны зачастую приобретала политическую (антисоветскую) направленность и квалифицировалась по ст. 58 УК РСФСР «Контрреволюционные преступления».

Одним из обстоятельств, негативно повлиявших на распространение бандитизма в стране, была относительная доступность оружия в условиях войны. Известны случаи, когда дезертиры с оружием в руках уходили из действующих частей Красной Армии, объединялись в вооруженные банды и совершали убийства, грабежи, разбой и кражи государственного и личного имущества.

В Кировской области наиболее тяжелая ситуация с дезертирством и бандитизмом сложилась в южных районах, что объяснялось рядом социально-политических и географических факторов. Именно в этих районах (Кикнурский, Санчурский, Шарангский и др.) сильные позиции имела Истинно-православная церковь (ИПЦ), сторонники которой призывали население бойкотировать гражданские обязанности, в том числе военную службу. На юге области к началу войны сохранилось немало единоличных крестьянских хозяйств, члены которых враждебно относились к советской власти и не считали себя обязанными защищать ее. Банды дезертиров использовали географическое положение юго-западных районов Кировской области: во-первых, здесь имелись крупные лесные массивы, позволявшие преступникам укрываться от милицеских рейдов, и во-вторых, рядом располагались Марийская АССР и Горьковская область, куда бандиты уходили от кировской милиции.

В целях усиления борьбы с групповой преступностью в структуре милиции были созданы специальные подразделения. Еще в апреле 1941 г. при Главном управлении милиции (ГУМ) был образован отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ). Приказом Наркомата внутренних дел от 30 сентября 1941 г. № 001414 Отдел по борьбе с бандитизмом был выделен из состава ГУМ и подчинен непосредственно наркомату. Отделы (отделения) по борьбе с бандитизмом создавались в каждой области и напрямую подчинялись управлениям НКВД. В соответствии с приказом от 1 декабря 1944 г. № 001447 ОББ НКВД был преобразован в Главное управление по борьбе с бандитизмом.

Соответствующие изменения произошли и в структуре органов НКВД Кировской области. В начале войны борьба с преступными группировками была возложена на отдел уголовного розыска (ОУР), в состав которого входило первое отделение по борьбе с бандитизмом, убийствами и грабежами. Однако в 1943 г. в связи с осложнившейся обстановкой на базе первого отделения был создан отдел по борьбе с бандитизмом, состоявший из 15 сотрудников. ОББ и ОУР УНКВД по Кировской области вели совместную борьбу с организованной преступностью в областном центре и районах области.

В целях борьбы с дезертирством и бандитизмом кировская милиция применяла разнообразные методы работы: а) районным и городским органам внутренних дел вменялось в обязанность не реже двух раз в декаду совместно с партийным и советским активом проводить облавы в городах и селах по проверке документов у граждан, прочесывать лесную местность; б) районным отделам НКВД предписывалось вести работу по расширению агентурной сети, подбирать агентов, способных выявлять дезертиров и оказывать разлагающее действие на бандгруппы; в) сотрудники милиции могли использовать ресурсы родственных связей, партийно-советского актива для склонения дезертиров и бандитов к добровольной явке [7, с. 54–55].

В 1942–1943 гг. в районы наибольшего распространения банд дезертиров на помощь местной милиции направлялись оперативные группы ОУР. Участникам операций предоставлялись широкие полномочия, вплоть до стрельбы на поражение [4, л. 4 об.].

В отличие от западных регионов СССР, где целью бандитских группировок являлась борьба против советской власти, бандитизм в тыловых районах зачастую имел уголовную направленность. Организаторами преступных групп на территории Кировской области во многих случаях становились военнослужащие, дезертировавшие из рядов Красной Армии. С 1 июля по 31 декабря 1941 г. в Кировской области было арестовано 262 дезертира и 183 уклоняющихся от призыва (всего – 445 чел.) [4, л. 7]. В течение первой половины 1942 г. эти цифры увеличились до 1126 дезертиров и 852 уклонистов (всего – 1978 чел.). Особую опасность представляли дезертиры, бежавшие с фронта и имевшие при себе различное стрелковое оружие.

В 1942–1943 гг. на территории Санчурского района Кировской области и Килемарского района Марийской АССР действовала банда во главе с М. Е. Пахмутовым (кодовое название – «Витьюмцы»), дезертировавшим из Красной Армии. Проживая на нелегальном положении, Пахмутов организовал из дезертиров бандитскую группу, которая впоследствии объедини-

лась с бандой еще одного Пахмутова – Якова. Имея на вооружении охотничьи ружья, бандиты занимались грабежами, хищениями из общественных и государственных складов, индивидуальных хозяйств колхозников. Осенью 1943 г. операция по задержанию и обезвреживанию бандитской группы, зашифрованной как «Кроты», была успешно завершена. Организаторы банды были приговорены к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества, остальные соучастники – к различным срокам лишения свободы от 6 до 8 лет [1, с. 193].

В августе 1943 г. на территории Кикнурского района Кировской области была ликвидирована банда И. П. Шушалыкова (кодовое название – «Лесные»). Преступная группа, состоявшая из дезертиров и бывших кулаков, совершила несколько крупных краж в колхозах, неоднократно обстреливала из оружия колхозных активистов. При ликвидации банды были изъяты винтовочный обрез, автоматический пистолет, 4 охотничьих ружья [5, л. 27].

По итогам 1943 г. сотрудниками УНКВД по Кировской области было изъято: винтовок и карабинов – 37, ручных пулеметов – 1, револьверов и пистолетов – 124, охотничьих ружей – 85, ракетниц – 2, обзоров и берданов – 9, гранат – 9, холодного оружия (ножей, штыков) – 315, боеприпасов – 1684. Выявлено бандитских групп – 28, числом участников – 120. Ликвидировано бандитских групп – 31, участников – 130, бандитов-одиночек – 11, пособников – 36 [1, с. 196].

Некоторые бандитские группы формировались по национальному признаку. В 1941 г. на территории Уренского района Горьковской области сформировалась преступная группа из 17 цыган. Район действий банды охватывал четыре района Горьковской области (Ветлужский, Тонкинский, Тоншаевский и Шахунский) и два района Кировской области (Кикнурский и Санчурский). Вначале преступники занимались кражами лошадей и имущества колхозников [4, л. 1 об.]. Однако в 1942 г. банда начала совершать более серьезные преступления, включая грабежи и убийства. В результате совместных действий кировской и горьковской милиции банда была обезврежена. В ориентировке от 15 декабря 1942 г. ГУМ НКВД СССР дало высокую оценку кировской милиции по борьбе с преступными группировками [1, с. 189].

В 1943–1944 гг. на севере Кировской области действовала банда под руководством Р. Я. Лиймана (кодовое название – «Нелегаль»), в состав которой входило 9 человек, все эстонцы по национальности. Преступники занимались кражами колхозного имущества и грабежами местного населения. В ходе следствия было установлено, что члены банды, вооруженные охотничьими ружьями, планировали нападение на местное РО НКВД с целью пополнения своего арсенала и развертывания активной антисоветской деятельности. Благодаря действиям кировской милиции банда Р. Я. Лиймана была ликвидирована в начале 1944 г. в Опаринском районе Кировской области [3, л. 12–12 об.; 5, л. 9–9 об., 13–14].

Еще одним источником формирования бандитских группировок были лица, освобожденные из лагерей и колоний Коми АССР и Вятлага. Наибольшую активность эти группы проявляли в областном центре, являвшемся важным транспортным узлом. Например, в Кирове с августа 1944 г. по январь 1945 г. банда из 10 человек (кодовое название – «Друзья») совершила 11 квалифицированных краж; стоимость похищенного исчислялась десятками тысяч рублей. Деятельность преступной группы была пресечена сотрудниками кировского ОУР, а члены банды – преданы суду.

По мере приближения Победы количество преступлений, совершавшихся преступными группами, стало снижаться. Если по итогам первого квартала 1944 г. в области было ликвидировано пять банд общей численностью 23 человека, то за второй квартал 1945 г. была выявлена и ликвидирована только одна преступная группа численностью два человека. По состоянию на 1 июля 1945 г. в розыске числилось пять бандитов-одиночек и ни одной банды [2, л. 12; 5, л. 77 об.].

Таким образом, на криминологические характеристики бандитизма в Кировской области оказывали влияние факторы, связанные с обстановкой во всей стране (сокращение штатного состава органов НКВД, чрезвычайные социально-экономические условия военного времени, высокая распространенность оружия среди населения), а также факторы, обусловленные региональной спецификой Кировской области (удаленность региона от линии фронта, особенности социального состава населения в отдельных районах области, влияние ИПЦ, близость к ВятЛАГУ и ИТЛ в Коми АССР). Специальные мероприятия по борьбе с бандитизмом, применяемые органами милиции, показали свою эффективность и принесли положительные результаты.

Список литературы

1. 300 лет на страже правопорядка : в 2 т. Т. 1: 1718–1945. Киров : Кировская областная типография, 2018. 240 с.
2. Архив УМВД КО (Архив Управления Министерства внутренних дел по Кировской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

3. Архив УМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
4. Архив УМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1.
5. Архив УМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3.
6. Блинова В. В. Деятельность органов НКВД по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой анализ // Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: проблемы исследования и сохранения исторической памяти : мат-лы Международной научно-практической конференции, г. Оренбург, 30 ноября – 1 декабря 2018 г. Оренбург, 2018. 288 с.
7. Защищая Отечество. Милиция Кировской области в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / отв. ред. В. Т. Юнгблуд; Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Кировской области. Киров : О-Краткое, 2020. С. 54–55.
8. Кузнецова О. А., Нестеров С. В. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестн. Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 12 (140). С. 154–161.

Banditry in the Kirov region during the Great Patriotic War: Historical and Legal Analysis

A. V. Semeno

PhD in Historical Sciences, deputy director, Law Institute, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: usr11814@vyatsu.ru

Abstract. Based on archival materials, the article presents a historical and legal analysis of the activities of the NKVD Department in the Kirov region to combat banditry during the Great Patriotic War. The subject of the study is the peculiarities of the manifestation of banditry at the regional level, the forms and methods of work of the NKVD to eliminate criminal groups in extreme wartime conditions. It is shown that in the Kirov region, as in other rear regions of the USSR, during the war, banditry had mainly a criminal, not a political orientation. Bandit groups were formed from among deserters, evaders from service in the Red Army, persons released from prison, as well as at the expense of opponents of Soviet power (dispossessed, repressed). The greatest activity of criminal groups was observed in the southern districts of the Kirov region, which was mainly due to socio-political and geographical factors. The conclusion is substantiated that the NKVD departments for combating banditry, created to counter criminal groups, have shown their effectiveness in wartime conditions. The main forms of work of their employees were mass document checks in cities and rural areas, combing the forest area, establishing agent work for the decomposition of bandit groups, using the party-Soviet asset to search and neutralize criminals.

Keywords: banditry, Kirov region, crime, NKVD, Great Patriotic War.

References

1. *300 let na strazhe pravoporyadka : v 2 t. T. 1: 1718–1945 – 300 years on the guard of law and order : in 2 vols.* Vol. 1: 1718–1945. Kirov. Kirov Regional Printing House. 2018. 240 p.
2. Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Kirov region (Archive of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Kirov region). F. 1. Inv. 1. File 2.
3. Archive of the Ministry of Internal Affairs of Kirov Region. F. 1. Inv. 1. File 3.
4. Archive of the Ministry of Internal Affairs of Kirov Region. F. 22. Inv. 1. File 1.
5. Archive of the Ministry of Internal Affairs of Kirov Region. F. 22. Inv. 1. File 3.
6. Блинова В. В. *Deyatel'nost' organov NKVD po bor'be s banditizmom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-pravovoj analiz* [Activity of NKVD bodies in the fight against banditry during the Great Patriotic War: historical and legal analysis] // *Zavershenie korennogo pereloma v hode Velikoj Otechestvennoj vojny: problemy issledovaniya i sohraneniya istoricheskoy pamyati : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Orenburg, 30 noyabrya – 1 dekabrya 2018 g.* – Completion of the radical turning point during the Great Patriotic War: problems of research and preservation of historical memory : materials of the International Scientific and practical Conference, Orenburg, November 30 – December 1, 2018. Orenburg. 2018. 288 p.
7. *Zashchishchaya Otechestvo. Miliciya Kirovskoj oblasti v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 – Defending the Fatherland. The militia of the Kirov region in the Great Patriotic War, 1941–1945 / resp. ed. V. T. Yungblud; Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Kirov region. Kirov. O-kratkoye. 2020. Pp. 54–55.*
8. *Kuznecova O. A., Nesterov S. V. Istoricheskie aspekty poyavleniya i razvitiya ugolovnoj otvetstvennosti za banditizm v Rossii* [Historical aspects of the emergence and development of criminal responsibility for banditry in Russia] // *Vestn. Tambovskogo un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Herald of Tambov University. Series: Humanities.* 2014. No. 12 (140). Pp. 154–161.

Духовные учебные заведения РПЦ и формирование личности священно- и церковнослужителей в период модернизации XIX века

А. В. Скутнев

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ResearcherID: AAX-7041-2020. E-mail: skutnev@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – показать значение духовных учебных заведений (училища, семинарии, академии) для формирования личности дореволюционного православного священника. Актуальность объясняется огромным интересом среди исследователей к истории Церкви и социальной истории страны.

Статья посвящена истории духовных учебных заведений, в которых обучались дети из духовного сословия. Духовная школа подстраивалась под изменения государственной политики и эволюционировала. Реформа 1867 г. способствовала либерализации духовного образования через введение выборного начала и предоставление большей автономии. Устав 1884 г., наоборот, свернул мероприятия эпохи Александра II в сторону увеличения роли администрации.

Духовной школе были присущи все проблемы и положительные достижения отечественной системы образования. Хотя, безусловно, духовная школа имела определенную специфику. Особенно это касается проживания воспитанников в специальных общежитиях и замкнутой среде. Сохранилось немало доказательств невысокого уровня нравов, царивших в духовных учебных заведениях. Учителя и ученики духовных семинарий и академий по-разному применяли свои знания, полученные в ходе обучения. Ряд духовной молодежи покидали духовное сословие, некоторые становились священниками или безвозмездно служили обществу. Другие семинаристы революционизировались и участвовали в политических протестных мероприятиях. Почти все духовные учебные заведения так или иначе были охвачены политическим протестом, особенно в годы первой русской революции.

Духовные учебные заведения формировали личность, помогали получить качественное классическое образование, которое не уступало светскому. Здесь священнослужители знакомились с культурой, гуманистическими ценностями и достижениями гуманитарных наук.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовенство, духовные учебные заведения.

Духовная школа – это особый и крайне важный институт в системе РПЦ. Система духовного образования была открыта для всех детей из духовного сословия на всех уровнях. В стенах семинарий, особенно духовных академий, трудились серьезные ученые, которые были привлечены к проведению церковных реформ. Духовная школа формировала корпоративную культуру. Кризисные явления в ней имели глубокое влияние на жизнь Церкви.

Начиная с XVIII в., духовенство обязано было получать духовное образование. Фактически за 100 лет генетически грамотным сословием в России стало духовенство, а не дворянство. Появление «недоросля» в духовной среде было невозможно. При этом духовенство, хотя и было обременено обязанностями по службе, как правило, четко осознавало свою общественную функцию. Желание служить народу было огромным, что принимало иногда совершенно гипертрофированный вид. Многие клирики стали революционерами, чтобы поменять окружающую действительность. Другие служили обществу, например, занимались историческими исследованиями ради сохранения информации для будущих поколений, либо с целью понять свое прошлое. Духовенство, несмотря на его малочисленность среди населения России, именно благодаря образованности и желанию изменять окружающий мир, подарило России огромное количество деятелей культуры и политики: художника В. М. Васнецова, поэта И. С. Никитина, министра финансов России и видного ученого И. А. Вышнеградского, нобелевского лауреата И. П. Павлова, советского экономиста Е. А. Преображенского и многих других.

Церковные реформы открыли доступ в ряды духовенства выходцам из других сословий. Но и сами дети священно- и церковнослужителей все чаще покидали ряды духовенства. Сами иерархи церкви почти бросили бороться с бегством из сословия самых инициативных и увлеченных. Как сказал еще в начале XIX в. рязанский архиепископ Феофилакт выпускникам се-

минарии, пожелавшим учиться на врачей: «ныне я соглашаюсь на ваше желание посвятить себя медицине – этот путь более верный для вас, и вернее может обеспечить вашу будущность» [2]. Г. Гапон так охарактеризовал свое непоступление в университет: «это было равносильно гибели всей моей карьеры и всего, что привлекало меня в жизни» [4, с. 6]. Только после уговоров отца и невесты он решил стать священником.

И тем не менее у большинства детей желание покинуть духовное сословие не возникало. Если и говорить о том, что духовная школа в середине XIX в. устарела и требовала реформирования, то нужно понимать, что духовное образование не уступало светскому, было вполне современным и необходимым. В 1808–1814 гг. при активном участии М. М. Сперанского была проведена реформа системы духовных учебных заведений по аналогии с введенной в 1803 г. системой светского образования. Система духовного образования стала отвечать принципам преемственности и состоять из четырех ступеней: церковноприходская школа – духовное училище – духовная семинария – духовная академия. Обязательной ступенью было только духовное училище, окончив которое человек мог рассчитывать на нижнюю причетническую должность. Чтобы стать священником, необходимо было закончить семинарию.

В лучших традициях светского образования – страна делилась на четыре учебных округа, с центром – академией. Духовная академия была элитным учебным заведением. В нее поступали только лучшие ученики, которые желали вступить в ряды монашеского духовенства и быть в числе церковных иерархов, либо преподавателей духовных школ. Во главе академий и семинарий стояли ректоры, во главе училищ – смотрители. Также были учреждены должности инспекторов, которые следили за нравственностью в стенах духовной школы. Все духовные школы получили штатное расписание и централизованное материальное обеспечение (деньги давало государство).

Число духовных образовательных учреждений в течение всего XIX в. неизменно росло. В начале XIX в. насчитывалось три академии, 37 семинарий и 37 низших, или «архиерейских» школ. В них обучалось в общей сложности 29 тыс. человек. В 1854 г. было уже четыре академии, 48 семинарий и 159 низших духовных училищ, а количество обучавшихся в них составляло 61 тыс. человек [8, с. 513]. К 1917 г. действовало четыре академии, 58 семинарий и 185 училищ, количество обучавшихся осталось на уровне 1854 г. [24, с. 134].

Трижды в XIX в. менялась подчиненность духовного образования. С 1808 по 1839 гг. действовала Комиссия духовных училищ, с 1839 по 1869 гг. – Духовно-учебное управление, наконец с 1869 г. был образован Учебный комитет при Св. Синоде, просуществовавший до 1918 г. Этот комитет сразу же получил годовой бюджет в 1,5 млн. руб. [10].

Образовательные программы постоянно менялись в зависимости от мнения властей по поводу того, какими должны быть священнослужители. По положению 1836 г. о духовных учебных заведениях, в гимназиях резко сокращался объем преподавания общеобразовательных дисциплин, но увеличивался курс церковной истории, а в академиях упразднялось преподавание философии. Были и положительные моменты. Так, вводилось преподавание агрономии, медицины и ветеринарии, чтобы окончившие семинарию, исполняя священнические обязанности, могли оказывать соответствующую помощь прихожанам. Таким образом, будущие батюшки не только выступали как служители культа, но и помимо духовной помощи могли оказать помощь чисто практическую. Значение духовного лица в обществе возрастало.

В 1867 г. был принят новый Устав духовных заведений. Произошло увеличение самостоятельности местных правлений в духовно-учебных заведениях, вводились выборы начальствующих и наставников, участие епархиального духовенства в делах учебных заведений, а в учебном отношении – в духовных семинариях и училищах – преобладало преподавание классических языков и математики и сосредоточение богословского образования в двух последних специальных классах семинарий. Была введена педагогика.

Мы видим, что вводились демократические элементы – через выборы попечительского совета на съездах духовенства. Попечительский совет мог влиять на учебный и воспитательный процесс в семинарии. Семинария перестала быть сословным учебным заведением. Выпускники семинарии получили свободу выбирать профессию священника или иную. Как отметила современная исследовательница А. Д. Попова: «данные нововведения отражали процесс модернизации» [22, с. 29].

При Александре III свободы сворачивались. Устав 1884 г. ликвидировал многие пункты, достигнутые в период Великих реформ: отменялось выборное начало и вводились административный порядок назначения должностных лиц, подчинение правлений духовно-учебных

заведений начальственному попечению епархиальных архиереев, ограничение прав съездов духовенства, в учебном отношении: сокращался общеобразовательный курс (ограничивалось преподавание древних языков и математики, отменялось обязательное изучение новых языков), расширялось преподавание богословских наук, часть которых из двух последних классов была перенесена в низшие классы семинарий. Тем не менее во многих семинариях Учебным комитетом было разрешено вводить сверх программы изучение таких предметов, как начальные сведения по медицине, по гигиене и соматологии, практические занятия садоводством и огородничеством. Так как лишь около 20 % учащихся семинарий посвящали себя в дальнейшем служению Церкви, то эта реформа была воспринята большинством семинаристов с крайним неудовольствием. С 80-х гг. возрастает количество беспорядков в семинариях, доходящих иногда до покушений на ректоров и инспекторов. Учащийся Псковской семинарии совершил покушение на обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева [9].

В 1906 г. Учебным комитетом выработаны некоторые изменения в учебной части духовных семинарий и училищ: увеличено число уроков по одним предметам и уменьшено по другим; в семинарский курс введены новые предметы – тригонометрия и космография, а в училищный курс – история, природоведение и черчение; отменено преподавание в семинариях библейской истории как отдельного предмета.

Таким образом, трижды за XIX век (1808–1814, 1867, 1884) происходили реформы духовного образования. Главным моментом было соотношение богословских и общеобразовательных предметов, изучаемых будущими пастырями. Именно личность духовного лица была предметом изменений. В период Великих реформ предполагалось формировать всесторонне развитого священника, знающего и понимающего окружающий мир, а не только вопросы религии. С 1884 г., напротив, государство попыталось загнать духовную школу к изучению только богословских предметов, ликвидировать наметившийся дух свободы и интерес к жизни общества среди семинаристов.

Период учения едва ли не самый важный в жизни человека. Для детей духовенства учеба поистине давала уроки жизни и напрямую определяла судьбу. И. С. Беллюстин как первый автор произведения о приходском духовенстве, задавая вопрос о тяжелом и униженном положении своего сословия, искал ответ в детстве – а конкретно в духовной школе [1, с. 1].

Будущему батюшке предстояло проделать долгий ученический путь. Если говорить об обучении, то преемственность в переходе из одной ступени в другую была современным явлением. В начале XIX в. обучение предполагало три двухгодичных класса в училище и столько же в семинарии. А затем четыре года в академии (два отделения по два года). Однако учиться было достаточно сложно, о чем говорит большое количество незакончивших. Переводные экзамены сдавались каждый год. Некоторые ученики оставались на второй год. С каждой ступенью обучение усложнялось. Особенно это касается духовных академий. До 1840-х гг. не были разработаны методики преподавания, отсутствовали единые программы и даже учебники. Господствовала зубрежка. Однако затем ситуация выправляется в лучшую сторону. После реформы 1867 г. обучение в духовном училище сократилось до четырех лет (четыре одноступенчатых класса). В остальных типах учебных заведений сроки остались прежними.

Система оценок начиналась с 1 балла и понижалась до 5. Лучшие ученики сидели за первыми партами. Вообще весь класс распределялся по успеваемости от первого ученика до последнего.

Занятия обычно начинались в 8 ч. утра и продолжались до 16 ч. с двухчасовым перерывом на обед с 12 до 14 ч., на который воспитанники расходились по домам. В субботу уроки заканчивались в 12 ч.

На переменах и после учебы дети духовенства обычно играли. Как в обычные в то время «свайку, городки, егозу», так и придуманные ими самими. Например, А. Попов вспоминал, как он с товарищами привязали на поводок крысу, которая бегала по классу [21].

Отдельно стоит сказать о преподавателях духовной школы. Учительский труд для духовенства стоял на втором месте после выполнения прямых обязанностей. Многие священно- и церковнослужители учили приходских детей грамоте совершенно бесплатно. Ученики семинарий и академий нередко подрабатывали, давая уроки. Образовательный уровень педагогов был соответствующим духовным учебным заведениям. В духовных училищах, как правило, работали выпускники семинарии, причем только те, кто закончил по первому разряду. В семинариях и академиях окончившие высшую ступень – академию. В связи с этим различались и заработки учителей. В начале 1860-х гг. профессор академии получал от 715 до

858 руб. серебром в год, а учитель училища от 72 до 343 руб. [5, с. 117]. Судя по заработной плате, престижность должности учителя в академии и семинарии была, скорее всего, выше места священника среднего прихода. Зарплата учителя училища была невысокой. Ввиду этого учителя училищ менялись достаточно часто. Качество преподавания также возрастало от училища к академии. Для сравнения старшие учителя гимназий получали около 393 руб. в год, а профессора университетов от 360 до 1920 руб. [5, с. 78].

Осознавая проблему низких окладов учителей в духовных школах, Д. А. Толстой добился уже в 1865 г. увеличения окладов первоначально за счет внутренних средств епархий. В четырех духовных академиях одинарный профессор стал получать 1200 рублей, то есть аналогично коллегам из светских университетов [3, с. 36].

Устав 1867 г. дал всем преподавателям духовных учебных заведений права государственной службы, классные чины, возможность получать ордена. Светский преподаватель духовной семинарии мог иметь чин до статского советника включительно. Но такой высокий чин преподаватели получали редко. Один преподаватель Витебской духовной семинарии был в качестве исключения пожалован чином действительного статского советника (то есть генеральским). Профессоры духовных академий, как правило, к 45–50 годам дослуживались до чина действительного статского советника. Некоторые профессора оканчивали свою карьеру тайными советниками [9].

Даже такой противник нравов духовной школы, как И. С. Сычугов, вынужден был признать, что хорошие преподаватели все же были. Правда, чаще всего «...спрашивали только заданное. Большинство профессоров, видимо, тяготилось своей профессией и исполняло свои обязанности без увлечения, без любви к делу, часто по-казенному» [27, с. 168]. Впрочем, формальное исполнение своих обязанностей не может восприниматься как сугубо негативное явление. Они делали свою работу, в глазах начальства с ней справлялись. Преподаватели, пользующиеся авторитетом у семинаристов, напротив, вызывали подозрение. Отношения с преподавательским составом складывались по-разному. П. Н. Луппов как лучший ученик был приглашен на чай к смотрителю училища и получил в подарок книгу [15, с. 68]. О таких же теплых отношениях с учителем вспоминал М. Е. Лавров [14, с. 9].

Во всех без исключения духовных семинариях иногда работали выдающиеся и талантливые педагоги. Не была исключением и вятская семинария [11]. Можно назвать такие фамилии, как А. С. Верещагин, И. Ф. Фармаковский, Н. А. Чернышев. А. С. Верещагин – выпускник Казанской духовной академии, преподавал логику, историю, латинский язык. Как ученик известного историка А. П. Шапова он тоже живо интересовался историей и прославился в дальнейшем благодаря своему труду по истории Вятского края «Повесть о стране Вятской». Он был редактором неофициальной части Вятских губернских ведомостей, куда и перешел на работу из семинарии.

Много было разговоров о взятках среди учителей, особенно за переводные экзамены. И. С. Беллюстин даже писал, что «одну способность только показывает большая часть учителей – собирать деньги» [1, с. 11]. О размерах взяток судить сложно. Так, И. Красноперов указывает сумму в 3,5 руб. за перевод из класса в класс [13, с. 2]. Однако, во-первых, взяточничество было распространено среди всего приходского духовенства, начиная с консисторий и заканчивая благочиниями. Более того, эта проблема была бичом всей российской действительности. Во-вторых, конечно же, большинство учителей взятки брать не могло. Так как и денег у многих учеников не было. Да и телесные наказания при их регулярности не могли быть средством шантажа. Кроме того, число отчислившихся было немалым, а значит, никакие взятки им помочь не смогли.

Отдельно стоит поговорить о быте и нравах в духовных заведениях. Большую же часть времени будущие отцы духовные проводили вдали от дома, от семьи в казенном общежитии или на съемной квартире среди своих сотоварищей по учебе. Хорошую квартиру могли позволить себе единицы. Многие «снимали у мещанина-полунищего, отставного солдата, вдовы, причетника», где царили «отвратительная нищета, грязь, грубость, самые страшные пороки» [1, с. 3]. Учиться в таких условиях было очень трудно.

Не лучше выглядело и здание самого училища. Н. Г. Помяловский так описывает класс, где учился: «стены с промерзшими углами, грязны – в черно-бурых полосах и пятнах, в плесени и ржавчине, потолок подперт деревянными скобами, потому что он давно прогнулся и грозит падением, пол в зимнее время посыпают песком, либо опилками...» [20, с. 5].

Нехватка денег постоянно давила на учеников. Книги и учебники были платные, у некоторых не было даже средств на их покупку. Будущие священники вообще жили почти в

спартанских условиях. Так как большинство учеников были детьми сельского духовенства, в начале учебного года родители привозили продукты. Это единственное, что они могли дать. А. Попов вспоминал, как отец «даст 30 копеек и заметит, что тут тебе денег и на молоко» [21, с. 41]. Питание учеников было либо скудным, либо безобразным. П. Н. Луппов так отозвался о питании в столовой вятского духовного училища: «Стол был простой – даже скудноватый: на завтрак – кружка молока с черным хлебом, а в постные дни – капуста, свекла, толокно. На обед и ужин два блюда: щи с мясом и каша, а в постные – горох, спартанка или картофельный суп» [15, с. 60]. Некоторые попросту голодали. А. Попов довольствовался в отдельные дни «холостым студнем – хлебом с солью» [21, с. 71].

Однако были и дети состоятельных священников, которые снимали квартиру с пансионом, где пили «чай с булками, имели хороший стол» [21, с. 118].

Духовенство формировалось в особой среде, при этом едва ли не решающее влияние на формирование личности священнослужителя оказывала не семья, а обстановка и воспитание, полученные в духовной школе. Только в духовном сословии ролевое обучение перестало быть непрерывным. В 8–9 лет мальчик уезжал от родителей в город для обучения в духовном училище, а затем в семинарии. На долгие десять лет он оказывался без родительского внимания и опеки. Семинаристы представляли собой особый социальный слой со своими нравами, привычками, моральным кодексом. Писатель Н. Н. Златовратский так описал образ семинариста, сильно поразивший его в детстве: «Необыкновенно длинная, сутуловатая фигура с смуглым лицом и темными волосами, мало разговорчив, несколько даже суров, ходивший в длинном синем халате (школьная одежда семинаристов)» [6, с. 41].

С тяжкими пороками и грехами, по утверждениям многих детей духовенства, оставивших воспоминания, будущие священники знакомились в годы детства и юности в стенах духовного училища (бурсы) [1; 13; 15]. Большинство мемуаров дает нелицеприятную характеристику духовным училищам и семинариям, где описывается приобщение с юных лет к пьянству и азартным играм. Впрочем, все воспоминания о жизни в духовном училище или семинарии целесообразно разделить хотя бы на две группы. Во-первых, воспоминания тех, кто покинул духовное сословие и описывал свое детство и юность. Эти произведения самые жесткие из всех, что показывают нравы в духовном сословии. Во-вторых, воспоминания священно- и церковнослужителей, которые также склонны критиковать духовную школу, но видят в ней и положительные стороны.

В свободное от учебы время семинаристы фактически были предоставлены сами себе. Русский писатель Н. В. Успенский отмечал, что от скуки и безысходности «в конце концов по примеру многих своих братьев я стал искать *veritas in vino*» [28, с. 112]. С. Сычугов вспоминал, что в годы его обучения в Вятском духовном училище, а затем в семинарии ученики как старших, так и младших классов «напивались до скотства». Особенно производил впечатление на округу караван из 30–40 повозок, в которых пьяные семинаристы следовали на каникулы домой [27, с. 193]. Весьма охотно семинаристы во время отдыха играли между собой в азартные игры. Священник А. Попов, будучи учеником Вологодского духовного училища, увлекшись игрой «в бабки», «стал посвящать игре весь досуг, пока не достиг того, что стал выигрывать гроши и копейки» [21, с. 42]. Другой священник, М. Лавров, обучаясь во Владимирской духовной семинарии, не мог находиться в снимаемой квартире, так как там «с раннего вечера во всю ночь была картежная игра», которой предавались его товарищи, городские священники и хозяева квартиры [14, с. 18].

Некоторые семинаристы занимались даже воровством. При этом существовало негласное правило, по которому «украсть у товарищей – преступление, надуть начальство – подвиг» [20, с. 14]. Воровали бурсаки из погребов начальства, а также в городе: овощи с огородов, кур, рыбу из сетей, калачи с лотков, вещи из лавок [27, с. 148].

Внеклассный надзор осуществляли, как правило, ученики старших классов, что привело к такому страшному пороку бурсы, как дедовщина. Иногда это было более-менее безобидно. Так, П. Н. Луппов вспоминал, что новичков просто не пропускали в коридоре училища [15, с. 43]. В других случаях дедовщина принимала более изощренные формы. Будущего священника Лаврова старшеклассники выпороли прямо в классе за то, что он как лучший ученик был посажен под № 1 [14, с. 8]. В вятской бурсе новичкам устраивали «вселенскую мазь», накидывая на них мешок и избивая [27, с. 49].

Вообще способ решения проблемы через рукоприкладство был характерен для нравов духовной школы. Отнюдь не случайно, что священнослужители порой так легко распускали

руки. Во-первых, в самом процессе обучения применялись телесные наказания: порка розгами и стояние на коленях. Иногда пороли достаточно сильно. И. Красноперов вспоминал, что в Елабужском духовном училище стоял такой стон и рев от подвергаемых наказаниям, что приходилось закрывать на время окна, выходящие на улицу [13, с. 2]. Только в духовной школе пороли сами ученики, обычно из числа старшекласников. Хотя необходимо признать, что подобные наказания применялись и в светских учебных заведениях. Кроме того, для богословского выпускного класса семинарии унижительные наказания не применялись.

Почему же семинаристы не протестовали против подчас чудовищных условий проживания? Конформизм является вообще отличительной чертой традиционного общества, которым было российское дореволюционное общество. Семинаристы, по сути, еще не были священниками, дьяконами и причетниками. Они являлись простыми подростками и юношами, которые жили и учились вдали от родителей.

Ученики духовной школы жили не только в замкнутой среде, но и среде, где жизнь регламентировалась большим числом как христианских, так и светских ограничений. В ВЕВ в № 22 были напечатаны Инструкции ученикам Вятской духовной семинарии. Эти ограничения касались частной жизни семинаристов. Так, семинаристам запрещалось читать не рекомендованные книги и даже посещать публичную библиотеку без разрешения.

Взрослея, будущих пастырей начинали привлекать и более «взрослые игры». Самой активной частью духовенства были семинаристы. Молодежь в духовном сословии в пореформенную эпоху буквально охватили протестные настроения. В исследовании О. Д. Поповой и А. Д. Поповой заявлено, что первые бунты в семинариях отмечены еще в начале 1860-х [22]. Причиной их называется плохая или испорченная еда. Авторы отмечают, что об этом даже не докладывали в вышестоящие инстанции, решая проблему на месте. Едва ли эти инциденты можно назвать бунтом.

Именно в бурсе будущие священники знакомились с запрещенной литературой и социалистическими идеями. Будущий деятель первой русской революции Г. Гапон вспоминал, как еще в духовном училище увлекся сочинениями Толстого, которые ему дал почитать один из учителей [1, с. 4]. Почти в каждой российской семинарии когда-либо существовал тайный кружок. Не была исключением и Вятская духовная семинария. Еще в 1860–1870-е гг. Вятская духовная семинария превратилась в «гнездо нигилизма» [19, с. 44]. К этому располагало и особое место г. Вятки в системе осуществления правосудия как места политической ссылки.

Что-то похожее на кружок существовало вокруг преподавателя Вятской духовной семинарии А. А. Красовского, который открыл частную библиотеку, где тайно можно было познакомиться с работами либеральных авторов. О нем вятский губернатор В. И. Чарыков написал: «Будучи сильно заражен в Петербурге атеизмом и нигилизмом, он сначала приблизил к себе воспитанников, а потом начал проводить между ними свои вредные идеи» [26, с. 53]. В 1863 г. учителя семинарии А. А. Красовский и Я. Г. Рождественский, а также шесть семинаристов были арестованы. Еще 60 семинаристов были исключены из Вятской духовной семинарии [25].

Церковная администрация вынуждена была принимать меры для обеспечения порядка в духовной школе. В 1882 г. выходит секретный циркуляр № 151 Св. Синода на имя епархиальных архиереев, обязывающий руководство семинарий следить за содержанием семинарских библиотек, изымать из них революционные и либеральные издания и следить за чтением учеников. 12 июля 1899 г. Св. Синод принимает указ о закрытии семинарии в случае возникновения массовых беспорядков. В дополнение к указу циркуляр 1901 г. предписывал немедленно увольнять участников подобной забастовки. Как мы видим, в 1880-е гг. происходит усиление надзора за учащимися духовных школ. Во время реакции Александра III инакомыслие в духовной школе жестко подавлялось.

В конце XIX в. тайные общества уходят в прошлое, многие семинаристы уже не скрывают своих взглядов. Всего по подсчетам Т. А. Павленко за период с 1814 по 1904 гг. в российских духовных семинариях состоялось 59 волнений, 39 бунтов, 14 забастовок, 4 уличных и 2 похоронных демонстрации, 6 демонстраций протеста, несколько бойкотов, взрывов и поджогов зданий семинарии [18, с. 14]. Это дало основание исследовательнице говорить о культурной коде протеста семинаристов.

По подсчетам исследователей, в период Первой русской революции произошло 10 крупных бунтов [17, с. 143]. Как бунт епархиальным начальством были восприняты события, произошедшие в апреле 1905 г. в Вятской духовной семинарии. Семинаристы устроили собрание в здании общежития, протестуя против исключения нескольких человек. Затем они вышли на улицу, где распевали революционные песни и принимали участие в демонстрации [29].

В январе 1907 г. в Вятской духовной семинарии был организован Всероссийский семинарский союз. В союз вступили представители 36 семинарий. Представительство вятчан было самым крупным – 327 чел., что намного превосходило другие семинарии [7, с. 196]. Была написана комплексная политическая программа – «Устав» и «Платформа» Общесеминарского союза.

Правление семинарии, получив требования учеников, решило закрыть семинарию, подписавшихся исключить и обратиться за помощью полиции. Опасаясь начала семинарской забастовки в России, власти предприняли решительные меры. В ночь с 8 на 9 мая были проведены обыски в семинарии и на городских квартирах, где жили семинаристы. Были изъяты документы Общесеминарского союза и другая запрещенная литература, а также гектограф для напечатания листовок. Было арестовано 10 семинаристов, два надзирателя и два посредника с другими организациями. В 1910 г. выездной сессией Казанской судебной палаты началось слушание дела о 40 бывших воспитанниках Вятской духовной семинарии, обвинявшихся в соучастии в преступном обществе. В итоге 12 человек были осуждены [12, с. 312].

В пореформенную эпоху произошла подлинная революционизация церковной молодежи. Историк Д. Поспеловский констатирует, что «в школах, готовящих пастырей для народа, атеизм, нигилизм и радикализм были делом совершенно обычным. Из 2148 выпускников семинарий 1911 г. рукоположены к 1913 г. были лишь 574» [23, с. 62].

Это, казалось бы, сугубо негативное явление имеет, как ни странно, и нравственные причины. Бурсаки, несмотря на тяжести быта, стремились к самообразованию, просвещению. Ими двигали самые искренние порывы изменить окружающую действительность. Многие выпускники семинарии не стали безразличными, черствыми людьми, а сохранили любовь к людям, человечеству. На досуге бурсаки не унывали, а читали книги, писали стихи, многие пели в хоре. Как выразился А. Попов, «курс наш с жадностью отдавался чтению. Читали мы все – и классических проповедников, и светских писателей, и поэтов, и публицистов и различные лекции, конечно, не печатные» [21, с. 95].

Особенно интересовали будущих батюшек науки об обществе. Благодаря реформе 1867 г. в семинариях стали преподавать педагогику. История была одним из любимейших предметов учеников. Во многих духовных учебных заведениях существовали исторические кружки. В Вятке преподаватель семинарии протоиерей С. Н. Кашменский фактически создал музейную комнату, где в качестве экспонатов были старинные тексты по богословию и монеты времен Римской империи, привезенные им из святой земли [30].

Духовная школа формировала личность приходского священника, но после ее окончания только ему было решать, как жить дальше. Хотя, безусловно, многие своеобразные этические законы, действующие в духовной школе, переносились и во взрослую жизнь. Бурса хорошо знакомила с теневой стороной человеческой натуры, при этом слабо готовила к исполнению пастырских обязанностей. Практических занятий с выездом в приходы для семинаристов не предполагалось. Вятский священник А. Одоев в 1900 г. указывал на важность «экспериментального искусства общения с прихожанами» [16, с. 4]. Он предлагал священно- и церковнослужителям брать своих детей, приехавших из семинарии на каникулы, с собой на работу. Однако сделать это было довольно трудно. Семинаристы приезжали домой так редко, что их старались не привлекать ни к какой работе. По выражению того же А. Одоева, «каникулярное время для семинариста – синоним ничегонеделания».

Уже со школы духовенство усваивало общую культурную повестку страны, пристально следило за всем, что происходило в государстве. Протестное движение в духовной школе прошло ту же эволюцию, что и иные протестные движения, в итоге придя к политическим требованиям. Высокий уровень образования позволял обсуждать общественные проблемы. По сути, духовная школа была и дискуссионным клубом, где десятки молодых образованных юношей могли спорить и выражать свое мнение.

Духовная школа – это огромная часть времени в жизни клирика, его юность, которая формировала его как личность, с жизненными ориентирами, образованием, кругом друзей и общим взглядом на мир, то есть его менталитет.

Список литературы

1. Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Париж, 1858.
2. Воспоминания моей жизни. Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. 1792–1866 // Русская старина. 1871. Т. IV. С. 223–261.

3. Всеподданнейшая докладная записка обер-прокурора Святейшего синода графа Д. Толстого о деятельности православного духовного ведомства с 1 июня 1865 г. по январь 1866 г. Санкт-Петербург : Синод. тип., 1866.
4. Гапон Г. История моей жизни. М., 1990.
5. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.
6. Златовратский Н. Н. Воспоминания. М., 1956.
7. Зырянов П. Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М. : Наука, 1984.
8. История России с древнейших времен до 1861 года: учеб. для вузов / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров. М., 2001.
9. Кольванов Г. Е. Краткий обзор духовного образования в России // Арзамасская старина. URL: <http://www.oldarzamas.ru/dorevolutsionnaya-istoriya-goroda/kratkiy-obzor-duhovnogo-obrahovaniya.html>.
10. Комитет учебный Святейшего Синода // Русское православие. URL: http://www.orthorus.ru/cgi-bin/or_file.cgi?4_2139.
11. Корнилова И. В. «Утро России»: преподаватели Вятской духовной семинарии в конце 1850-х – начале 1860-х гг. (историческая зарисовка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4–5. С. 45–49.
12. Котряхова Н. Н. Студенческое движение в Вятской духовной семинарии в 1900–1907 гг. // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского севера : мат-лы Международной науч. конференции. Киров, 1996. Т. 1. С. 311–312.
13. Красноперов И. «Отрывки из воспоминаний» // Вятская речь. 1915. № 17. С. 2–3.
14. Лавров М. Е. Автобиография сельского священника. Владимир, 1900.
15. Луппов П. Н. В духовном училище. Вятское духовное училище в начале последней четверти прошлого столетия. Воспоминания и заметки бывшего воспитанника. СПб., 1913.
16. Одоев А. Закрытие противораскольнического съезда // Вятские епархиальные ведомости. 1901. № 1. С. 4.
17. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы // Полное собрание сочинений. Т. 2. Варшава, 1913.
18. Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905–1907 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
19. Павленко Т. А. Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 77. С. 139–144.
20. Поздеев В. А. Семинаристы в русской литературе XIX – начала XX вв. Киров, 2011.
21. Попов А. Воспоминания причетнического сына. Вологда, 1913.
22. Попова А. Д. Александровская модернизация в глазах представителей духовного сословия // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2017. № 4 (57). С. 29.
23. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
24. Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов н/Д, 1998.
25. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 7.
26. Судовиков М. С. Русское купечество и оппозиционное движение 2-й половины XIX в. (по материалам Вятско-Камского региона) // Вестник ВГПУ. 2001. № 5. С. 51–54.
27. Сычугов С. Записки бурсака. М. – Л., 1933.
28. Успенский Н. В. Из прошлого. М., 1883.
29. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 215. Оп. 2. Д. 64. Л. 141–145.
30. ЦГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 194.

Ecclesiastical educational institutions of the Russian Orthodox Church and the formation of the personality of the clergy and clergy during the modernization of the XIX century

A. V. Skutnev

PhD in Historical Sciences, associate professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ResearcherID: AAX-7041-2020. E-mail: skutnev@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to show the importance of spiritual educational institutions (colleges, seminaries, academies) for the formation of the personality of a pre-revolutionary Orthodox priest. The relevance is explained by the great interest among researchers in the history of the Church and the social history of the country.

The article is devoted to the history of spiritual educational institutions in which children from the spiritual estate studied. The theological school adapted to changes in state policy and evolved. The reform of

1867 contributed to the liberalization of spiritual education through the introduction of an elective principle and the granting of greater autonomy. The Charter of 1884, on the contrary, curtailed the activities of the era of Alexander II in the direction of increasing the role of the administration.

The spiritual school was characterized by all the problems and positive achievements of the domestic education system. Although, of course, the spiritual school had certain specifics. This is especially true for the living of pupils in special dormitories and a closed environment. There is a lot of evidence of the low level of morals that prevailed in spiritual educational institutions. Teachers and students of the theological seminaries and academies applied their knowledge gained in the course of training in different ways. A number of spiritual youth left the spiritual estate, some became priests or served society gratuitously. Other seminarians revolutionized and participated in political protest events. Almost all religious educational institutions were in one way or another engulfed by political protest, especially during the first Russian Revolution.

Spiritual educational institutions formed a personality, helped to get a high-quality classical education, which was not inferior to the secular one. Here the clergy got acquainted with the culture, humanistic values and achievements of the humanities.

Keywords: Russian Orthodox Church, clergy, religious educational institutions.

References

1. Bellyustin I. S. *Opisanie sel'skogo duhovenstva* [Description of the rural clergy]. Paris. 1858.
2. *Vospominaniya moej zhizni. Zapiski pochetnogo lejb-hirurga D. K. Tarasova. 1792–1866* – Memories of my life. Notes of the honorary life surgeon D. K. Tarasov. 1792–1866 // *Russkaya starina* – Russian antiquity. 1871. Vol. IV. Pp. 223–261.
3. *Vsepoddannejshaya dokladnaya zapiska ober-prokurora Svyatejshego sinoda grafa D. Tolstogo o deyatel'nosti pravoslavnogo duhovnogo vedomstva s 1 iyunya 1865 g. po yanvar' 1866 g.* – The most comprehensive memorandum of the Chief Prosecutor of the Holy Synod, Count D. Tolstoy, on the activities of the Orthodox spiritual department from June 1, 1865 to January 1866. SPb. Synod. typ. 1866.
4. Gapon G. *Istoriya moej zhizni* [The story of my life]. M. 1990.
5. *Zajonchkovskij P. A. Krizis samodержaviya na rubezhe 1870–1880-h godov* [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s–1880s]. M. 1964.
6. *Zlatovratskij N. N. Vospominaniya* [Memoirs]. M. 1956.
7. *Zyryanov P. N. Pravoslavnaya Cerkov' v bor'be s revolyuciej 1905–1907 gg.* [The Orthodox Church in the struggle against the revolution of 1905–1907]. M. Nauka (Science). 1984.
8. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1861 goda: ucheb. dlya vuzov* – History of Russia from ancient times to 1861: textbook for universities / N. I. Pavlenko, I. L. Andreev, V. B. Kobrin, V. A. Fedorov. M. 2001.
9. *Kolyvanov G. E. Kratkij obzor duhovnogo obrazovaniya v Rossii* [A brief overview of spiritual education in Russia] // *Arzamasskaya starina* – Arzamas Antiquity. Available at: <http://www.oldarzamas.ru/dorevoljutsionnaya-istoriya-goroda/kratkij-obzor-duhovnogo-obrahovaniya.html>.
10. *Komitet uchebnyj Svyatejshego Sinoda* – The Educational Committee of the Holy Synod // *Russkoe pravoslavie* – Russian Orthodoxy. Available at: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/or_file.cgi?4_2139.
11. *Kornilova I. V. "Utro Rossii": prepodavately Vyatskoj duhovnoj seminarii v konce 1850-h – nachale 1860-h gg. (istoricheskaya zarisovka)* ["Morning of Russia": teachers of the Vyatka Theological Seminary in the late 1850s – early 1860s (historical sketch)] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2012. No. 4–5. Pp. 45–49.
12. *Kotryahova N. N. Studencheskoe dvizhenie v Vyatskoj duhovnoj seminarii v 1900–1907 gg.* [Student movement in Vyatka Theological Seminary in 1900–1907] // *Religiya i cerkov' v kul'turno-istoricheskom razvitii Russkogo severa : mat-ly Mezhdunarodnoj nauch. konferencii* – Religion and the church in the cultural and historical development of the Russian North : materials of the International Scientific Conference. Kirov. 1996. Vol. 1. Pp. 311–312.
13. *Krasnoperov I. "Otryvki iz vospominanij"* ["Excerpts from memories"] // *Vyatskaya rech'* – Vyatka speech. 1915. No. 17. Pp. 2–3.
14. *Lavrov M. E. Avtobiografiya sel'skogo svyashchennika* [Autobiography of a rural priest]. Vladimir. 1900.
15. *Lupov P. N. V duhovnom uchilishche. Vyatskoe duhovnoe uchilishche v nachale poslednej chetverti proshlogo stoletiya. Vospominaniya i zametki byvshego vospitannika* [In the theological college. Vyatka Theological College at the beginning of the last quarter of the last century. Memoirs and notes of a former pupil]. SPb. 1913.
16. *Odoev A. Zakrytie protivoraskol'nicheskogo s'ezda* [Closing of the anti-schismatic congress] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan vedomosti. 1901. No. 1. P. 4.
17. *Pomyalovskij N. G. Ocherki bursy* [Essays of Bursa] // *Polnoe sobranie sochinenij* – Complete works. Vol. 2. Warsaw. 1913.
18. *Pavlenko T. A. Protestnoe dvizhenie uchaschihsya pravoslavnyh seminarij v period Pervoj rossijskoj revolyucii: 1905–1907 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Protest movement of students of Orthodox seminaries during the First Russian Revolution: 1905–1907 : dis. ... PhD in Historical Sciences]. SPb. 2009.
19. *Pavlenko T. A. Bunty seminaristov v 1905–1907 gg.: tradicionnyj protest v usloviyah revolyucii* [The revolts of seminarians in 1905–1907: traditional protest in the conditions of revolution] // *Izvestiya Rossijskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzena – News of Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. 2008. No. 77. Pp. 139–144.

20. Pozdeev V. A. *Seminaristy v russkoj literature XIX – nachala XX vv.* [Seminarists in Russian literature of the XIX – early XX centuries]. Kirov. 2011.

21. Popov A. *Vospominaniya prichetnicheskogo syna* [Memoirs of a clerical son]. Vologda. 1913.

22. Popova A. D. *Aleksandrovskaya modernizaciya v glazah predstavitelej duhovnogo sosloviya* [Alexandrovskaya modernization in the eyes of representatives of the clergy] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* – Herald of Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin. 2017. No. 4 (57). P. 29.

23. Pospelovskij D. V. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M. 1995.

24. Rimskij S. V. *Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo v XIX veke* [The Orthodox Church and the state in the XIX century]. Rostov-on-Don. 1998.

25. RShA (Russian State Historical Archive). F. 1282. Inv. 1. File 303. Sh. 7.

26. Sudovikov M. S. *Russkoe kupechestvo i oppozicionnoe dvizhenie 2-j poloviny XIX v. (po materialam Vyatsko-Kamskogo regiona)* [Russian merchants and the opposition movement of the 2nd half of the XIX century (based on the materials of the Vyatka-Kama region)] // *Vestnik VGPU* – Herald of VSPU. 2001. No. 5. Pp. 51–54.

27. Sychugov S. *Zapiski bursaka* [Notes of bursak]. M. – L. 1933.

28. Uspenskij N. V. *Iz proshlogo* [From the past]. M. 1883.

29. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 215. Inv. 2. File 64. Sh. 141–145.

30. CSAKR. F. 270. Inv. 1. File 194.

Ямщик на крутизне: особенности дорожной традиции России в XVIII–XIX веках

В. А. Коршунков

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. Так называемая дорожная традиция – это условия, обстоятельства и ситуации, которыми в прежние века сопровождалось сухопутное перемещение на дальние расстояния. Опасности на российских дорогах в прошлом могли быть не такими, как сейчас. В распоряжении историков, изучающих дорожную традицию России, есть немало источников XVIII–XIX вв. Важны впечатления современников, которые содержатся в мемуарах и письмах. Кое-что было тогда же опубликовано, многое отложилось в архивных делах. Существенным дополнением являются произведения художественной литературы. При этом важно, чтобы дорожная тематика в личных документах и в нарративных источниках не являлась основной, сюжетообразующей.

В России XVIII–XIX вв. многие люди любили быструю езду, и ямщики предпочитали гонять лихо. На дорогах часто встречались подъемы и спуски, особенно при переправах через реки. Многие старинные русские города располагались на высоких крутых речных берегах, и там же, внизу, на берегу, были устроены дорожные переправы. Сочетание быстрой езды с крутым спуском было опасным. В этих случаях случались поломки и травмы. Таких мест на дороге могло насчитываться слишком много, и путь становился некомфортен и опасен. Так или иначе, крутые откосы на дорогах задерживали движение.

Ключевые слова: дорожная традиция, повседневная жизнь, дорожное движение, дорожные мосты, ямщики, скорость.

Существует устойчивое мнение, что в России XVIII–XIX вв., выражаясь словами Н. В. Голя, многие любили быструю езду, и тогдашние профессионалы дальних дорог – ямщики – предпочитали мчать лихо. Добрый молодец-ямщик, погонявший свою тройку с песней на устах, стал одним из частых, расхожих образов в русской литературе [21]. Скептически настроенному ученому может показаться, что быстрота гоньбы – один из укоренившихся мифов о русском народе. Не вполне так: об этом имеется много свидетельств, в том числе тех, что оставлены заезжими иностранцами. Этим людям было с чем сравнивать нашу дорожную традицию. Да и российские подданные, оказавшись на чужбине, подмечали, что привычной стремительной езды там не встретишь¹.

Придирчивый наблюдатель, французский маркиз А. де Кюстин, прокатившись в 1839 г. по России, удивлялся и ямщикам, и горкам: «Русские ямщики... на равнине весьма искусные, становятся крайне опасны на крутизне» [13, т. 2, с. 220]. Он красочно описывал, как ведут себя ямщики в таких случаях. Вообще в книге Кюстина о России немало внимания уделено разным дорожным обстоятельствам и происшествиям.

Подъемы и спуски на наших дорогах попадают часто. Обширные равнины в европейской части страны и в Сибири прорезаются полноводными реками. Один берег большой реки – как правило, пологий (его принято называть луговым), другой – высокий и обрывистый (горный). Наши предки устраивали поселение на защищенном самой природой горном берегу. Туда, где располагался город, заходили из других, отдаленных городов дальние дороги. Там же для транзитных путешественников устраивали переправу через реку. В XVIII–XIX вв. основательные мосты через широкие водные потоки строили разве что в столицах². Обычно же людей и повозки перевозили по воде на паромах. Осенью 1787 г. в слободе Дымково как раз во время долгого ожидания парома через р. Вятку в Хлынов бесследно пропала дремавшая на ямщицкой подводе немолодая Авдотья Зыкова [20, ф. 3, оп. 1, д. 3, л. 291–292 об.; 10, с. 33–44]. Город Хлынов (Вятка, Киров) расположен на высоком берегу р. Вятки. Переправившимся через реку приходилось долго пробираться вверх по Раздерихинскому оврагу, чтобы

© Коршунков В. А., 2022

¹ О быстрой езде см., например: [4, с. 63–67].

² В Москве знаменитый Всехсвятский (Каменный) мост был построен в 1687–1692 гг. и сразу стал городской достопримечательностью [6; 17].

попасть в центр, и такое было типично для многих российских поселений. Город пересекают два глубоких оврага, так что идущим или едущим нужно было на его улицах то подниматься, то спускаться. Недаром какие-то остроумцы насчитали в нем семь холмов, хотя в остальном он несколько не похож ни на первый Рим, ни на третий [см.: 16].

Когда путь пролегал по горкам, ямщики, гнавшие лошадей, скорость снижали не слишком, а потому сочетание быстрой езды с крутым спуском становилось угрожающим. В этих случаях бывали поломки и травмы. Спуск с холма, в овраг, к мосту – то место на дороге, где пассажиру грозили неприятности: люди могли лишиться не только имущества, но также и жизни. Таких мест могло насчитываться слишком много, и путь становился некомфортен и опасен.

Ямщик на крутизне – эта тема важна для лучшего понимания так называемой дорожной традиции, то есть условий, обстоятельств и ситуаций, которыми сопровождалась сухопутные перемещения на дальние расстояния (имеется в виду: в дореволюционной России). При таком рассмотрении бросаются в глаза трудности и препятствия, которые возникали перед путешественниками. Кроме всех прочих неудобств, тягот, опасностей, тем, кто ехал гужевым транспортом, на склонах холмов и при быстром спуске вниз грозили поломки и увечья. Поскольку по обширной стране приходилось постоянно разъезжать множеству чиновников, военных, купцов, крестьян, студентов, паломников, то «русские горки», бывшие неотъемлемой частью всякого дальнего путешествия, как можно предполагать, замедляли движение и делали его опасным.

В распоряжении историков, специалистов по дорожной традиции России есть немало источников того времени – XVIII–XIX вв. Это письма, мемуарные тексты и разнообразные документы (частично опубликованные, например, в тогдашней прессе, а частично такие, которые нужно выискивать в архивных фондах). Беллетристические произведения также имеют некоторое значение для уточнения отразившихся в иных источниках сведений. При этом для большей объективности важно, чтобы дорожная тематика в личных документах и в нарративных источниках не являлась основной, сюжетообразующей.

Между тем историки, а также специалисты по этнографии и культурной антропологии обычно не обращают внимания на этот аспект. К примеру, в книге историка Н. С. Борисова о повседневной жизни русского путешественника глава «Быстрая езда» начинается словами: «Среди других парадоксов русской жизни иностранцев поражало присущее России сочетание плохих дорог со всеобщей страстью к быстрой езде» [4, с. 63]. Далее автор приводит показательный отрывок из книги А. И. Герцена «Былое и думы», где тот вспоминал, как, возвращаясь в конце 1837 г. из вятской ссылки, он велел ямщику гнать во всю прыть. Ямщик охотно повиновался, и они совершили головокружительный спуск по крутой горе к замерзшей Волге, по руслу которой шел зимний тракт [4, с. 63–64]. Борисов пишет, что «быстрая езда издавна была в России своего рода национальным спортом» (отчего-то предположив, что она, быть может, досталась «нам в наследство от монголов») [4, с. 65]. Но он не выявляет и не рассматривает особо те случаи, когда стремительная езда не прекращалась даже на кручах, приводя к травмам и поломкам.

Литератор М. А. Дмитриев (1796–1866) в подготовленных в конце жизни мемуарах писал, что от Москвы до своего поместья в Симбирской губернии он постоянно ездил с 1811 г., то есть в течение полувека [7, с. 273, 275]. За Арзамасом, «на второй станции между Медынцевой и Шараповой, надобно было двенадцать раз спускаться с крутых гор и вдруг подыматься на горы и для безопасности выходить из экипажа». В другой раз, упоминая эту же местность, он отметил, что там «на тридцати трех верстах находилось тогда двадцать гор, то есть подъемов и спусков» [7, с. 274, 373]. Дмитриев вспоминал, как в 1847 г. они заехали для ночлега на ближайшую от Симбирска станцию Ключи: «Ночь была темная, а весь переезд этот состоял из поворотов и рытвин и кончался тремя верстами глубокого песку и взездом на гору. Никогда не забуду я... страха опрокинуться с экипажем...» [7, с. 484].

Вот сколько неудобных и опасных горок могло оказаться на пути по землям живописным, но не слишком удобным для проезда. Приведу здесь еще некоторые примеры неприятных и даже трагических случаев на дорожных кручах.

В феврале 1703 г. голландский путешественник К. де Бруин следовал со спутниками-иностранцами из Воронежа в Москву. Они в сильный мороз и при ветре перебрались по льду через Оку, и тут начались трудности. Предстоял крутой подъем на противоположный берег по уз-

кой скользкой дороге, а навстречу, вниз по склону, следовал обоз с подвыпившими возчиками. Те повздорили с прислугой иностранцев, потому что обозу пришлось отворачивать и объезжать по неудобью: «Путь, который они взяли, объезжая нас, был так неудобен, крут и усеян большими камнями, что лошади и сани беспрестанно подвергались опасности...». До серьезной потасовки дело не дошло. Но как раз тогда и случилось несчастье – правда, не с иностранцами. Де Бруин вспоминал, что как только он достиг вершины холма, то «увидел воз, спускавшийся с вершины горы, об одной лошаденке, очень грузный и без возчика. Лошадь, не смоги сделать правильного поворота на одном изгибе дороги и от ветра и льду сбившись с торного пути, приблизилась к краю пропасти и затем свалилась прямо с отвесной крутизны вниз, на самый берег реки. Зрелище было поразительное! Сани разлетелись в щепы, и лошадь переломала себе, по-видимому, все ребра; я видел, впрочем, что она была еще жива и приподымала по временам голову» [5, с. 125–126]. Никто из людей не пострадал, но погибла лошадь, развалились сани, был потерян груз.

Немецкий драматург А. Коцебу был сослан императором Павлом в г. Курган Тобольской губернии. На обратном пути, летом 1800 г., случилось такое: «Проезжая через несколько дней Кунгур, скверно вымощенный город, я едва не лишился жизни. Мы быстро спускались с горы, как вдруг лопнула ось: телега опрокинулась, а лошади продолжали бежать и тащили меня по мостовой. Шапка долго защищала мою голову, но наконец она свалилась, и я неизбежно разбил бы себе голову, если бы, к нашему счастью, мужикам, шедшим на базар, не удалось удерживать испуганных лошадей. Еще несколько шагов и я бы погиб, но теперь отделался только довольно значительным ушибом. Ямщик пострадал гораздо более: он был весь в крови. Карпов же, сидевший на телеге, свесив ноги, просто упал в грязь» [12, с. 191–192]. Несчастье произошло при быстром спуске с горы.

Отставной офицер Ф. И. Кабанов, проводивший лето 1832 г. на Кавказских Минеральных Водах, 19 августа записал в своем дневнике: «Случилось ужаснейшее происшествие с девицею Сомовою. Она утром, часу в 10-м, ехала к источнику четверкой в бон-вояже (разновидность экипажа, от французского выражения “в добрый путь”. – В. К.), лошади, пресмирные, понесли с небольшой горки и, не доезжая до речки Ольховки, которую следовало переезжать вброд, зацепились бон-вояжем за мостик, устроенный чрез речку для пешеходов, опрокинули, оторвались с передком и побежали на горы. Упомянутая девица так щастливо перекинулась в экипаже до горы ногами, что, кроме испуга, никакого повреждения не получила; сидевшая же с нею девка жестоко убита, а кучер и фореитор с лакеем также отделались благополучно» [цит. по: 19, с. 188–189]. В результате «происшествия с девицею Сомовою» погибла не она сама, а ее служанка. С чего это «пресмирные» лошади при спуске с горки вдруг понесли, непонятно, но такое в пути бывало нередко и тоже приводило к авариям [11, с. 24].

Вот впечатления иностранца о кручах вблизи Волги. Некий француз, которого пригласили преподавать в Казанский университет, в 1842 г. ехал зимой по замерзшему волжскому руслу от Нижнего Новгорода до Казани. Везли его местные ямщики (чуваши или марийцы), они запрягали в сани лошадей неказистых, но резвых. Этот человек вспоминал о своей поездке: «Ямщики неосторожны до невероятности: полагаясь на силу и смелость своих маленьких лошадок, они на моих глазах поднимались или спускались почти вертикально с обрывов более 10 метров вышины, при въезде в деревню или выезде из нее (сам-то путь шел по руслу реки, но иногда приходилось заворачивать в прибрежные деревни. – В. К.). Я еще теперь спрашиваю себя, как могло случиться, что из четверых саней, занятых моими спутниками и мною, опрокинулись только одни – и те даже безо всякого несчастного случая» [2, с. 171–172].

Художник И. Е. Репин в 1863 г. ехал из Харькова в Москву в нагруженном экипаже, запряженном шестью лошадьми. Впоследствии он писал об этой поездке: «Страшно спускаться с больших гор. Огромный тяжелый мальпост (какета для перевозки почты и пассажиров. – В. К.) трудно взвезется на горы даже шестеркой лошадей. Случалось, что в гололедицу мы долго ждали под горой, пока фореитор приводил подмогу с почтового двора; а под гору такой рыдван, как наш, непременно следует тормозить. <...> ...Две могучие дышловые лошади совсем почти садятся на зады, чтобы сдерживать тяжесть всей двухэтажной кареты. <...> Ах, сколько было случаев и на нашей дороге... Ведь шоссе окопаны глубокими канавами... И не раз, разогнавшись, незаторможенный экипаж врезывался и опрокидывался в канаву. Счастье мое, что я на гору и под гору тогда сбегал пешком, чтобы погреться, а то – с высокого наружного места легко было сорваться в канаву... Лучше не вспоминать. После я уже не давал покоя кондуктору, пока под гору тормоза не были подкинута под колеса» [15, с. 113–114].

Спуск с горок был особенно опасен тогда, когда беспечный пассажир дремал и не мог быстро реагировать. Житель одной из южнорусских губерний А. П. Писаревский направлялся на богомолье в Новый Афон (знаменитый монастырь, основанный в 1875 г. в Абхазии). Он рассказывал: «...Ехал я на паре лошадей, в повозке с кладью пудов 50, и заснул. Лошади, спускаясь под гору рысью, опрокинули повозку, которая всею тяжестью придавила меня». Правда, все обошлось. Писаревский приписывал это свое счастье тому, что он всегда подавал беднякам: «Милостыня бедным и молитва их спасли и оправдали меня» [цит. по: 3, с. 283].

Нагруженные лошади вообще с трудом одолевали подъемы. В книге известного поэта (и придворного) К. К. Случевского, который летом 1885 г. сопровождал великого князя Владимира Александровича в инспекционной поездке по северным губерниям европейской России, описан путь от Белого моря к Онежскому озеру. Эту дорогу (без малого в 200 верст) положили незадолго до того, в 1876–1879 гг. По свидетельству Случевского, она была «чрезвычайно гориста», на ней имелись кручи чуть ли не в 40 градусов. «Есть места положительно опасные, с заворотами на крутых спусках, и уже теперь дорогу местами удлиняют, чтобы сделать ее более удобною. Говорят, что именно вследствие этой крутизны гужевое сообщение Белого моря с Онежским озером, на которое дорога главным образом рассчитана, идет очень слабо: лошади не берут» [18, с. 397].

В 1879 г. ссыльного литератора В. Г. Короленко отправили из г. Глазова Вятской губернии в отдаленную часть Глазовского уезда – на северо-восток, в Березовские Починки. В письме к родным из Починков 29 октября 1879 г. он сообщал о путешествии туда из Глазова, уже по зимнику: «Путь стоял недурной, и ехали мы без особых приключений, если не считать того, что я, по непривычке к дровням здешним, на всяком угоре выскакивал с дровней, точно мяч, и весь вывалился в снег» [8, с. 70]. Они тогда заблудились в малонаселенной местности, да еще на всякой горке выкидывало в снег – но для оптимиста все ничего: «путь стоял недурной». Из волостного центра, с. Афанасьевского, до Починков он тогда ехал в запряженных гусем санях, которыми управляла крестьянская девка Апроська. Она с трудом справлялась с парой лошадей, да к тому же поначалу робела. В автобиографической книге Короленко вспоминал: «Сначала еще, когда лошади бежали по ровной дороге, дело шло кое-как, но вот мы выехали на вершину небольшого холма, с которого перед моими глазами внезапно открылся большой спуск к какой-то речке. Далеко внизу, после довольно крутого поворота, едва заметная узкая дорожка взбегала на мостик, поворачивала вдоль замерзшей речушки и поднималась на гору. Я взглянул, и в душе моей шевельнулось сомнение: совершим ли мы с Апроськой благополучно этот рискованный спуск. Но размышлять было поздно: передняя лошадь уже ступила на спуск, и вскоре наши дровни бешено понеслись вниз. Первая вывалилась Апроська и увязла в снегу, так что над сугробом торчали лишь ее лапты. За нею выскочил мой ящик, а за ним последовал я, кинувшись тотчас же на помощь моей провожатой, между тем как лошади мчали наши дровнишки далеко внизу» [9, с. 594–595]. Затем возница и пассажир свыклись с такой дорогой: «И теперь порой мы оба хохотали, вываливаясь в снег на узеньких дорожках и поворотах» [9, с. 596]. Хорошо, что дровни – это санки невысокие, и падать с них не так уж страшно.

Но вообще-то каждый из подобных случаев запросто мог закончиться увечьем и даже смертью. По сообщению «Вятских губернских ведомостей», в декабре 1858 г. «один [человек], при спуске с горы, упал с воза и убит понесшеюся под гору лошадью...» [13]. Сходной (и тоже в декабре) оказалась гибель художника А. Г. Венецианова (1780–1847). Уже весьма пожилой по тем временам академик живописи был помещиком Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Зимой он отправился в губернский город на тройке. Под гору лошади вдруг понесли, кучер сумел выпрыгнуть, повозку повалило набок. Венецианов запутался в вожжах и, покуда лошади волокли его по обочине, получил множественные травмы, от которых он и умер³.

В 1815 г. ремонтировался участок Московского тракта, проходивший по Яранскому уезду Вятской губернии, и уездный землемер И. Корельский (в других документах иначе: Карельский) в своих предписаниях указывал производителям работ: нужно чистить дорогу «от лесу», засыпать «водороины», срывать «бугорки», укреплять то или иное «слабое в грунту место» фашинными вымостками, через речки и овраги ставить мосты «на столбах» (или

³ См. отрывки из «Записок» его дочери и «Выписку из [архивного] дела об убитом лошадьми вышневолоцком помещике академике Венецианове». Эти тексты опубликованы в посвященном художнику сборнике [1].

«на бревнах»), протягивать по обеим сторонам канавы. Иногда в этих документах можно встретить приказание срыть «крутость горы» [20, ф. 582, оп. 1, д. 5; см., например: л. 75–77]. В 1824 г. Корельский обследовал состояние тракта из Вятки в Вологду накануне проезда императора Александра I. О Куринском паромном перевозе через р. Молому, на границе Яранского и Котельничского уездов, он доносил: «Спуск к перевозу и подъем с онога в селе Курине крут и неустроен, а потому для тяжелых экипажей крайне опасен» [20, ф. 582, оп. 47, д. 17, л. 177 об.].

Опасности на горках отразились и в русской литературе XIX в. В широко известном стихотворении А. С. Пушкина «Дорожные жалобы» (1829), где бойко перечисляются возможные трагические исходы во время долгого пути, есть и этот вариант: погибнуть можно «на горе под колесом». Сразу за тем – такие строки: «Иль во рву, водой размытом, // Под разобранным мостом». Очевидно, Пушкин представил себе крутую гору – и падение, когда угодишь под колесо. Если же удастся удержаться и заскочишь на шаткий, полуразрушенный мост, то слетишь с него вниз, в воду. Дорожные мосты в тогдашней России зачастую находились в дурном состоянии.

В одном эпизоде из рассказа И. С. Тургенева «Лебедянь» (1847, из цикла «Записки охотника») говорилось о поездке по холмистой местности: «При каждом спуске с горы Аркадий Павлыч держал краткую, но сильную речь кучеру, из которой я мог заключить, что мой знакомец порядочный трус». В рассказе Н. С. Лескова «Несмертельный Голован» (1880) запечатлены воспоминания о родной ему Орловской губернии. Там явно имелось в виду лето 1861 г., когда в г. Задонске Воронежской губернии проходил большой праздник – канонизация св. Тихона Задонского. Герои рассказа возвращались оттуда в Орел и проезжали возле села с характерным названием Крутое: «Здесь был в то время очень опасный спуск с одной горы и тяжелый подъем на другую, и потому случались разные происшествия с путниками: падали лошади, переворачивались экипажи и прочее в этом роде. Село Крутое непременно надо было проследовать засветло, иначе надо заночевать, а в сумерки никто не рисковал спускаться».

У литератора П. П. Ершова, автора «Конька-Горбунка» в стихотворении «Скорая езда» (1840) рисуется ситуация, когда на хлипкий мост прямо с кручи стремительно мчится телега: «С русской мощною отвагой // Беззаботно с вышины // Низвергаться в глубь оврага // Всем наклоном крутизны! // И опять, гремя телегой, // По зыбучему мосту // Всею силою разбега // Вылетать на высоту!..» Ершов – сибиряк, а сибирские возчики предпочитали гонять по трактам очень быстро.

Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины» (1872) описывал путь княгини М. Н. Волконской к мужу в Сибирь во второй половине 1820-х гг.: «А ночью ямщик не сдержал лошадей, // Гора была страшно крутая, // И я полетела с кибиткой моей // С высокой вершины Алтая!»

В приведенных свидетельствах речь иногда заходит не только о крутом спуске, но также о трудном и долгом подъеме – одно редко когда обходилось без другого. Въезд в гору не только выматывал силы из лошадей и возчиков, он был опасен не менее чем спуск. Тогда тоже можно было не удержаться и покатить, теряя управление, вниз или вбок. А если подъем стремились одолеть с наскока, разогнавшись на спуске, то и это было опасно.

Итак, сочетание привычной стремительной езды с плохими дорогами и особенно с кручами, холмами, оврагами, речными откосами приводило к тому, что на пути часто возникали чрезвычайные ситуации. В архивных документах о дорожном обустройстве иногда встречаются указания срыть «крутость горы» для удобства проезда. Но до появления тяжелой землеройной строительной техники приказать было легче, чем это исполнить: работая вручную, группа согнанных на дорогу крестьян могла кое-как сгладить и выровнять дорожное полотно на небольшом участке, и то разве что у важной речной переправы. А все крутые спуски и подъемы даже на самых главных дорогах убрать было немислимо. Разумеется, при прокладке новых путей инженеры старались находить такие трассы, чтоб можно было миновать неудобные к проезду скаты и склоны. Тем не менее, некоторые дороги не могли из-за их крутизны в полной мере использоваться ямщиками и возчиками (так обстояло дело с проложенной в 1870-х гг. трассой от Белого моря к Онежскому озеру). Вдобавок в XVIII–XIX вв. гужевые повозки уже бывали довольно тяжелыми, а настоящей тормозной системы у них не имелось. Опытные ямщики старались объезжать опасные крутые места где-нибудь сбоку от дорожного полотна. И в любом случае, такие кручи задерживали движение.

Список литературы

1. Алексей Гаврилович Венецианов: Статьи, письма. Современники о художнике / сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Корниловой. Л. : Искусство, 1980. 391 с.
2. *Андерсен В.* Путешествие пр. Томаса от Москвы до Казани в 1842 году // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. ун-те. 1906. Т. 22. Вып. 3. С. 164–184.
3. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. Изд. 2-е. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; Петербургское востоковедение, 2007. 311 с.
4. *Борисов Н.* Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М. : Мол. гвардия, 2010. 440 с.
5. *Бруин К. де.* Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л. : Лениздат, 1989. С. 17–188.
6. *Брусиловский Н.* Древнейшая переправа // Историк. 2019. № 2 (50). С. 72–75.
7. *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М. : Нов. лит. обозрение, 1998. 752 с.
8. *Короленко В. Г.* Письма из тюрем и ссылок. 1879–1885. Горький : ОГИЗ, 1935. 209 с.
9. *Короленко В. Г.* Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Л. : Худож. лит., 1990. 656 с.
10. *Коршунков В. А.* Ветроум: странное, страшное, смешное в повседневной жизни русской провинции XVIII – начала XX века. М. : Редкая птица, 2021. 320 с.
11. *Коршунков В. А.* Искалеченные и погибшие: трагические аспекты дорожной повседневности в России XIX – начала XX века // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 1 (25). С. 19–29.
12. *Коцебу А.* Достопамятный год моей жизни : воспоминания. М. : Аграф, 2001. 320 с.
13. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 1–2. 528 + 480 с.
14. Обзор происшествий по Вятской губернии в декабре месяце 1858 года // Вятские губернские ведомости. 1859. Отд. 2. Ч. неофиц. № 5. С. 37.
15. *Репин И.* Далекое близкое. Изд. 5-е. М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1960. 510 с.
16. Семь холмов над рекой : фотоповесть о городе Кирове / сост. и текст А. Лиханова. М. : Планета, 1976. 182 с.
17. *Сироткин А.* Лихие люди на Каменном мосту // Родина. 2016. № 9. С. 102–105.
18. *Случевский К. К.* По северо-западу России. СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1897. Т. 1. 456, XX с.
19. *Филин М. Д.* Люди императорской России (из архивных разысканий). М. : Интелвак, 2000. 496 с.
20. Центральный архив Кировской области.
21. *Randolph J. W.* The singing coachman or, the road and Russia's ethnographic invention in early modern times // Journal of early modern history. 2007. Vol. 11. № 1–2. Pp. 33–61.

Coachman on a steep slope: features of the road tradition of Russia in the 18th and 19th centuries

V. A. Korshunkov

PhD in History, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. The so-called road tradition is the conditions, circumstances and situations that in previous times accompanied long-distance land travel. The dangers on Russian roads in the past may not have been the same as they are now. At the disposal of historians studying the road tradition of Russia there are many sources of the 18th and 19th centuries. The impressions of contemporaries, which are contained in memoirs and correspondence, are also important. Some data were published at the same time, much was deposited in archives. Works of fiction are an essential addition. It is important that the theme of the road in personal documents and narrative sources should not be the main one, plot-forming

In Russia in the 18th and 19th centuries many people loved fast driving, and the coachmen preferred to go fast. There were often ups and downs on the roads, especially when crossing rivers. Many ancient Russian cities were located on high and steep river banks, and there, below, on the bank, road crossings were made. The combination of fast driving and a steep descent was dangerous. In these situations, there were breakdowns and injuries. There could be too many such places on the road, and the path became uncomfortable and dangerous. In any case, the steep slopes on the roads delayed traffic.

Keywords: road tradition, daily life, traffic, road bridges, coachmen, speed.

References

1. *Aleksej Gavrilovich Venecianov: Stat'i, pis'ma. Sovremenniki o hudozhnike* [Alexey Gavrilovich Venetianov: Articles and letters. Contemporaries about the artist] / comp., ent. art. and notes: A. V. Kornilova. L. Iskusstvo. 1980. 391 p.

2. Andersen V. *Puteshestvie pr. Tomasa ot Moskvy do Kazani v 1842 godu* [Journey of rev. Thomas from Moscow to Kazan in 1842] // *Izv. O-va arheologii, istorii i etnografii pri Imp. Kazan. un-te* – Proceedings of the Society for Archeology, History and Ethnography at the Imp. Kazan University. 1906. Vol. 22. Is. 3. Pp. 164–184.
3. Bernshtam T. A. *Prihodskaya zhizn' russkoj derevni: ocherki po cer-kovnoj etnografii* [Parish life of the Russian village: essays on the church ethnography]. 2nd ed. SPb. S.-Peterb. University Publ. House; Peterburgskoe vostokovedenie. 2007. 311 p.
4. Borisov N. *Povsednevnaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epohu bezdorozh'ya* [The daily life of a Russian traveler in the off-road era]. M. Mol. gvardiya. 2010. 440 p.
5. Bruin K. de. *Puteshestviya v Moskoviyu* [Travels to Muscovy] // *Rossiya XVIII veka glazami inostrancev* – Russia in the 18th century through the eyes of foreigners. L. Lenizdat. 1989. Pp. 17–188.
6. Brusilovskij N. *Drevnejshaya pereprava* [The most ancient crossing] // *Istorik* – Historian. 2019. No. 2 (50). Pp. 72–75.
7. Dmitriev M. A. *Glavy iz vospominanij moej zhizni* [Chapters from the memories of my life]. M. Nov. lit. obozrenie. 1998. 752 p.
8. Korolenko V. G. *Pis'ma iz tyurem i ssylok* [Letters from prisons and exiles. 1879–1885]. Gorky. OGIZ. 1935. 209 p.
9. Korolenko V. G. *Sobr. soch. : v 5 t.* [Collected works : in 5 vols.]. L. Hudozh. lit. (Art. lit.) 1990. Vol. 4. 656 p.
10. Korshunkov V. A. *Vetroum: strannoje, strashnoje, smeshnoje v povsednevnoj zhizni russkoj provincii XVIII – nachala XX veka* [Vertroum: the strange, scary, and funny in the daily life of the Russian province from the 18th to the early 20th century]. M. Redkaya ptica, 2021. 320 p.
11. Korshunkov V. A. *Iskalechennye i pogibshie: tragicheskie aspekty dorozhnoj povsednevnosti v Rossii XIX – nachala XX veka* [Maimed and dead people: tragic aspects of the everyday life on the Russian roads in the 19th and early 20th centuries] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of humanitarian education. 2022. Is. 1 (25). Pp. 19–29.
12. Kocebu A. *Dostopamyatnyj god moej zhizni : vospominaniya* [Memorable year of my life : memoirs]. M. Agraf. 2001. 320 p.
13. Kyustin A. de. *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. M. Izd-vo im. Sabashnikovyh. 1996. Vol. 1–2. 528 + 480 p.
14. *Obzor proisshestvij po Vyatskoj gubernii v dekabre mesyace 1858 goda* [Overview of incidents in the Vyatka province in December 1858] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka guberniya news. 1859. Dep. 2. Part non-official. No. 5. P. 37.
15. Repin I. *Dalyokoe blizkoe* [The distant is close]. 5th ed. M. USSR Academy of Arts. 1960. 510 p.
16. *Sem' holmov nad rekoj: fotopovest' o gorode Kirove* [Seven hills above the river: a photo story about the city of Kirov] / comp. and text: A. Lihanov. M. Planeta. 1976. 182 p.
17. Sirotkin A. *Lihie lyudi na Kamennom mostu* [Dashing people on the Stone Bridge] // *Rodina* – Motherland. 2016. No. 9. Pp. 102–105.
18. Sluchevskij K. K. *Po severo-zapadu Rossii* [Through the north-west of Russia]. SPb. A. F. Marks. 1897. Vol. 1. 456, XX p.
19. Filin M. D. *Lyudi imperatorskoj Rossii: (iz arhivnyh razyskanij)* [People of imperial Russia (from archive research)]. M. Intelvak. 2000. 496 p.
20. Central State Archive of the Kirov region.
21. Randolph J. W. The singing coachman or, the road and Russia's ethnographic invention in early modern times // *Journal of early modern history*. 2007. Vol. 11. No. 1–2. Pp. 33–61.

УДК 94 (470.342)"1919"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.023

Ревизия Вятской губернии уполномоченными ВЦИК и ЦК РКП (б) в мае – июне 1919 года

А. С. Позднякова

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук,
Кировский государственный медицинский университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-8695-8970. E-mail: pozdnyakova.med@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена ранее не изученной проблеме – исследованию деятельности делегации уполномоченных ВЦИК и ЦК РКП (б) в Вятской губернии в мае – июне 1919 г. Было выявлено, что целью уполномоченных ВЦИК и ЦК РКП (б) на местах было проведение мобилизации и осуществление контроля, ревизии и инспектирования советских учреждений и партийных организаций. На основе документов Государственного архива Российской Федерации нами были обозначены основные направления работы делегации ВЦИК под руководством Ю. М. Стеклова. Выявлено, что уполномоченные ВЦИК взаимодействовали с губернским революционным комитетом, партийными органами, ГубЧК, органами юстиции. Уполномоченные ВЦИК нашли злоупотребления и нарушения в различных органах, как уездного, так и губернского уровня. Подробно описаны основные жалобы населения, поступившие на имя Ю. М. Стеклова.

Новизна исследования заключается в том, что автор вводит в научный оборот ранее неизвестные архивные материалы. Одним из выводов работы является то, что в Вятской губернии к лету 1919 г. в крестьянской среде складывалось отрицательное отношение к местной советской власти, что требовало внимания со стороны центральной власти. Во многих уездах Вятской губернии отсутствовала партийная работа, проведение в жизнь решений VIII съезда РКП (б). Ю. М. Стеклов увидел реальное положение дел, оторванность региона от Центра, бесправное положение крестьянства. Выводы уполномоченных ВЦИК по всей стране способствовали усилению партийного контроля за деревней – созданию отдела по работе с деревней при ЦК РКП (б).

Ключевые слова: Вятская губерния, уполномоченные ВЦИК, Ю. М. Стеклов, Гражданская война, должностные преступления, мобилизация, дезертирство.

В книге известного российского историка Сергея Алексеевича Павлюченкова «Крестьянский брест, или предыстория большевистского НЭПа» опубликован отрывок из речи редактора газеты «Известия ВЦИК» Юрия Михайловича Стеклова на совещании в ЦК РКП (б) в июне 1919 г., где после кампании по мобилизации собрались уполномоченные ЦК и ВЦИК по всем губерниям, подвели итоги и откровенно поделились впечатлениями о положении на местах. «Основываясь на опыте Вятской губернии, я утверждаю, что если не во всей России, то в чисто крестьянских и малопролетарских губерниях Советская власть вообще и коммунистическая партия в частности не имеет социальной базы. Вы не найдете там широких слоев населения, которые преданы нам, разделяют нашу программу и готовы за нас выступить. Я не говорю о кулаках или остатках буржуазии, которой там почти не осталось. Я говорю о широких массах рабочих, кустарей и главным образом крестьян... Волостная мобилизация провалилась. Добровольческая мобилизация провалилась. Мы встретили отказы целых профессиональных союзов дать хотя бы одного человека. С крестьянами дело обстояло отвратительно... Причин этому много. Центральная причина и общероссийская – это то, что мы крестьянину фактически ничего не дали, кроме отрицательного. Как некогда город был эксплуататором для деревни и ничего не давал, к сожалению, в Советской России повторяется то же самое... Мобилизации и реквизиции производятся ежедневно, забирается все. Никогда, даже в злейшие времена царского режима не было такого бесправия на Руси, которое господствует в коммунистической России, такого забитого положения масс не было... Террор господствует, мы держимся только террором» [15, с. 103–104]. Как отмечает сам С. А. Павлюченков, выступление Ю. М. Стеклова было самым пессимистичным среди всех уполномоченных.

Ознакомившись с данной оценкой ситуации в Вятской губернии в 1919 г., мы решили изучить, на основании чего сложился такой взгляд на положение дел в регионе. Подробное описание отчетов уполномоченных ВЦИК содержится в статье И. А. Анфертьева, где среди от-

четов других уполномоченных ВЦИК и ЦК обозначены некоторые пункты доклада Ю. М. Стеклова [1]. В работе И. А. Анфертьев собрал мнения разных уполномоченных ВЦИК о реальном положении дел в стране, он также отмечает, что доклад Ю. М. Стеклова был одним из самых критичных. Описание пребывания уполномоченных ВЦИК отразилось и в региональной историографии. Особенно обширные сведения представлены об уполномоченном ВЦИК по Тамбовской губернии В. Н. Подбельском [20] и по Костромской губернии А. В. Луначарском [4]. В работах отмечены энтузиазм представителей ВЦИК, стремление разобраться в местных проблемах. Основными из них значились дезертирство, перегибы местного руководства по отношению к крестьянству, хозяйственная разруха. Краткое упоминание о приеме жалоб по уплате чрезвычайного налога Ю. М. Стекловым в Вятке есть в статье В. И. Бакулина [3]. В фондах Центрального государственного архива Кировской области упоминаний о приезде Стеклова в Вятку не обнаружено. Это и обусловило интерес к данной теме.

Во-первых, необходимо разобраться, как Юрий Михайлович Стеклов (Нахамкис), российский социал-демократ с 1893 г., с 1917 по 1925 гг. – редактор газеты «Известия ВЦИК», член президиума ВЦИК 2 и 3 созывов оказался уполномоченным по Вятской губернии. Дело в том, что 25 апреля 1919 г. по постановлению ВЦИК и Совета Обороны началась добровольческая мобилизация на фронт среди крестьян. Провести мобилизацию в начало посевных работ – сложная задача. Силами существующего аппарата управления провести это было невозможно. На объединенном заседании ЦК РКП (б) 29 апреля 1919 г. было решено «послать во все губернии на время мобилизации (месяц-полтора) по ответственному уполномоченному ЦК такого калибра, какие рассылались на Пасху» [21, л. 2] (в Вятке 24 апреля 1919 г. выступал Л. Д. Троцкий).

Целью уполномоченных ВЦИК и ЦК РКП (б) на местах было проведение мобилизации и осуществление контроля, ревизии и инспектирования советских учреждений и партийных организаций [5, л. 1]. Оргбюро ЦК был составлен список ответственных работников, которых распределили по губерниям и составили для них инструкцию [1, с. 130]. Вместе с ними в помощь отправлялись слушатели Центральной школы советской работы и Пролетарского университета из расчета не менее двух человек на уезд. Таким образом, в мае – июне 1919 г. было выделено около 20 представителей Московского комитета партии и 700 курсантов из школы ВЦИК и Пролетарского университета. До отъезда в регионы слушателям был организован курс подготовительных лекций, в том числе военного специалиста по технике мобилизации. Всего было обозначено 14 регионов, куда отправлялись уполномоченные ЦК РКП (б): Курская, Ярославская, Иваново-Вознесенская, Нижегородская, Тверская, Рязанская, Орловская, Минская, Могилевская и Смоленская, Костромская, Саратовская, Царицынская и Вятская губернии [5, л. 1].

Вятская губерния в начале 1919 г. являлась одной из ключевых территорий в понимании советских руководителей. После сдачи Перми 24 декабря 1918 г. в планах Колчака было взятие Вятки, откуда открывалась дорога на Москву, а также соединение с армией интервентов, которые были в районе Котласа. Поэтому огромная Вятская губерния представляла для большевиков стратегическое значение. В конце апреля 1919 г. началось контрнаступление Красной армии под Вяткой, инициатива была перехвачена. Но мало было остановить наступление белых, надо было укрепить тыл, развить наступление. А значит, необходимо провести мобилизацию в Красную армию, обосновать ведение войны среди крестьянства. Таким образом, 10 мая 1919 г. член Президиума ВЦИК Юрий Михайлович Стеклов и прикомандированные к нему курсанты прибыли в Вятку.

Во-вторых, важно понять, чем конкретно занимался Ю. М. Стеклов с группой курсантов в Вятке. Помимо мобилизации добровольцев на фронт, контроля, ревизии и инспектирования советских учреждений и партийных организаций в его задачи входила реэвакуация вятского отделения Наркомата государственного контроля и организация Бюро по приему жалоб и заявлений. За месяц работы в Бюро поступило 2127 жалоб и заявлений. Большая часть из них относилась к незаконным арестам, на втором месте были жалобы о чрезвычайном налоге [6, л. 2]. Из Вятки были отправлены представители Ю. М. Стеклова (в документах именованы уполномоченные ВЦИК) по всем уездам, которые работали там совместно с отрядами ревкома.

Комиссия ВЦИК, инспектируя уезды, совместно с отрядами ревкома собрала «богатый» материал о злоупотреблениях советских работников: незаконные реквизиции и конфискации, угрозы расстрелом, насилие над женщинами и стариками – были указаны в отчетах делегации ВЦИК из всех уездов губернии.

Самая сложная обстановка сложилась в Уржумском уезде. К моменту приезда делегации высшим органом власти был военно-революционный комитет. Он возник в конце апреля 1919 г. на почве недовольства уездными советскими и партийными организациями. Из отчета по уезду следовало: «Пролетарские элементы деревни не организованы и не спаяны в одно целое, не способны были на политическую деятельность. Отдельные бедняки, входящие в партийные ячейки, скоро деклассировались и превращались в привилегированные группы местных заправил. К ним стали примыкать постепенно мелкобуржуазные элементы деревни, желающие сделать себе карьеру. На вопрос, где вы служите, в деревне часто можно услышать «в коммунистах». В результате коммунистические организации превращаются в хулиганские шайки, отбирающие мед, последнюю одежду, кусок хлеба» [7, л. 91]. У большинства крестьян сложился взгляд на коммунистов как на воров, разбойников и насильников. И, видимо, основания так думать у крестьян были. Дело в том, что с приездом Ю. М. Стеклова был дан ход делу о превышениях власти среди уржумского руководства. По данным особого коммунистического отряда при ревкоме, который сопровождал членов комиссии ВЦИК, члены уездного комитета РКП (б) меж собой распределяли конфискованные у бежавших с белогвардейцами вещи, которые подлежали сдаче в отдел социального обеспечения, а также была «организована лавка, снабжавшая их продуктами в неограниченном количестве» [23, л. 197]. Бывший председатель исполкома Роженцов открыл дом матери и ребенка в Уржуме, где, по информации уполномоченных ВЦИК, детей ужасно кормили, они спали по двое-трое в тележках, преждевременно умирали, в то время, когда у каждого комиссара было по три-четыре кровати с пружинными матрацами, а продовольственная лавка для своих была заполнена продуктами питания [23, л. 197]. Более того, дом, который был изначально подготовлен для дома ребенка, занял сам Роженцов, выселив детей в другое здание.

Первоначально была арестована вся уездная верхушка: председатель уездного исполкома Роженцов, он же председатель компартии, Дорофеев, комиссар продовольствия, Лютиков, товарищ председателя исполкома, председатель распределительной комиссии, инструктор ГубЧК Коровкин [22, л. 10]. Но Роженцов, Лютиков, Коровкин из-под стражи были освобождены.

Причем эти местные руководители Уржума осенью 1918 г. конфликтовали с ЧК на чехословацком фронте по поводу реквизированных и конфискованных вещей. Дело в том, что Уржумский уезд был довольно богатым, бежавшая буржуазия оставила массу дорогостоящих вещей. К примеру, только в одном доме из предметов верхней одежды было найдено пять осенних пальто, четыре сибирки, две меховых дохи, две шубы, тулуп, сибирка на меху, дамская шубка, два полушубка [24, л. 80]. ЧК на чехословацком фронте реквизированные вещи буржуазии отправляла в Казань к М. Я. Лацису. Местные коммунисты вступили в затяжной конфликт с чекистами [16]. В итоге чекисты Лациса в декабре 1918 г. покинули уезд, так как ЧК на чехословацком фронте была расформирована. Оказалось, что стремление оставить реквизированные и конфискованные вещи имело личную мотивацию у уржумских руководителей.

Действующий совместно с уполномоченными ВЦИК ревком направил материалы в ГубЧК, которая 21 мая 1919 г. закончила следствие по делу. К ответственности был привлечен уездный комиссар по продовольствию – Ф. И. Дорофеев. 26-летнему члену РСДРП с 1911 г. было предъявлено обвинение в том, что он «допустил существование лавки при упродкоме», где была ненормированная выдача продуктов для «своих». Обвиняемый занимал квартиру при упродкоме, за которую не платил, обставил ее мягкой мебелью (отдельного внимания заслуживает гарнитур из красного дерева), «свил себе теплое гнездышко... проявил в своих вкусах склонности буржуа, а не идейного партийного работника» [26, л. 79]. Однако революционный трибунал, «принимая во внимание его заслуги перед революцией как старого партийного работника, условия и обстановку, в которых ему приходилось работать в Уржуме», осудил его на три года условно [26, л. 92]. Дорофеев летом 1919 г. отбыл в распоряжение на Восточный фронт на продовольственную работу.

Уполномоченный ВЦИК в Уржуме описывал происходящее таким образом: «то, с чем мне пришлось познакомиться в своей работе за эти полтора месяца, было иногда невыносимо. Какая-то злая рука развращала всю советскую работу на местах, где вместо декретов работали плетки да стволы револьверов» [8, л. 98 об.].

Гражданская война ухудшила положение всего населения. В 1918 г. произошла реквизиция материальных ценностей у зажиточных городских и сельских жителей. Мебель, предметы одежды и обуви, постельное белье исчезли из продажи, либо их нужно было искать за

огромные деньги. В то же время те, кто служил в советских учреждениях и имел доступ к реквизированным вещам, зачастую злоупотребляли должностью, совершали должностные преступления (воровали для себя или с целью перепродажи).

Резвакуированное бюро при вятском отделении наркомата государственного контроля с подачи Ю. М. Стеклова проверяло продовольственные учреждения, что было связано с остротой вопроса. 19 июня 1919 г. был обследован универсальный магазин при городском продовольственном комитете г. Вятки. Было выявлено, что члены горпродкома выписывали из магазина для себя много реквизированных вещей. Например, в мае 1919 г. заведующим отделом реквизиций Тихониным была приобретена дамская шуба на котиковом морском меху, причем это было сделано в летнее время, когда зимние вещи продаже не подлежали, была оценена в небольшую сумму в ценах 1919 г. – 250 рублей. Еще один член горпродкома Никитин выписал для себя пальто и костюм-тройку, его сослуживец Кретов приобрел дамскую шубу, крытую бархатом на куньем меху, оцененную в 750 рублей. В то время, когда городское население крайне нуждалось в носимом белье или платье, когда на получение той или иной вещи требовалось соблюдение ряда формальностей, когда все это проверялось и санкционировалось властью того или иного члена горпродкома, сами члены в отношении своих личных нужд устраивали подобные дела в тишине своих кабинетов, являясь одновременно просителем, контролем и разрешительным органом [28, л. 30]. К примеру, следователю ревтрибунала Бандурину пришлось дважды (в апреле и июне 1919 г.) письменно обращаться в горпродком, чтобы получить разрешение на приобретение брюк и рубашки [25, л. 26]. Получение почти комплекта спального гарнитура Загоскиной летом 1919 г., когда в Вятке были расположены госпитали, началась эпидемия сыпного тифа, белья катастрофически не хватало, в больницах невозможно было содержать людей, так как не было сменного белья, было преступным деянием. Дело велось ГубЧК, в ревтрибунале, 19 июня 1920 г. народный суд прекратил дело по амнистии [28, л. 88].

Среди должностных преступлений наиболее часто фигурировали произвол и присвоение чужого имущества, что историк И. В. Нарский связывает с низкой заработной платой советских работников, стремлением к быстрой наживе, отсутствием классового сознания [14, с. 449]. Превышения властных полномочий были во всех губерниях, в 1919–1922 гг. отмечался серьезный рост числа нарушений среди советских работников, что фигурировало в деятельности революционных трибуналов по всей стране [15, с. 190]. Но несмотря на это, виновные в большинстве случаев не понесли серьезного наказания или были амнистированы, что связано с отсутствием кадров на местах [18, с. 83–84].

Стоит отметить, что приезд делегации ВЦИК совпал с освобождением от белогвардейцев ряда уездов губернии, куда были сразу же направлены представители комиссии ВЦИК. Глазовский и Малмыжский уезды находились на линии фронта, часть волостей переходила из рук в руки, этим обосновывалось их разоренное положение. Из 43 волостей Малмыжского уезда 28 были заняты белогвардейцами, целый год данные территории были ареной военных действий. В Малмыже был организован прием жалоб, огромное число которых было на действия воинских частей, которые только что покинули уезд: «армия, страдающая неимением транспорта, вынуждена буквально разорять местное население, отнимая у них упряжь, телеги и лошади» [6, л. 38]. На все действия командиров и красноармейцев жалобы направлялись в ячейки соответствующих частей.

Взятие Глазова состоялось 13 июня 1919 г., в 20 числах июня в уезде побывала делегация ВЦИК. Как указывалось в отчете из Глазова: «Как бы ни тяжелы были повинности, крестьянство исполняет их беспрекословно, но проведение в жизнь этих повинностей страшно хаотично и беспорядочно. Особенно этим отличаются Армейские отделы снабжения. За подводы и скот населению часто не плотится, телеги с вожатыми задерживаются месяцами» [6, л. 14]. По мнению уполномоченного ВЦИК, понятие законности на местах совершенно отсутствует, никто не знает, что можно реквизировать, чего нельзя, у кого можно, у кого нельзя. У середняка отбирают излишки одежды, мелочи домашнего обихода. Поражает отсутствие связи селенских Советов с волостными, волостными с уездными, уездных с губернскими [6, л. 14 об.]. Лозунг всех крестьянских восстаний «Да здравствует советская власть, долой коммунистов» не выдуман буржуазией, а зародился и живет в глубине души огромного большинства крестьян. По мнению делегации ВЦИК, побывавшей в уездах губернии, относясь отрицательно к коммунистам, крестьянство иначе относится к советским учреждениям, которые оно выбирает и может контролировать [6, л. 14].

Самое большое количество жалоб из всех уездов было связано с уплатой чрезвычайного налога. Например, гражданин деревни Пахотная Малмыжского уезда Сайфулла Ахтянов при разверстке чрезвычайного налога был обложен суммой в размере 15 000 рублей, которую не уплатил, был арестован, все его имущество продано за бесценок, а в покупке участвовали члены волсовета [6, л. 65 об.]. В Уржумском уезде: «в Красной волости, когда сидели арестованные за неуплату налога, где были и средние крестьяне, то их поили от жажды соленой водой, а Хлебниковской волости во время избиения крестьян нагайками заводили граммофон, где на пластинке выговаривалось «так и надо, так и надо» [8, л. 102 об.]. Все жалобы были зафиксированы в журнале, где было указано либо куда направлена жалоба, либо конкретные решения по ней.

Мало было написать Ю. М. Стеклову, получить положительный ответ на жалобу, местное руководство не спешило отдавать «полученное». Например, Михаил Григорьевич Макаров, инструктор по продовольствию в Баталовской волости Котельничского уезда, отказался возвращать гражданину Южанину конфискованную рожь (13 пудов), даже получив резолюцию от Ю. М. Стеклова. Макаров сказал: «Пускай подпишет хоть сам Ленин, а зерна я не выдам» [27, л. 12]. Он был арестован ЧК, в волость направлен следователь, который установил, что «по наведенным справкам Макаров требовал для себя продуктов, масла, яиц, хлеба, молока в грубо-чиновничьей форме, чем запугивал крестьян, подрывая доверие несознательных масс к советской власти. Вел себя не как товарищ, а как диктатор» [27, л. 12]. Впрочем, по суду ревтрибунала был оправдан.

Отдельного внимания заслуживает отраженный в документах Ю. М. Стеклова конфликт между эвакуированными в Вятку уральскими и местными партийными работниками. Прибытие сотрудииков с Урала в Вятку в местной историографии воспринималось исключительно через призму усиления вятской партийной ячейки видными большевиками. «Подвинув» местных большевиков, уральцы заняли ведущие позиции в руководстве губернии. Одним из членов ревкома был видный уральский деятель Александр Георгиевич Белобородов, в руках Степана Андреевича Новоселова был и Губисполком, и Губком РКП (б). Однако в некоторых сферах проникновение уральских сотрудииков сопровождалось конфликтами. Отдел юстиций при Губисполкоме возглавил Николай Степанович Пятков. Как раз его деятельность стала предметом жалобы заведующего карательным отделом И. А. Чернышева Ю. М. Стеклову: «С момента взятия Перми и эвакуации в г. Вятку советских работников началась применяться политика выживания прежних работников с их мест. Губернскому отделу юстиции тоже пришлось сделаться жертвою интриг. Уход бывшего заведующего отделом юстиции тов. Зырянова был вынужденный. Зырянов заявил, что больше служить не может, так как против него начинается травля областников» [10, л. 1]. В других документах указывается, что Зырянов переживал за свою жизнь [2, с. 74]. Переживания Зырянова связаны с тем, что он, находясь в конце 1918 г. в должности заведующего отдела юстиции, с декабря 1918 г. занимался проверкой деятельности ГубЧК. Председателем ГубЧК был также уралец Медведев. Зырянов выявил нарушения закона со стороны председателя ЧК и его сотрудииков (незаконные избиения, расстрелы). Н. С. Пятков угрожал И. А. Чернышеву расстрелом, советовал оставить службу, хотел поставить на эту должность «своего человека». Пятков, к слову, весной 1919 г. сместил председателя ревтрибунала Вятки И. А. Фарафонова, который спешно уехал на фронт, с подачи Н. С. Пяткова председателем трибунала стал уралец Николай Павлович Сушков, затем Роберт Криштьянович Лепсис.

Как писал 22 мая 1919 г. И. А. Чернышев Ю. М. Стеклову: «Областничество крепко засело в Вятке и упорно придерживается порядка вести дело так, как ему хочется, а не так, как требуют интересы дела и разума» [10, л. 2 об.]. Эти подробности по-новому освещают систему управления губернией в разгар Гражданской войны. Помимо межведомственных (ВЧК и Наркомюст) и внутриведомственных конфликтов нами обнаружены материалы о конфликте внутриведомственной элиты между местными и прибывшими с Урала большевиками. Конфликт выражался и в «дублировании» органов ВЧК (параллельно существовала Вятская ГубЧК и Уральская Областная ЧК), и в том, как нам кажется, что большевики с Урала были на особом счету в Москве после июльских событий 1918 г. Это подтверждает тот факт, что прибывшие в январе 1919 г. в г. Вятку Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин назначили всех выходцев с Урала на ответственные посты Вятской губернии.

Одной из основных задач, возложенных на уполномоченных ВЦИК, было проведение мобилизации в Красную армию. Как отмечал Ю. М. Стеклов, вся кампания по мобилизации провалилась. Такой результат был связан, в том числе, с неразберихой на местах. Уполномо-

ченый по Слободскому уезду указывал на то, что «мобилизованные товарищи Анкушинской волости прибыли партией до 100 человек в волостной Совинский исполком безо всяких провожатых, и для того чтобы их направить в Слободскую приемную комиссию, они ждали с 9 часов утра до 3 часов дня и, не получив никакого распоряжения местного военкома, они решили разойтись по домам...» [7, л. 35 об.]. «При мобилизации они преследуют лишь одну цель, – заявлял уполномоченный ВЦИК Максимовский, – обмундироваться, попитаться, а там и вернуться» [1, с. 132]. Подобные случаи были не редкостью, дезертирство летом 1919 г. увеличивалось день ото дня. Вследствие чего на уполномоченных ВЦИК в июне ЦК РКП (б) была возложена задача по руководству кампанией по борьбе с дезертирством [12, с. 1], в связи с тем, что 2 июня 1919 г. вышло постановление Совета обороны «О мерах к искоренению дезертирства».

По имеющимся документам, Ю. М. Стеклов взял на контроль мероприятия по выявлению дезертирских банд. Так, 21 июня 1919 г. он получил рапорт, составленный Павлом Ивановичем Малковым (председатель Вятской ГубЧК с апреля по июнь 1919 г., член особого отдела ВЧК 3 армии), в котором описывается, как команда из не менее 800 человек (входили Вятский отдельный батальон войск ВЧК, Караульный Вятский полк) с 18 мая по 14 июня 1919 г. обследовала приграничные уезды губернии. Были выявлены места скопления дезертиров, проведены облавы, происходила работа с укрывателями, найденных дезертиров отправляли в Вятку. Всего же судя по сообщению от 21 июня 1919 г. из Нижнего Новгорода, где располагалась Окружная комиссия по борьбе с дезертирством при Приволжском военкомате, в Вятской губернии «по имеющимся сведениям» было более 20 тысяч дезертиров [17, с. 162]. В этом же сообщении было указание на проведение массовых облав в губернии. Таким образом, борьба с дезертирством носила регулярный характер [19].

Помимо информации о дезертирстве, сотрудники ВЧК и военные, участвовавшие в их поиске, в своих докладах и рапортах отмечали что, агитационная и «политическая» работа в деревне отсутствует. Например, «из распроса деревни Роменское и прилегающих к ней других деревень видно, что с начала революции сюда не заглянул ни один работник, который бы разъяснил темной массе значение советской власти...» [9, л. 243]. Заходя в села и деревни, руководители отрядов проводили митинги, целью которых была агитация населения за советскую власть и выдача дезертиров. Неоднократно к завершению митингов крестьяне делали заявления, что «наших местных коммунистов нужно давно бы всех повесить, а вот вы большевики, так мы знаем, что стоите за нас, за крестьян... Каково же было удивление у них, что большевики это ведь тоже коммунисты. Они тут же мне заявили, так, почему же вы ничего не берете насильно, а если что нужно, то просите и за это платите деньги, также и за подводы это первые большевики нам платят, а то все время ездили и никто ни одной копейки нам не платил» [9, л. 243 об.]. Таким образом, сотрудники отряда по борьбе с дезертирством в своих отчетах подтверждали выводы, сделанные уполномоченными ВЦИК по уездам Вятской губернии.

Таким образом, приезд Ю. М. Стеклова и открытие Бюро по приему жалоб от населения вскрыли огромное число злоупотреблений среди должностных лиц на местах, были заведены десятки следственных дел. И это несмотря на то, что весной 1919 г. при губернском ревкоме действовал особый контрольно-организационный отряд для ревизии уездов, который проводил успешные карательные операции, действовала усиленная уральцами ГубЧК, работал революционный трибунал. Возникает вопрос: почему наблюдался рост должностных правонарушений, жалоб на местную власть в течение первой половины 1919 г. Летом 1918 г. Вятская губерния, как хлебная, столкнулась с продразверсткой. Раскладка чрезвычайного налога на деревню началась в конце 1918 г., проводилась в губернии не только среди кулаков, зажиточных крестьян, но и среди середняков и бедняков, что способствовало большому количеству жалоб как в региональный центр, так и в Москву. Несмотря на заявления ревкома в январе 1919 г. о недопустимости превышения власти при взимании чрезвычайного налога, таковые продолжались до марта 1919 г. Вятская губерния собрала 100 млн. чрезвычайного налога. С конца 1918 г. в связи с тем, что часть территории губернии стала фронтовой и прифронтовой зоной, переходила из рук в руки, на крестьян была возложена задача обеспечения армии и «белых», и красных, что окончательно разорило деревню и способствовало новой волне жалоб. Повсеместно встречались незаконные реквизиции, пьянство, разбойные деяния и прочие нарушения. И даже если местных арестовывали, то спустя небольшое время их отпускали или переводили в другое место. Всюду царил безнаказанность. Местные руководители, а также рядовые граждане были уверены, что «делегация Центральной власти здесь ничего не изме-

нит и после их отъезда все останется по-старому, а Стеклов если и приехал, то как журналист, ничего не знает» [10, л. 3].

Главная задача делегации ВЦИК под руководством Ю. М. Стеклова заключалась в том, чтобы собрать, проанализировать и довести информацию в Центр о реальной ситуации. В июне 1919 г. в Москве было проведено крупное совещание уполномоченных ЦК РКП (б), по итогу которого было решено усилить работу партии в деревне, а именно был создан отдел работы в деревне при ЦК РКП (б) [1, с. 138].

Не стоит забывать, что в марте 1919 г. состоялся VIII съезд РКП (б), который связан со сменой курса партии в деревне – возможность союза бедняка с середняком. Отчасти поездка уполномоченных ЦК связана с «проверкой» решения съезда. В итоге, о чем неоднократно пишут уполномоченные, решения не выполнены, хотя они были опубликованы в прессе, крестьяне о них знали, указывали местным руководителям. К примеру, уполномоченный ВЦИК по Нижегородской губернии Семашко призывал: «Нужно... потребовать от каждого члена партии, чтобы он наизусть заучил, как в былое время, «Отче наш», постановления последнего 8-го съезда...» [11, с. 16]. Своеобразным «девизом» местных вятских руководителей можно считать слова заведующего отдела юстиции Н. С. Пяткова: «Центр это одно, а власть на местах – это другое» [10, л. 3]. Ю. М. Стеклов увидел реальное положение дел, оторванность региона от Центра, безнаказанность, бесправное положение простых людей. Но в условиях Гражданской войны решить эти проблемы было невозможно в силу отсутствия кадров на местах.

Список литературы

1. *Анфертьев И. А.* Оценка положения дел в деревне ответственными деятелями РКП (б) – уполномоченными ВЦИК в 1919–1920-е гг. По документам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века : сборник статей. Коломна, 2018. С. 129–138.
2. *Бакулин В. И.* Деятельность Вятской ГубЧК в «красном» тылу Восточного фронта (1918 – середина 1919 г.) // Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 69–79.
3. *Бакулин В. И.* Организация тыла в прифронтовой полосе: Вятская губерния зимой – летом 1919 г. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 147–159.
4. *Гостев И. Н.* Мобилизационная политика костромских партийно-советских органов в годы Гражданской войны // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 1. С. 251–256.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 120.
7. ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 121.
8. ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 122.
9. ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 124.
10. ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 125.
11. Известия ВЦИК. 1919. № 1.
12. Известия ВЦИК. 1919. № 2.
13. *Мистрюгов П. А.* Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны. Самара, 2018. 300 с.
14. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 632 с.
15. *Павлюченков С. А.* Крестьянский брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. 299 с.
16. *Позднякова А. С.* «Вы гастролеры...» (Из истории Вятского отделения Чрезвычайной комиссии на чехословацком фронте) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 105–111.
17. *Позднякова А. С.* Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018. 320 с.
18. *Позднякова А. С.* Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. (по материалам Вятского губернского революционного трибунала) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (5). С. 79–84.
19. *Позднякова А. С.* Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56–66.
20. *Расин Б. И.* Подбельский. [1887–1920]. М., 1963. 171 с.
21. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 1. Д. 6.
22. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 29.
23. ЦГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 23.
24. ЦГАКО. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 72.
25. ЦГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 159.
26. ЦГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 779.
27. ЦГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1063.
28. ЦГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 3220.

Revision of the Vyatka province by the authorized representatives of the Central Executive Committee and the Central Committee of the RCP (b) in May–June 1919

A. S. Pozdnyakova

PhD in Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Humanities and Social Sciences,
Kirov State Medical University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-8695-8970. E-mail: pozdnyakova.med@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the most studied problem—the study of the activities of the delegations of the authorized Central Executive Committee and the Central Committee of the RCP (b) in Vyatka province in May–June 1919. It was found that the purpose of the authorized Central Executive Committee and the Central Committee of the RCP (B) on the ground was to mobilize and monitor, audit and inspect Soviet institutions and party organizations. Based on the documents of the State Archive of the Russian Federation, we have identified the main areas of work of the VTSIK delegation under the leadership of N. M. Steklov. It was established that the authorized representatives of the Central Executive Committee interacted with the provincial revolutionary committee, party bodies, GubChK, and justice bodies. The authorized representatives of the Central Executive Committee identified abuses and violations in various bodies, both at the county and provincial levels. The main complaints of the population received in the name of Yu. M. Steklov are described in detail.

The novelty of the research lies in the fact that the author introduces unknown archival materials into the scientific circulation of the RAS. One of the conclusions of the work is that in the Vyatka province by the summer of 1919, a negative attitude towards the local Soviet government was developing in the peasant environment, which required attention from the central government. In many counties of the Vyatka province there was no party work, the implementation of the decisions of the VIII Congress of the RCP (b). Yu. M. Steklov saw the real state of affairs, the isolation of the region from the center, the disenfranchised position of the peasantry. The withdrawal of the Central Executive Committee commissioners throughout the country contributed to the strengthening of party control over the village – the creation of a department for working with villages under the Central Committee of the RCP (b).

Keywords: Vyatka province, authorized by the Central Executive Committee, Yu. M. Steklova, civil war, official crimes, mobilization, desertion.

References

1. Anfert'ev I. A. *Ocenka polozheniya del v derevne otvetstvennymi deyatel'yami RKP (b) – upolnomochennymi VCIK v 1919–1920-e gg. Po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Assessment of the situation in the village by responsible figures of the RCP (b) – authorized by the Central Executive Committee in the 1919–1920's. According to the documents of the Russian State Archive of Socio-political History (RSASPH)] // *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – nachale XX veka : sbornik statej – State power and the peasantry in the XIX – early XX century : collection of articles.* Kolomna. 2018. Pp. 129–138.
2. Bakulin V. I. *Deyatel'nost' Vyatskoj GubChK v "krasnom" tylu Vostochnogo fronta (1918 – seredina 1919 g.)* [Activity of the Vyatka GubChK in the "Red" rear of the Eastern Front (1918 – mid-1919)] // *Listaya istorii stranicy: Vyatskij kraj i vsya Rossiya v XX veke – Flipping through the pages of history: Vyatka Krai and the whole of Russia in the XX century.* Kirov. 2006. Pp. 69–79.
3. Bakulin V. I. *Organizaciya tyla v prifrontovoj polose: Vyatskaya guberniya zimoj – letom 1919 g.* [Organization in the front line: Vyatka province in winter – summer 1919] // *Otechestvennaya istoriya – Domestic history.* 1997. No. 4. Pp. 147–159.
4. Gostev I. N. *Mobilizacionnaya politika kostromskih partijno-sovetskih organov v gody Grazhdanskoj vojny* [Mobilization policy of Kostroma party-Soviet bodies during the Civil War] // *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova – Herald of the N. A. Nekrasov KSU.* 2009. No. 1. Pp. 251–256.
5. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. P-1240. Inv. 1. File 1.
6. SARF. F. P-1240. Inv. 1. File 120.
7. SARF. F. P-1240. Inv. 1. File 121.
8. SARF. F. P-1240. Inv. 1. File 122.
9. SARF. F. P-1240. Inv. 1. File 124.
10. SARF. F. P-1240. Inv. 1. File 125.
11. *Izvestiya VTsIK* – News of VCIK. 1919. No. 1.
12. *Izvestiya VTsIK* – News of VCIK. 1919. No. 2.
13. Mistryugov P. A. *Mestnye chrezvychajnye struktury sovetskoj vlasti v gody Grazhdanskoj vojny* [Local emergency structures of Soviet power during the Civil War]. Samara. 2018. 300 p.
14. Nariskij I. V. *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922]. M. 2001. 632 p.

15. Pavlyuchenkov S. A. *Krest'yanskij brest, ili predystoriya bol'shevistskogo NEPa* [Peasant Brest, or the prehistory of the Bolshevik NEP]. M. 1996. 299 p.
16. Pozdnyakova A. S. "Vy gastrolery..." (*Iz istorii Vyatskogo otdeleniya Chrezvychajnoj komissii na chekhoslovackom fronte*) ["They are touring" (From the history of the Vyatka branch of the Extraordinary Commission on the Czechoslovak Front)] // Historical journal: scientific research. 2017. No. 6. Pp. 105–111.
17. Pozdnyakova A. S. *Vyatskaya guberniya v gody Grazhdanskoj vojny: chrezvychajnye organy vlasti* [Vyatka province during the Civil War: emergency authorities]. Kirov. 2018. 320 p.
18. Pozdnyakova A. S. *Dolzhnostnye prestupleniya sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov v 1918–1919 gg. (po materialam Vyatskogo gubernskogo revolyucionnogo tribunala)* [Official crimes of law enforcement officers in 1918–1919 (based on the materials of the Vyatka Provincial Revolutionary Tribunal)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State University for the Humanities. 2012. No. 4 (5). Pp. 79–84.
19. Pozdnyakova A. S. *Sozdanie i deyatel'nost' Vyatskoj gubernskoj komissii po bor'be s dezertirstvom v 1919 godu* [The creation and activity of the Vyatka provincial Commission to combat desertion in 1919] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – Genesis: historical research. 2018. No. 11. Pp. 56–66.
20. Rasin B. I. *Podbel'skij. [1887–1920]* [Podbelsky. [1887–1920]]. M. 1963. 171 p.
21. [U1] RSASPH (Russian State Archive of Socio-Political History). F. 17. Inv. 1. File 6.
22. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. P-876. Inv. 1. File 29.
23. CSAKR. F. P-878. Inv. 1. File 23.
24. CSAKR. F. P-3474. Inv. 1. File 72.
25. TSGA00. F. P-1322. Inv. 1. File 159.
26. CSAKR. F. P-1322. Inv. 1a. File 779.
27. CSAKR. F. P-1322. Inv. 1a. File 1063.
28. CSAKR. F. P-1322. Inv. 1a. File 3220.

УДК 94 (470.41)"1930"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.024

Изменения в районной сети Татарской АССР в первой половине 1930-х годов

С. А. Файзуллин

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт татарской энциклопедии и регионоведения, Академия наук Республики Татарстан.
Россия, г. Казань. E-mail: stas1472580@yandex.ru

Аннотация. Татарская АССР была провозглашена в соответствии с декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 27 мая 1920 г. Она стала одним из первых национально-государственных образований, созданных в рамках РСФСР. Ее территория была сформирована из частей пяти губерний: Казанской, Уфимской, Самарской, Вятской и Симбирской. Буквально с первых дней существования в республике началась сложная и кропотливая работа по формированию и развитию системы ее административно-территориального устройства. Несмотря на то, что этот сложный процесс находился в тесной взаимосвязи с трансформациями, происходившими в стране в целом, в Татарской АССР он имел свои отличительные особенности. Первые экспериментальные районы в республике были образованы в 1927 г. Полностью же на районную модель административно-территориального устройства Татарская АССР перешла через три года после проведенного пробного районирования. В последующие годы в республике велась постоянная работа по формированию оптимальной районной сети, которая позволяла бы оперативно реагировать на возникающие актуальные проблемы и сложности.

В статье идет речь об изменениях в районной сетке Татарской АССР в первой половине 1930-х гг. Исследуются предпосылки, обосновывающие необходимость создания одних и ликвидацию других районов, рассматриваются планы по реорганизации административно-территориального устройства в охватываемый период. С целью отображения наиболее полной характеристики как ликвидируемых, так и вновь создаваемых районов, приводятся разнообразные показатели, в том числе количество селений, сельсоветов, численность населения с разбивкой жителей по национальностям и их удельный вес.

Ключевые слова: Татарская АССР, район, проект, ВЦИК, ТатЦИК.

В августе – сентябре 1930 г. в Татарской АССР была проведена реформа по переходу на районную систему административно-территориального деления. Были упразднены существовавшие ранее кантоны и волости и повсеместно учреждены районы. Казалось, прошедшие крупномасштабные преобразования должны были обеспечить стабильность районной сети республики хотя бы на первое время. Но авральные сроки подготовки документа (после постановления о ликвидации округов, когда готовый проект окружного районирования необходимо было в спешном порядке переработать) и нежелание большого числа руководящих и технических сотрудников отправляться на места вызвали необходимость внесения изменений в существующую сетку административно-территориальных единиц.

Согласно проекту районирования ТАССР, утвержденному Президиумом ВЦИК 10 августа 1930 г., республика должна была быть разделена на 46 районов [16, ст. 718]. Но уже на начальном этапе возникли трудности с формированием Бондюжского района с центром в рабочем поселке Бондюжский, который планировалось создать из бывшей Камаевской волости бывшего Челнинского кантона. Наметить район на бумаге оказалось гораздо проще, чем выделить его на практике, поскольку выяснилось, что никаких условий для его организации не имелось. Целесообразнее было включить Бондюжский район в состав Елабужского района. В пользу такого решения действовали следующие факторы:

– рабочий поселок Бондюжский страдал «в крайней степени от жилищного кризиса» так, что «районные учреждения и служащих районных учреждений» негде было разместить. В свою очередь бывший кантонный центр, город Елабуга, был обеспечен «помещениями и культурными учреждениями»;

– Бондюжский район занимал площадь 590 км², с населением 29 737 человек и состоял из 22 сельсоветов, в то время как остальные районы имели в среднем 47 сельсоветов, около 60 000 жителей и 1490 км² территории;

– по основным показателям сельского хозяйства и природным условиям бывшая Камаевская волость (Бондюжский район) мало чем отличалась от смежного Елабужского района, находясь под экономическим влиянием Елабуги;

– слияние Бондюжского и Елабужского районов должно было «усилить пролетарское влияние на последний» [11, л. 13].

Учитывая вышеизложенное, 23 сентября 1930 г. Президиум ТатЦИК постановил «ввиду нецелесообразности организации самостоятельного Бондюжского района, – отнести Бондюжский завод и Камаевскую волость к Елабужскому району» [7, л. 39] и поручил комиссии по районированию подготовить исчерпывающий материал по данному вопросу для представления во ВЦИК. Следствием этого стало направленное в Москву ходатайство, возбужденное почти сразу по завершении административно-территориальной реформы, об исключении Бондюжского района из числа районов ТАССР и включения его в состав Елабужского района. 18 ноября 1930 г. Административная комиссия при Президиуме ВЦИК рассмотрев, удовлетворила данное ходатайство [11, л. 13 об.]. И 20 января 1931 г. Президиум ВЦИК постановил: «Бондюжский и Елабужский районы Татарской АССР слить в один район – Елабужский, с центром в городе Елабуге» [17, ст. 78].

Но ликвидацией только одного района дело не ограничилось, и в том же 1931 г. ТатЦИК вновь обратился во ВЦИК с просьбой о проведении укрупнения еще некоторых районов. Острая нехватка руководящих и технических кадров, необходимость усиления районных бюджетов, а также стремление более рационального распределения территории по производственному принципу ставили перед руководством ТАССР задачу по пересмотру районной сети для их дальнейшего укрупнения. После ликвидации Бондюжского района ТАССР делилась на 45 районов, на которые в среднем приходилось 44 сельсовета, 58 200 жителей (в том числе 56 500 сельского населения) и 1475 км² территории [8, л. 21]. Как отмечалось в проекте по изменению районной сети, при сравнении этих показателей со средними данными по РСФСР и СССР за 1930 г. оказалось, что районы ТАССР в 1,5 раза превосходили средние союзные и республиканские показатели по количеству сельсоветов и населения. Широкомасштабное укрупнение существующих районов затруднялось следующими факторами:

- большой их населенностью и значительным количеством сельсоветов;
- протеканием по территории ТАССР крупных рек – Волги, Камы и Вятки, а также достаточным количеством более мелких рек, осложняющих крестьянское сообщение с районцентрами;
- смешанным национальным составом населения;
- низкой квалификацией работников сельсоветов, особенно в национальных районах [8, л. 21].

И все-таки в ТАССР нашли возможность для частичного сокращения количества административно-территориальных единиц. Руководство республики наметило к упразднению Теньковский, Таканышский и Билярский районы.

Таблица 1

Районы, подлежащие ликвидации [8, л. 21]

Район	Территория (км ²)	Количество	
		сельсоветов	населения
Билярский	1420	41	54 368
Таканышский	1050	38	45 710
Теньковский	990	29	29 013

В среднем на каждый вышеупомянутый район приходилось 1153 км² территории, 36 сельсоветов и 43 030 жителей.

Таблица 2

Национальный состав ликвидируемых районов [8, л. 21]

Район	Удельный вес населения (%)		
	татар	русских	прочих
Билярский	43,6	47,9	8,5
Таканышский	70,7	21,7	7,6
Теньковский	8,3	89,3	2,4

Из трех районов в национальном плане один район был с преобладанием русского, один – татарского населения, а один – смешанный русско-татарский. Теньковский район предполагалось объединить со Свяжским районом с центром в с. Верхний Услон, при этом часть селений Теньковского района подлежала передаче в Камско-Устьинский и Апастовский районы, а некоторые населенные пункты Свяжского района – в Нурлатский район. За данное укрупнение выступали следующие факторы:

- относительно небольшие размеры обоих районов по территории, количеству населения, числу сельсоветов;
- однородные природные и хозяйственные условия;
- влияние в целом на население данных районов Казани, сообщение с которой осуществлялось через с. Верхний Услон [8, л. 25].

Верхний Услон, по мнению руководства ТАССР, лучше других подходил для центра будущего района. Село насчитывало около 2300 жителей, располагалось напротив Казани (на противоположном берегу Волги), имело пристань, пункт связи (телефон, телеграф), почту, единое потребительское общество, ряд кооперативных предприятий. Дороги на Казань, проходящие через район с юга на север и с востока на запад, пересекались у Верхнего Услона. Намерение передать некоторые селения Свяжского района в Нурлатский обуславливались их близостью к Нурлатам, стремлением укрупнить последний район, имеющий небольшие показатели по территории и населению, а также отрезанностью этих населенных пунктов от Верхнего Услона рекой Свягой. По аналогичным причинам с. Кабык-Копры передавалось из Теньковского района в Апастовский, а еще пять сельсоветов – в Камско-Устьинский районы, передача последних населенных пунктов была также необходима для объединения в Камско-Устьинском районе единого горного массива с однородными полезными ископаемыми (гипс, сера, битумы и т. д.), добыча которых уже велась. В связи с переносом центра района из Свяжска в Верхний Услон, решено было преобразовать город Свяжск в село. По переписи 1926 г. здесь проживало всего 2600 жителей и фабрично-заводской промышленности не имелось. Он фактически управлялся сельсоветом [8, л. 25].

Необходимость ликвидации Таканышского района и распределение его населенных пунктов между Кукморским и Мамадышским районами обуславливалось небольшой территорией, существующими экономическими и социально-культурными связями селений с Кукмором, расположенным на Казанско-Свердловской железной дороге, или с Мамадышем на Вятке [8, л. 24]. Территорию Билярского района планировали распределить, главным образом, между Алексеевским и Алькеевским районами; часть селений подлежала передаче в Чистопольский и Аксубаевский районы. Мотивом к его упразднению послужила национальная разнородность населения и отсутствие ярко выраженного экономического влияния его центра на весь район при наличии возбужденных ходатайств части селений о переходе в смежные районы [8, л. 24]. В связи с упразднением трех вышеупомянутых районов изменялись показатели 10 районов: Аксубаевского, Алексеевского, Алькеевского, Апастовского, Камско-Устьинского, Кукморского, Мамадышского, Нурлатского, Свяжского и Чистопольского.

Таблица 3

Районы, подлежащие укрупнению [8, л. 31]

Район	Территория (км ²)	Плотность населения	Количество	
			сельсоветов	населения
Аксубаевский	1380	32,8	38	45 311
Алексеевский	1380	27,6	28	38 494
Алькеевский	1900	31,3	47	59 580
Апастовский	1050	49,8	48	50 789
К.-Устьинский	750	49,2	35	36 917
Кукморский	1100	54	51	59 471
Мамадышский	2000	36,5	54	73 000
Нурлатский	580	69,7	33	40 459
Свяжский	730	58,9	36	43 026
Чистопольский	2020	46,6	53	95 037

До укрупнения в среднем на один район приходилось 1289 км² территории, 42,3 сельсовета и 54 208 жителей. Теперь же каждый из этих районов должен был получить за счет упраздняемых районов некоторое увеличение числа сельсоветов и населения.

Таблица 4

**Количество сельсоветов и населения,
включаемых в районы [8, л. 31]**

Район	Количество		Из какого ликвидированного района
	сельсоветов	населения	
Аксубаевский	8	8042	Билярского
Алексеевский	13	22 736	Билярского
Алькеевский	16	19 159	Билярского
Апастовский	1	1551	Теньковского
Верхнеуслонский (б. Свяжский)	23	21 835	Теньковского
К.-Устьинский	5	5627	Теньковского
Кукморский	23	26 566	Таканьшского
Мамадышский	15	19 144	Таканьшского
Нурлатский	5	6850	Свяжского
Чистопольский	5	4431	Билярского

Всего между районами распределялось 114 сельсоветов и 135 941 человек населения. В среднем на каждый район дополнительно приходилось 11,4 сельсовета и 13 594 жителя.

Таблица 5

Укрупненные районы [8, л. 25, 31]

Район	Количество	
	сельсоветов	населения
Аксубаевский	46	55 107
Алексеевский	41	62 582
Алькеевский	63	79 066
Апастовский	49	52 199
Верхнеуслонский (б. Свяжский)	54	58 011
К.-Устьинский	40	46 171
Кукморский	74 и 1 пос. с.	88 086
Мамадышский	69 и 1 гор. с.	93 608
Нурлатский	38	49 370
Чистопольский	58 и 1 гор. с.	100 177

В результате средние показатели в укрупненных районах составили 53,2 сельсовета и 68 437 жителей, что превысило их аналогичные показатели в прежних границах на 10,9 сельсовета и 14 299 жителей. Процесс укрупнения районов повлек за собой и изменения в национальном составе населения.

Таблица 6

**Национальный состав
укрупненных районов [8, л. 25, 31]**

Район	Удельный вес (%)		
	татар	русских	прочих
Аксубаевский	19,0	36,3	44,7
Алексеевский	19,8	73,6	6,8
Алькеевский	53,2	30,6	16,2
Апастовский	78,2	19,5	2,3
Верхнеуслонский (б. Свяжский)	4,2	93,5	2,3
К.-Устьинский	52,7	43,4	3,9
Кукморский	74,0	10,7	15,3
Мамадышский	59,5	39,0	1,5
Нурлатский	60,3	39,7	-
Чистопольский	46,1	49,0	4,9

Таким образом, из приведенных показателей следует, что в шести районах имелось преобладание татарского населения, в трех – русского и в одном – национальных меньшинств. Затевая кампанию по сокращению трех районов, руководство ТАССР рассчитывало, что оно не создаст особых сложностей в обслуживании населения и даст несколько положительных результатов:

- освободит более 100 районных работников, что было важно при имеющейся в ТАССР острой нехватке партийных и советских кадров;
- принесет от 150 тыс. до 200 тыс. руб. ежегодной экономии на содержании управленческого аппарата;
- частично укрупнит и усилит бюджеты соседних районов;
- позволит перераспределить территории республики по экономическим показателям и производственной специализации [8, л. 24].

Ликвидация Теньковского, Таканышского и Билярского районов и перенос центра Свияжского района в Верхний Услон были одобрены на заседании бюро Татарского обкома ВКП (б) 13–14 апреля 1931 г. 14 мая 1931 г. бюро обкома постановило закончить подготовку к упразднению Теньковского и Таканышского районов к 1 июня, вопрос же о существовании Билярского решено было отложить [2, л. 119 об.]. Скорее всего, республиканских руководителей насторожил тот факт, что распределение его территории между Аксубаевским, Алексеевским, Чистопольским и Алькеевским районами сильно увеличило нагрузку на существующий здесь государственный аппарат. Последний просто не справился бы со своими задачами, поскольку количество населения превысило бы в Чистопольском районе 100 тыс., в Аксубаевском – 55 тыс., в Алексеевском – 62 тыс., в Алькеевском – 79 тыс. человек. После завершения подготовительной работы материалы были направлены во ВЦИК, который постановлениями от 20 октября 1931 г. [18, ст. 474] и 1 января 1932 г. [19, ст. 44] разрешил ТатЦИК провести упразднение Свияжского, Теньковского и Таканышского районов.

Таким образом, в начале 1930-х гг. в республике прошло укрупнение некоторых районов. Был упразднен ряд слабых административно-территориальных единиц, за счет которых планировалось улучшить положение с районными кадрами, уменьшить расходы на содержание бюрократии и увеличить бюджеты смежных районов. Вопреки ожиданиям, несмотря на быстрый рост и определенные успехи, колхозно-совхозное строительство в республике переживало серьезные трудности. Сказывались отсутствие опыта управления крупными сельскохозяйственными предприятиями, нехватка техники и квалифицированных специалистов.

Кроме того, развертывание коллективизации и борьба с кулачеством привели к новому витку противостояния на селе. Зажиточные слои сельского населения в такой ситуации были вынуждены защищаться, меняя тактику борьбы. Они отказались от открытого противостояния и перешли к скрытым формам сопротивления: массово вступая в колхозы и совхозы, старались разложить их изнутри путем саботажа и вредительства, начиная от сева и заканчивая хлебоготовками, подрывая трудовую дисциплину, а также «разжигая мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления» [13, с. 145]. Помимо этого, кулаки и их сторонники, как отмечалось в партийных документах, стремились «выхолостить из колхозов их социалистическую сущность и превратить их в свою организацию против советского государства, против пролетарской диктатуры» [13, с. 145]. Успехи противников коллективизации были столь очевидны, что закрывать на это глаза оказалось невозможным. Для того чтобы переломить ситуацию и превратить совхозы и МТС в «подлинные ячейки социалистического строительства», было решено создавать в крупных совхозах и МТС политические отделы, чтобы обеспечить «партийный глаз и контроль во всех областях работы и жизни как самих МТС и совхозов, так и обслуживаемых МТС колхозов» [13, с. 185]. Таким образом, политотделы должны были осуществить «превращение машинно-тракторных станций и совхозов, являющихся в настоящий момент преимущественно хозяйственно-техническими центрами на селе, в центры как хозяйственно-технического, так и политического и организационного руководства и влияния на широкие массы колхозников» [13, с. 188]. Через год с небольшим на XVII съезде ВКП (б) (26 января – 10 февраля 1934 г.), оценивая работу политотделов, отмечалось, что «они с честью выполнили возложенные на них задачи и оправдали то доверие, какое возложила на них наша партия» [1, с. 559]. В связи с созданием МТС и совхозов они превратились в новые экономические центры, вокруг которых группировались колхозы. Для их дальнейшего развития и укрепления, а также окончательного подчинения зажиточных слоев сельского населения, в ближай-

шей перспективе планировалось «вокруг МТС создавать новые самостоятельные районы или в менее мощных центрах МТС – подрайоны, а политотделы МТС по мере необходимости преобразовывать в райкомы или подрайкомы» [1, с. 672].

XVII съезд ВКП (б) предоставил ЦК право «создавать политические отделы <...> на отстающих участках социалистического строительства, приобретающих особо важное значение для народного хозяйства и страны в целом, а также, по мере выполнения политическими отделами своих ударных задач, превращать их в обычные партийные органы, построенные по производственно-территориальному признаку» [1, с. 672]. Решение по превращению политотделов МТС в райкомы ВКП (б) не заставило себя долго ждать. На Пленуме ЦК ВКП (б) (25–28 ноября 1934 г.) отмечалось, что несмотря на серьезные успехи в колхозном строительстве, усложнились задачи «по руководству колхозной деревней». Партия требовала провести «укрепление нормальных партийных и советских органов, охватывающих всю работу: административную, хозяйственную, культурно-бытовую, финансовую и т. д.» [14, с. 17]. В заключение, для «завершения начатого еще при ликвидации округов, районирования и полного приближения органов управления к селу» [14, с. 17–18] Пленум ЦК ВКП (б) постановил: «преобразовать политотделы МТС в обычные партийные органы, для чего слить политотделы с существующими районными комитетами партии, а особенно большие районы разбить на несколько новых районов, влив туда соответствующие политотделы» [14, с. 18]. Кроме того, он поручил Политбюро ЦК завершить проведение данного постановления в жизнь на территории Советского Союза к 1 марта 1935 г. и обязал местные партийные органы представить в ЦК ВКП (б) к 1–15 января свои конкретные предложения об организации новых районов.

В совхозах всех видов система политотделов оставалась без изменения [14, с. 20]. Разъясняя итоги Пленума на казанском городском партактиве 8 декабря 1934 г., первый секретарь Татарского обкома ВКП (б) А. К. Лепа подчеркнул, что часть районов как в целом по стране, так и в ТАССР слишком велики и потому затрудняют руководство колхозами. Он предложил их разделить и организовать новые сельские районы [12, с. 26]. Срочная работа по определению границ новых административно-территориальных образований была поручена Татгосплану. Уже 17 декабря 1934 г. на совещании секретарей РК ВКП (б) и начальников политотделов МТС рассматривался проект по организации новых районов ТАССР, где обсуждались различные варианты, по окончании которого было решено дополнительно проработать этот вопрос [5, л. 78–96]. Поскольку райкомы ВКП (б), с которыми объединялись политотделы МТС, должны были взять на себя непосредственное руководство не только колхозами, но и первичными парторганизациями, крупные районы предполагалось разделить на 2–3 района. При определении границ новых административно-территориальных образований за основу бралась территория деятельности одной МТС. Кроме того, в условиях ТАССР учитывался и национальный фактор, по возможности стремились создавать районы с большинством определенной национальности, а также размещать его центр в селении преобладающей народности. Стремление к этому не всегда положительно сказывалось на будущих районах. 31 декабря 1934 г. бюро Татарского обкома ВКП (б) постановило ходатайствовать перед ЦК партии об утверждении 13 новых районов: Бондюжского, Высокогорского, Заинского, Каргалинского, Кузнечихинского, Кутлубукашского, Новописьмянского, Поисеевского, Теньковского, Тлянчи-Тамакского, Таканышского, Шаймурзинского и Ютазинского. Обком просил также разрешения переименовать районы: Каргалинский в Кзыл-Армейский, Кутлубукашский – в Кзыл-Юлдузский, Поисеевский – в Калининский, Тлянчи-Тамакский – в Азинский и Шаймурзинский – в Буденновский [4, л. 128–129]. Чуть позднее предлагаемый список дополнился еще четырьмя районами: Кзыл-Юлским, Тельманским, Тумутукским и Тюлячинским, после чего количество новых районов достигло 17.

На предложение Татарского обкома ВКП (б), вероятно, повлияло решение ЦК партии от 29 декабря 1934 г. об организации в 1935 г. в ТАССР восьми новых МТС, причем уже к 1 мая необходимо было создать пять машинно-тракторных станций [3, л. 75], что и позволило расширить список новых районов. 25 января 1935 г. Президиум ВЦИК утвердил новое административное деление ТАССР [20, ст. 42]. Ходатайства по переименованию районов также нашли поддержку, за исключением Азинского района, который стал именоваться Ворошиловским. Теперь с учетом вновь образованных общее количество районов в Татарстане составило 60.

Таблица 7

Количественные показатели районов, образованных в 1935 г. [15, с. 189–190]

№ п/п	Район	Количество	
		сельсоветов	населенных пунктов
1	Бондюжский	25	54
2	Буденновский	32	54
3	Ворошиловский	20	62
4	Высокогорский	20	69
5	Заинский	33	99
6	Калининский	36	78
7	Кзыл-Армейский	19	44
8	Кзыл-Юлдузский	34	61
9	Кзыл-Юлский	25	68
10	Кузнечихинский	24	72
11	Новописьмянский	16	64
12	Таканышский	37	109
13	Тельмановский	27	78
14	Теньковский	14	37
15	Тумутукский	16	42
16	Тюлячинский	27	77
17	Ютазинский	16	86

В среднем на каждый создаваемый район приходилось 24,8 сельсовета и 67,8 населенных пункта.

Таблица 8

Национальный состав районов, образованных в 1935 г. [15, с. 189–190]

№ п/п	Район	Количество населения по национальностям (тыс. чел.)			Всего
		татар	русских	прочих	
1	Бондюжский	18,0	12,6	1,6	32,2
2	Буденновский	30,5	7,6	12,7	50,8
3	Ворошиловский	24,5	3,2	-	27,7
4	Высокогорский	7,5	17,9	0,1	25,5
5	Заинский	27,7	16,4	0,2	44,3
6	Калининский	38,6	3,1	-	41,7
7	Кзыл-Армейский	17,5	7,2	2,2	26,9
8	Кзыл-Юлдузский	40,3	8,0	-	48,3
9	Кзыл-Юлский	32,7	3,6	-	36,3
10	Кузнечихинский	9,7	13,7	6,1	29,5
11	Новописьмянский	9,8	11,7	3,8	25,3
12	Таканышский	32,4	18,0	6,0	56,4
13	Тельмановский	13,6	16,0	1,8	31,4
14	Теньковский	0,9	18,0	0,6	19,5
15	Тумутукский	22,4	0,7	-	23,1
16	Тюлячинский	27,8	11,4	-	39,2
17	Ютазинский	28,2	6,6	0,7	35,5

В среднем на каждый создаваемый район приходилось 34 209 жителей.

Таблица 9

Удельный вес национальностей по районам, образованным в 1935 г.

[подсчитано автором по данным: 15, с. 189–190]

№ п/п	Район	Удельный вес (в %)		
		татар	русских	прочих
1	Бондюжский	55,9	39,1	5,0
2	Буденновский	60,0	15,0	25,0
3	Ворошиловский	88,4	11,6	-
4	Высокогорский	29,4	70,2	0,4
5	Заинский	62,5	37,0	0,5

Окончание табл. 9

№ п/п	Район	Удельный вес (в %)		
		татар	русских	прочих
6	Калининский	92,6	7,4	–
7	Кзыл-Армейский	65,1	26,8	8,2
8	Кзыл-Юлдузский	83,4	16,6	–
9	Кзыл-Юлский	90,1	9,9	–
10	Кузнечихинский	32,9	46,4	20,7
11	Новописьмянский	38,7	46,3	15,0
12	Таканышский	57,4	31,9	10,6
13	Тельмановский	43,3	51,0	5,7
14	Теньковский	4,6	92,3	3,1
15	Тумутукский	97,0	3,0	–
16	Тюлячинский	70,9	29,1	–
17	Ютазинский	79,4	18,6	2,0

Из 17 вновь организованных районов 12 (Бондюжский, Буденновский, Ворошиловский, Заинский, Калининский, Кзыл-Армейский, Кзыл-Юлдузский, Кзыл-Юлский, Таканышский, Тумутукский, Тюлячинский и Ютазинский районы) были с большинством татарского и пять (Высокогорский, Кузнечихинский, Новописьмянский, Тельманский и Теньковский районы) – русского населения. Предельно сжатые сроки, отпущенные на подготовку и проведение административной реформы, не могли не отразиться на качестве проработки проекта. Это привело к тому, что Госпланом ТАССР при проектировании новых районов были допущены некоторые ошибки, для исправления которых в ходе реализации плана вносились коррективы, уточняющие границы районов [9, л. 26; 10, л. 33].

Кроме того, для увязки национального фактора в качестве районных центров утверждались иногда не совсем подходящие для этого селения. Это привело к тому, что в восьми из 17 организованных новых райцентров не было «абсолютно никаких помещений, кроме крестьянских изб для размещения районных организаций» [6, л. 261]. Так, в Кзыл-Юлдузском районе последние были размещены по нескольким деревням, а в Кузнечихинском, после пожара, который уничтожил 54 крестьянских дома, они находились в совсем плачевном положении [6, л. 261]. Летом 1935 г. Татарский обком ВКП (б) обратился в ЦК партии с просьбой о выделении 1440 тыс. руб. на постройку восьми домов советов в Кзыл-Юлдузском, Кзыл-Юлском, Кузнечихинском, Новописьмянском, Таканышском, Тельманском, Тумутукском и Тюлячинском районах. Такой суммы в бюджете ТАССР не имелось, и республика просила отпустить средства из резерва СНК СССР [6, л. 261].

Таким образом, за первые пять лет существования районной системы административно-территориального деления республики она неоднократно подвергалась изменениям. И если вначале рассматриваемого периода они носили точечный, то в конце – широкомащтабный характер. Массовое разукрупнение районов, повторное воссоздание трех районов (Бондюжский, Таканышский и Теньковский), свидетельствуют об уходе экономических, социальных и других факторов на второй план, уступив место стремлению усилить влияние и контроль за политическими процессами, происходящими на селе.

Список литературы

1. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля : стенографический отчет. М., 1934. 716 с.
2. ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. П-15. Оп. 2. Д. 949.
3. ГАРТ. Ф. П-15. Оп. 3. Д. 220.
4. ГАРТ. Ф. П-15. Оп. 3. Д. 254.
5. ГАРТ. Ф. П-15. Оп. 3. Д. 357.
6. ГАРТ. Ф. П-15. Оп. 3. Д. 649.
7. ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1452.
8. ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1581.
9. ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2458.
10. ГАРТ. Ф. Р-5874. Оп. 1. Д. 2023.
11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 501.
12. Лена А. К. Об итогах Ноябрьского Пленума ЦК ВКП (б) : доклад на собрании Казанского городского партактива 8 декабря 1934 г. Казань, 1934. 28 с.
13. Материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б), январь 1933 г. Л., 1933. 193 с.

14. Резолюции Пленума Центрального Комитета ВКП (б), 25–28 ноября 1934 г. Казань, 1934. 22 с.
15. Социалистическое строительство АТССР за 15 лет: экономико-статистический сборник, посвященный пятинадцатилетию АТССР. Казань, 1935. 199 с.
16. СУ РСФСР. 1930. № 60.
17. СУ РСФСР. 1931. № 6.
18. СУ РСФСР. 1931. № 65.
19. СУ РСФСР. 1932. № 10.
20. СУ РСФСР. 1935. № 4.

The Tatar ASSR of the mid-1930s

S. A. Fayzullin

PhD in Historical Sciences, senior researcher, Institute of Tatar and Regional Studies,
Academy of Sciences of Republic of Tatarstan. Russia, Kazan. E-mail: stas1472580@yandex.ru

Abstract. The Tatar ASSR was proclaimed in accordance with the decree of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR of May 27, 1920. It became one of the first national-state entities created within the framework of the RSFSR. Its territory was formed from parts of five provinces: Kazan, Ufa, Samara, Vyatka and Simbirsk. Literally from the first days of its existence, the republic began a complex and painstaking work on the formation and development of its administrative and territorial system. Despite the fact that this complex process was closely interrelated with the transformations taking place in the country as a whole, it had its own distinctive features in the Tatar ASSR. The first experimental districts in the republic were formed in 1927. The Tatar ASSR switched completely to the district model of the administrative-territorial structure three years after the trial zoning. In the following years, constant work was carried out in the republic on the formation of an optimal district network, which would allow to respond promptly to emerging urgent problems and difficulties.

The article deals with changes in the district grid of the Tatar ASSR in the first half of the 1930s. The prerequisites justifying the need for the creation of some and the liquidation of other districts are investigated, plans for the reorganization of the administrative-territorial structure in the period covered are considered. In order to display the most complete characteristics of both liquidated and newly created districts, various indicators are given, including the number of villages, village councils, the population with a breakdown of residents by nationality and their specific weight.

Keywords: Tatar ASSR, district, project, VCIK, TatSIK.

References

1. XVII s'ezd Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii (b), 26 yanvarya – 10 fevralya : stenograficheskij otchet – XVII Congress of the All-Union Communist Party (b), January 26–February 10 : verbatim report. M. 1934. 716 p.
2. SART (State Archive of the Republic of Tatarstan). F. P-15. Inv. 2. File 949.
3. SART. F. П-15. Inv. 3. File 220.
4. SART. F. П-15. Inv. 3. File 254.
5. SART. F. П-15. Inv. 3. File 357.
6. SART. F. П-15. Inv. 3. File 649.
7. SART. F. P-732. Inv. 1. File 1452.
8. SART. F. P-732. Inv. 1. File 1581.
9. SART. F. P-732. Inv. 1. File 2458.
10. SART. F. P-5874. Inv. 1. File 2023.
11. GARF (State Archive of the Russian Federation). F. P-1235. Inv. 123. File 501.
12. Lepa A. K. *Ob itogah Noyabr'skogo Plenuma CK VKP (b) : doklad na sobranii Kazanskogo gorodskogo partaktivnogo 8 dekabrya 1934 g.* [On the results of the November Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) : report at the meeting of the Kazan City Party active on December 8, 1934]. Kazan. 1934. 28 p.
13. *Materialy ob'edinennogo plenuma CK i CKK VKP (b), yanvar' 1933 g.* – Materials of the joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b), January 1933. L. 1933. 193 p.
14. *Rezolyucii Plenuma Central'nogo Komiteta VKP (b), 25–28 noyabrya 1934 g.* – Resolutions of the Plenum of the Central Committee of the CPSU (b), November 25–28, 1934. Kazan. 1934. 22 p.
15. *Socialisticheskoe stroitel'stvo ATSSR za 15 let: ekonomiko-statisticheskij sbornik, posvyashchennyj pyatnadcatiletiyu ATSSR* – Socialist construction of the ATSSR for 15 years: an economic and statistical collection dedicated to the fifteenth anniversary of the ATSSR. Kazan. 1935. 199 p.
16. SU RSFSR. 1930. No. 60.
17. SU RSFSR. 1931. No. 6.
18. SU RSFSR. 1931. No. 65.
19. SU RSFSR. 1932. No. 10.
20. SU RSFSR. 1935. No. 4.

УДК 94(940)

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.025

Петровские навигаторы в странах Западной Европы: описание образовательной поездки в дневниках и мемуарах российских дворян

М. М. Нижинская

аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории
Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. E-mail: Nijinka@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена образовательным поездкам российских дворян в страны Западной Европы в период правления Петра I. Для реализации петровских реформ, затронувших все сферы общественной жизни российского государства, требовалось большое количество специалистов в разных областях знания. Одним из решений кадрового дефицита стала отправка российских подданных в страны Западной Европы для получения необходимых знаний и навыков.

Российское правительство отправляло за границу для обучения представителей разных сословий. В рамках данной статьи уделено внимание российским дворянам, получившим в Европе образование в области военно-морского искусства. В официальных и частных документах петровской эпохи дворян, отправленных в Европу изучать морские науки, именовали «навигаторами». В статье на основе сохранившихся путевых записок, дневников и воспоминаний петровских навигаторов рассматривается, как российские дворяне оценивали свое пребывание за границей, какое впечатление произвела на них Западная Европа, что вызывало их интерес, что из увиденного запомнилось, какие европейские города они посещали и с кем предпочитали общаться. Уделяется внимание финансовым трудностям, с которыми сталкивались дворяне. Отмечается отсутствие личных суждений в используемых исторических источниках и их описательный характер. В обобщении говорится, что, несмотря на вынужденный для большинства российских дворян характер образовательной поездки в Европу, западноевропейская жизнь вызывала у них живой интерес, стремление увидеть больше городов, познакомиться с европейской архитектурой и искусством. Основной целью своей поездки российские дворяне считали получение специализированных знаний, которые в дальнейшем можно применить на службе отечеству.

Ключевые слова: европейская культура, обучение за рубежом, петровская эпоха, путешествие по Европе.

Для реализации петровских реформ, затронувших все сферы общественной жизни российского государства, требовалось большое количество специалистов в разных областях знания. Зарождающаяся система российского образования не справлялась с поставленными перед ней задачами по подготовке необходимых стране квалифицированных кадров, что вынуждало российское правительство искать другие пути решения. Одним из способов решения кадрового дефицита стала отправка российских подданных в страны Западной Европы для получения необходимых знаний и навыков. В результате такой политики обучение за границей российских подданных стало отличительной чертой петровской эпохи.

До Петра I европейские государства посещали преимущественно российские дипломаты и паломники, путешествующие по святым местам. Поездка в Европу воспринималась в российском обществе как факт, выходящий за пределы установленной нормы. В конце XVII – первой четверти XVIII вв. в результате новой образовательной политики в страны Западной Европы были отправлены российские подданные, которые никогда не помышляли о заграничной поездке и, если бы их мнение учитывалось, предпочли бы остаться на родине. Однако отказаться от поездки в Европу, нарушив приказ государя, они не могли. Данное обстоятельство способствовало укреплению в российской историографии мнения, что посылка россиян за границу против их воли вызывала у них чувство внутреннего сопротивления и нежелания приобщаться к чуждой для них европейской культуре. В результате они не вынесли из своей поездки ничего положительного, а единственным побудительным мотивом их обучения было желание угодить царю [9, с. 253].

Чтобы определить, насколько точно данное суждение отражает историческую действительность, необходимо выявить, что думали о своем пребывании в странах Западной Европы

сами российские подданные, ставшие путешественниками поневоле, как они оценивали свою заграничную поездку, какое впечатление произвела на них Западная Европа, что вызывало их интерес, что из увиденного запомнилось, какие европейские города они посещали и с кем предпочитали общаться. Для решения поставленной задачи обратимся к путевым заметкам, дневникам и мемуарам россиян, обучавшихся за границей и оставивших о своей образовательной поездке в Европу воспоминания.

Российское правительство отправляло за границу для обучения представителей разных сословий. В рамках данной статьи будут рассматриваться дневники и воспоминания российских дворян, получивших в Европе образование в области военно-морского искусства. В официальных и частных документах петровской эпохи их называли «навигаторами». В статье для анализа будут использованы следующие источники: дневник дипломата графа П. А. Толстого (1645–1729), автобиография дипломата князя Б. И. Куракина (1676–1727), дневник двоюродного брата Петра I И. Л. Нарышкина (1700–1734), воспоминания дипломата, оренбургского наместника И. И. Неплюева (1693–1773) и адмирала С. И. Мордвинова (1701–1777). Прежде чем приступить к их анализу, дадим краткую характеристику вышеперечисленных источников и их авторов.

По приказу Петра I в 1697 г. для обучения морским наукам в страны Западной Европы (Италию, Голландию, Англию) были направлены 67 представителей наиболее родовитой и знатной части российского дворянства [18, с. 565–567]. Среди них был стольник П. А. Толстой. Во время своей поездки по Европе он вел подробный дневник, который в дальнейшем лег в основу его путевых записок. На сегодняшний день существует несколько изданий путевых записок П. А. Толстого [9, с. 292–293]. Для написания данной статьи было использовано издание 1992 г. «Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе» под редакцией С. Н. Травникова и Л. А. Ольшевской [17].

П. А. Толстой происходил из старинного, но небогатого дворянского рода. Его военная и придворная карьера не отличалась от карьеры большинства российских дворян второй половины XVII в. К 1697 г. П. А. Толстой продвинулся по служебной лестнице довольно далеко и занимал чин стольника. На момент поездки в Европу ему исполнилось 52 года. Ряд российских историков предполагают, что П. А. Толстой отправился за границу по собственному желанию. Например, известный российский историк профессор Н. И. Павленко в своей монографии «Соратники Петра» выдвигает версию о самостоятельном решении П. А. Толстого поехать за границу для обучения [11, с. 177]. Российские филологи Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников не согласны с данным утверждением. В своей статье «Умнейшая голова в России...», посвященной П. А. Толстому, они обращают внимание на тот факт, что по приказу Петра I в 1697 г. учиться в Европу морским наукам поехали стольники всех возрастов: Борису Куракину был 21 год, Владимиру и Василию Шереметевым – 29 и 38, а их брату Борису Петровичу 45 лет. Так что солидный возраст Петра Толстого, по мнению исследователей, не являлся помехой для обучения [9, с. 255]. Отметим, что П. А. Толстой в своих путевых записках не пишет о том, что решение поехать в Европу было его личной инициативой, а также прилагает копию полученного им приказа Петра I об отправке московских стольников за границу [17, с. 5].

Путевые записки П. А. Толстого отличаются детальной точностью описания и энциклопедическими сведениями. П. А. Толстой был в группе российских дворян, направленных для обучения в Италию. В общей сложности его поездка длилась два года (1697–98). В рамках обучения морским наукам П. А. Толстой совершил два непродолжительных плавания в качестве волонтера на итальянских кораблях по Адриатическому морю, получив соответствующие отзывы и аттестаты, копии которых он поместил в своем дневнике [17, с. 240–242]. В путевых записках он подробно описывает итальянские города, которые посетил за время своей поездки: Венецию, Падую, Милан, Бари, Неаполь, Рим, Флоренцию, Болонью. В каждом городе П. А. Толстой посещал соборы и церкви, как православные, так и католические. В путевых записках подробно описаны церковные процессии и богослужения, на которых П. А. Толстой присутствовал лично, знаменитые европейские дворцы и замки, порты, рыночные площади и административные здания. Он посещал органные концерты и театральные постановки, музеи и античные памятники, городские праздники. Однако записки П. А. Толстого имеют описательный характер, его личные впечатления, мысли и чувства по поводу увиденного в явном виде не присутствуют на страницах его дневника.

В этой же группе московских стольников, отправленных в 1697 г. в Европу для изучения

морских наук, находился князь Б. И. Куракин. Впоследствии он описал свою образовательную поездку в Европу в автобиографии, которая была опубликована в 1890 г. российским историком и публицистом М. С. Семевским под названием «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная» [3, с. 241–287].

Б. И. Куракин происходил из старинного княжеского рода, был женат на Ксении Лопухиной – сестре первой супруги Петра I Евдокии. На момент поездки в Европу ему исполнился 21 год. В Италии Б. И. Куракин прожил полтора года, обучался в венецианской Морской академии и навигационной школе «Наутика» в городе Перасте (современная территория Черногории).

В своей автобиографии образовательной поездке в Европу Б. И. Куракин уделяет мало внимания. Коротко сообщает о посещении итальянских городов Бари, Неаполь и Рим. В Бари Б. И. Куракин посетил базилику Святого Николая, но ни описания самих городов и их достопримечательностей, ни впечатлений от посещения мощей Николая Чудотворца (Николай Мирликийский) в автобиографии нет [3, с. 255]. Подробно Б. И. Куракин останавливается только на предметах, которые он изучал в Морской академии и школе в Перасте, и о денежных затратах на поездку.

В 1708 г. в страны Западной Европы для освоения морских наук была отправлена очередная партия российских дворян [5, с. 20]. В этой группе навигаторов были двоюродные братья Петра I Александр и Иван Нарышкины. Во время поездки младший из братьев, Иван, вел подневные дневниковые записи. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся дневниковые записи начала XVIII в. с описанием заграничной поездки [1]. Российский исследователь русской литературы академик П. П. Пекарский, внимательно изучив данный документ, пришел к выводу, что дневник принадлежит Ивану Нарышкину, а его содержимое относится к заграничной образовательной поездке братьев [12, с. 154]. С его выводами была согласна советский историк, специалист по русским рукописям XVI–XVIII вв. Е. Н. Ошанина, опубликовавшая отрывки из этого дневника в журнале «Советский архив» [9, с. 107–108]. На сегодняшний день дневник Ивана Нарышкина полностью не опубликован.

Образовательная поездка братьев длилась с 1708 по 1721 г. [10, с. 106], что выходило за временные рамки стандартного обучения за границей большинства российских дворян. За время своего обучения Нарышкины посетили Лондон, Амстердам и Гаагу, испанский Кадис, французские города Париж, Брест, Лион, итальянские Рим, Неаполь, Турин, Пизу, Ливорно и Флоренцию. В одних городах братья были проездом и надолго не задерживались, а в других, в рамках своего обучения, проживали по несколько месяцев. Например, во французском Бресте Нарышкины провели полтора года [10, с. 106]. Е. Н. Ошанина в своей статье «Дневник русского путешественника» замечает, что такого длительного и обширного путешествия по Европе в тот период не совершил больше никто из петровских навигаторов [10, с. 107].

В начале заграничной поездки Ивану было восемь лет. Записи в сохранившемся дневнике датируются 1714–17 гг. Следовательно, на момент ведения дневника ему было 14–16 лет. Итальянский историк Мария ди Сальво в своей статье «Юный россиянин за границей: дневник И. Нарышкина» обращает внимание, что на момент поездки в Европу Иван Нарышкин был еще ребенком с неустоявшимися культурными привычками, поэтому знакомство с европейской культурой не вызывало отторжения и было естественным процессом [14, с. 27]. Сложно не согласиться с Марией ди Сальво, но стоит добавить, что и взросление Ивана Нарышкина происходило в странах Западной Европы. Это не могло не отложить отпечаток на его восприятие европейской культуры: она не была для него чуждой. Данное обстоятельство стоит учитывать, изучая его дневник.

Дневник состоит из кратких подневных записей. И. Л. Нарышкин не пишет о своих внутренних впечатлениях, а только перечисляет события и описывает увиденное им за день. Мария ди Сальво предполагает, что ведение дневника было чем-то вроде учебного задания, которое юный И. Л. Нарышкин должен был выполнять ежедневно: на это указывают стиль и содержание самих записей [14, с. 27]. Иван Нарышкин пишет о посещении соборов, музеев, театров, балов и светских приемов, описывает погоду, сообщает о визитерах. Дневник содержит подробные списки трат на проживание и проезд.

Следующий представитель российских дворян, оставивший воспоминания о своей образовательной поездке в Европу, – будущий оренбургский наместник И. И. Неплюев. Он входил в группу молодых дворян, выпускников Санкт-Петербургской Морской академии, направленных в 1716 г. в Европу для продолжения своего обучения [5, с. 131–132]. И. И. Не-

плюев был сыном бедного новгородского дворянина. На момент отправки за границу ему исполнилось 23 года. Он входил в группу выпускников Морской академии, отправленных в Италию. Основное место обучения и практики И. И. Неплюева была крепость Корфу на одноименном острове, принадлежавшем Венецианской республике, где он в качестве гардемарина принимал участие в турецко-венецианской войне 1714–18 гг. В Италии он пробыл три года, с 1717 по 1719 гг., после чего был направлен в Испанию в Королевскую Морскую академию, где проучился около года.

На сегодняшний день существует пять изданий воспоминаний И. И. Неплюева. Для написания данной статьи было использовано издание 1998 г. «Записки Ивана Ивановича Неплюева» [8].

В своих воспоминаниях И. И. Неплюев уделяет много внимания образовательной поездке за границу, но основной акцент делает на детальном описании российского и иностранных флотов, отдельных военных судов, маршрутов плавания, фортификационных сооружений, численности и составе военных сил. И. И. Неплюев упоминает о посещении таких городов, как Копенгаген, Амстердам, Гамбург, Берлин, Венеция, Флоренция, Ливорно, Тулон, Марсель. Подробно останавливается на двух инцидентах, случившихся во время пребывания группы российских дворян в Корфу: о побеге и пострижении в монахи Афонского монастыря князя М. А. Прозоровского и убийстве гардемарина В. Ф. Квашнина-Самарина. При этом И. И. Неплюев не пишет о своем отношении к данным событиям, а только констатирует факты.

Несмотря на то, что воспоминания были написаны через много лет после поездки, в них содержатся очень подробные данные о расходах И. И. Неплюева во время проживания в странах Западной Европы и полученных от государства через российских агентов денежных средств, обмундирования и провизии. Все это наводит на мысль, что во время своего обучения И. И. Неплюев вел записную книжку или дневник, которые в дальнейшем использовал при написании воспоминаний.

В этой же группе выпускников Морской академии, отправленных в 1716 г. за границу для обучения морским наукам, находился будущий адмирал С. И. Мордвинов. Он был единственным сыном небогатого новгородского помещика Ивана Тимофеевича, убитого в 1701 г. под Нарвой. На момент поездки за границу ему исполнилось 15 лет. Он был направлен для обучения во Францию в город Брест, где прожил шесть лет.

Незадолго до своей кончины С. И. Мордвинов решил написать воспоминания, которые позже были изданы историком военно-морского флота С. И. Елагиным под названием «Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою» (1868) [6] и российским историком и публицистом В. А. Бильбасовым под названием «Родословие фамилии адмирала Мордвинова» (1901) [7].

Воспоминания С. И. Мордвинова очень сухи по содержанию и скупы на подробности, в них перечисляются события без пояснений или каких-либо комментариев. Издатели С. И. Елагин и В. А. Бильбасов отмечали, что воспоминания С. И. Мордвинова содержат ряд неточностей, временами в них нарушена хронология событий, перепутаны имена и фамилии [6, с. 3]. По словам В. А. Бильбасова, С. И. Мордвинов не имел привычки хранить свои бумаги, поэтому, решив в конце жизни написать воспоминания, он был вынужден обращаться только к своей памяти [7, с. 9].

О событиях, связанных с заграничной поездкой, С. И. Мордвинов пишет очень коротко. Упоминает о посещении европейских городов Копенгаген и Хельсингёр, Амстердам, Травемюнде и Гамбург, Дувр и Сен-Мало, но не оставляет их описание. Никаких подробностей о своем обучении во Франции не сообщает. Единственное, на чем он заострил внимание в своем воспоминании, – финансовый вопрос. С. И. Мордвинов пишет, что выданного ему российским правительством жалования хватило только на полгода, а все остальное время он жил за свой счет. Подтверждение его слов можно найти в письмах, которые посылала во Францию мать С. И. Мордвинова, Авдотья Степановна, опубликованные российским историком П. А. Кротовым. В каждом письме Авдотья Степановна сокрушается, что ее сын живет впроголодь, и сообщает об очередном отправленном ею во Францию векселе [2, с. 107–117]. Никаких оценочных суждений о заграничной поездке в воспоминаниях С. И. Мордвинова нет.

Как можно заметить, авторы вышеописанных дневников и воспоминаний имели разное социальное и финансовое положение, а также сильно отличались по возрасту. Однако все рассмотренные источники имеют одну ярко выраженную особенность – это их описательный характер. Российские дворяне в своих дневниках и воспоминаниях перечисляют увиденное за время своей заграничной поездки с той или иной долей подробностей, но понять, какое это произвело

на них впечатление и как они оценивали свое пребывание за границей, очень сложно. Из-за сухости изложения в записках и воспоминаниях петровских навигаторов создается впечатление, что пребывание в Европе не произвело никакого впечатления и никак не повлияло на них.

Российский историк профессор К. В. Сивков, изучив воспоминания петровских навигаторов, пришел к выводу, что российские дворяне «проходили равнодушными мимо величайших памятников искусства», что они смотрели на мир «широко раскрытыми глазами, но горизонт их зрения был узок». Они мало интересовались бытом и политическими порядками европейских государств, которые посетили [15, с. 7–8]. Отчасти, по мнению К. В. Сивкова, такое равнодушие к другой культуре можно объяснить тем обстоятельством, что российские дворяне оказались в Европе не по своей воле. Настоящим мотивом поездки была не любознательность и стремление увидеть Европу, а желание угодить царю. «И если умом своим они понимали необходимость таких поездок, – пишет К. В. Сивков, – то все чувства их были против них», поэтому у российских дворян и не мог возникнуть интерес к европейской культуре в целом [15, с. 8–9]. Такое же мнение высказывают в своей статье Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников, отмечая, что внутреннее сопротивление и недовольство вынужденной поездкой за границу, а также природная нелюбознательность приводили к тому, что российские дворяне не стремились познавать европейскую культуру [9, с. 253].

Позволим себе не согласиться с высказываниями К. В. Сивкова, Л. А. Ольшевской и С. Н. Травникова. Необходимо учитывать, что на способ выражения личных суждений и чувств всегда накладывается отпечаток эпохи, в которой авторы жили и писали. Нельзя подходить с одинаковыми критериями к людям рубежа XVII–XVIII вв. и, например, к людям, жившим в конце XIX в. Российский исследователь О. В. Сосновцева в своей статье «Источники личного происхождения Петровской эпохи» замечает, что любой исторический источник написан в конкретный временной отрезок, в котором протекали конкретные исторические процессы. Это откладывает отпечаток на способ выражения информации в источнике, поэтому у каждой эпохи свой язык. Норма описывать в дневнике собственные переживания и чувства появилась только в эпоху правления Екатерины II, поэтому присутствие личных суждений авторов в источниках петровской эпохи минимально [16, с. 7]. Обратим внимание, что рассмотренные дневники и воспоминания не имели авторского названия: существующие заглавия были сделаны позже их издателями. Это свидетельствует о том, что для авторов рассмотренных источников личностное начало было неважно. На наш взгляд, отсутствие описания личных впечатлений и мыслей в дневниках и воспоминаниях петровских навигаторов не дает повод утверждать, что российские дворяне не интересовались европейской культурой и даже сторонились ее. Обратимся к источникам.

В дневнике И. Л. Нарышкина упоминаются имена и фамилии других российских дворян, отправленных вместе с братьями для обучения в Европу. Из содержания дневника видно, что они вместе с Нарышкиными посещали городские достопримечательности и музеи [10, с. 106]. Это означает, что не только двоюродные братья Петра I, но и дворяне более низкого социального статуса знакомы с европейской культурой. А часто повторяющиеся в дневнике фразы – «ходили мы смотреть», «пошли смотреть», «ездили мы смотреть некоторых курьезных вещей» – свидетельствуют о том, что группа молодых дворян намеренно посещала определенные места с целью ознакомления с архитектурой или внутренним содержанием церквей, дворцов, парков, музеев и картинных галерей. То есть описанное в дневнике И. Л. Нарышкина было не случайно увиденным во время его поездки по Европе, а специально запланированным для обозрения. После посещения обсерватории в Лионе И. Л. Нарышкин описал в своем дневнике все, что увидел там: макет солнечной системы, природные ископаемые, различные инструменты для химических и физических опытов. Свое описание залов обсерватории он завершил фразой: «Одним словом, будучи кто в Лионе надлежит сию камеру – Observatoir видеть» [2, кн. 2, л. 39; 10, с. 108]. Опираясь на эту фразу, можно предположить, что посещение обсерватории впечатлило юного дворянина. Обратим внимание, что И. Л. Нарышкин описал в своем дневнике не церковную реликвию или «диковинки и уродства в жизни природы», как писал в своей работе К. В. Сивков [15, с. 7], а естественно-научный музей.

Возвращаясь в Россию после завершения своего обучения, С. И. Мордвинов задержался в Голландии. Как он сам пишет в воспоминаниях: «ездил по некоторым знатным городам» [6, с. 23], то есть совершил ознакомительную поездку по стране. Если опираться на письма матери С. И. Мордвинова, он задержался в Голландии из-за отсутствия денег. С. И. Мордвинову пришлось сделать вынужденную остановку, так как он ждал вексель, который ему отправила

мать для оплаты долгов и дальнейшего проезда домой [2, с. 114–116]. Если память не изменила С. И. Мордвинову, и он действительно совершил небольшое путешествие по голландским городам, названия которых он не указал в воспоминании, то получается, что С. И. Мордвинов решил воспользоваться вынужденной задержкой для осмотра достопримечательностей и более близкого знакомства с культурой другой страны. Такое поведение говорит об интересе и желании увидеть что-то новое.

Стоит учитывать, что цель поездки в Европу была узкой – приобрести знания и навыки в области морской науки. Неслучайно Б. И. Куракин в своей автобиографии подробно перечислил предметы, которые он изучил в период своего пребывания за границей. В рассмотренных дневниках и воспоминаниях навигаторы обязательно прилагают копии полученных за границей дипломов и аттестатов. Это показывает, как серьезно они относились к своему обучению.

Российские дворяне тратили свои усилия на приобретение специализированных знаний. Для практического закрепления полученных знаний значительную часть времени они проводили в плавании на кораблях, поэтому на путешествия и наблюдения за европейской жизнью у них не было времени. Именно по этой причине С. И. Мордвинов путешествовал по голландским городам уже после завершения своего образования. Из воспоминаний И. И. Неплюева видно, что путешествие по итальянским и французским городам он совершил во время своего переезда на новое место обучения из Италии в Испанию. В период прохождения практики на острове Корфу и обучения в Морской академии в Кадисе И. И. Неплюев не имел возможность путешествовать по другим городам.

Оценивая стремление петровских навигаторов к знакомству и приобщению к европейской культуре, стоит учитывать тот факт, что российские дворяне, отправленные в Европу, часто были из числа обедневших дворянских родов и отправлялись за границу за счет государства. Из-за неотработанного механизма передачи денежных средств деньги на их проживание поступали нерегулярно и не в достаточном количестве. По этой причине в дневниках и воспоминаниях петровских навигаторов финансовому вопросу уделялось особое внимание. Можно предположить, что российские дворяне, ограниченные в денежных средствах, не могли себе позволить путешествовать по городам, посещать музеи и театры.

Что касается путевых записок П. А. Толстого, то более подробного описания европейской жизни трудно представить. Заметим, что это написал уже немолодой человек, воспитанный в старомосковских традициях. Несмотря на описательный характер путевых заметок П. А. Толстого, личное впечатление автора к тому или иному явлению европейской жизни можно проследить. Например, его высказывание о представителях других наций: «Народ женский в Венецы зело благообразен, и строен, и политичен, ... а к ручному делу не очень охоч, болши заживают в прохладах» [17, с. 53]; «Построена на том источнике (термальный источник у г. Падуа. – М. Н.) мельница каменная, которая мелет всякой хлеб. Смотри разума тех обитателей италиянских: и тое воды, которую на всем свете за диво ставят, даром не потеряли, ища себе во всем прибыли» [17, с. 70]. Здесь явно прослеживается личная оценка автора, и таких небольших замечаний в дневнике П. А. Толстого много.

О. В. Сосновцева в статье «Источники личного происхождения Петровской эпохи» пишет, что русские люди фиксировали в своих путевых записках только то из увиденного, что можно было бы заимствовать и использовать в России [16, с. 7]. Рассуждение П. А. Толстого относительно водяной мельницы в городе Падуа подтверждает данное высказывание: П. А. Толстой предлагает обратить внимание на предприимчивость итальянцев.

Опираясь на записи П. А. Толстого, можно сделать вывод, что он специально ездил осматривать достопримечательности разных городов. П. А. Толстой заранее планировал поездки, что свидетельствует о желании увидеть больше, чем можно было бы во время простого проезда к месту назначения.

Приведенные выше примеры из дневников и воспоминаний петровских навигаторов, на наш взгляд, противоречат часто встречающемуся в российской историографии суждению, что российские дворяне были нелюбопытны и невнимательны к европейской культуре. В подтверждение своих слов приведем высказывание советского литературоведа Н. И. Прокофьева, который не разделял мнение о равнодушии российских дворян к европейской культуре: «Новое в записках петровского времени заключалось в необычайно широком охвате явлений иноземной жизни. Это нельзя объяснить растерянностью сочинителей или их неумением отделить существенное от пустяков. Русских путешественников интересовало буквально все, что они встречали на своем пути» [13, с. 134]. Данное высказывание можно отнести и к петровским навигаторам, ставшим путешественниками поневоле.

Несмотря на интерес к европейской культуре, петровские навигаторы не теряли связь с родиной. Они имели возможность посещать православную церковь. В Европе это были соборы Греческой православной церкви. Переписывались с родными, получая письма через российских агентов, в обязанности которых входило следить за навигаторами. Из воспоминаний И. И. Неплюева видно, что дворяне читали местную прессу и старались следить за новостями, касающимися Российского государства. Например, в своих воспоминаниях И. И. Неплюев особо отметил прочитанное российскими дворянами сообщение итальянской газеты о передвижениях по Италии царевича Алексея Петровича [8, с. 393].

Обращает на себя внимание тот факт, что российские дворяне предпочитали общаться за границей с людьми, близкими по вере, чаще всего это были этнические греки. Например, Б. И. Куракин в своей автобиографии пишет, что по приезде в Венецию он сильно заболел и лечился у доктора грека по национальности, проживающего в Италии [3, с. 255]. И. И. Неплюев вспоминает, что, приехав в Корфу, он взял в долг деньги у грека Арсения Квартана [8, с. 391]. Итальянский историк Мария ди Сальво, опираясь на записи дневника Ивана Нарышкина, отмечает, что братья тесно общались с членами семьи Коттони, греками по национальности, получившими дворянство Венецианской республики, и российским консулом в Венеции греком Деметрио Боцисом [14, с. 26]. Это не означает, что российские дворяне не имели никаких контактов с представителями других наций: проживая в другой стране, это было невозможно. При этом прослеживается стремление навигаторов иметь деловые и дружественные контакты с единоверцами.

Опираясь на дневники, путевые заметки и воспоминания российских дворян, обучавшихся в Европе, сложно определить, какое впечатление произвела на них европейская культура. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников в своей статье пишут, что после поездки в Европу П. А. Толстой часто ссылался на опыт своего путешествия и «хвалил Италию», за что неоднократно подвергался наказанию – пил штрафной кубок [9, с. 269]. В 1717 г., возвращаясь из-за границы с царевичем Алексеем Петровичем, П. А. Толстой писал вице-канцлеру П. П. Шафирову: «А когда благоволит Бог мне быть в С.-Петербурке, уже безопасно буду хвалить Италию и штрафу за то пить не буду» [19, с. 409]. Как видно из высказывания самого П. А. Толстого, итальянская культура была оценена им высоко.

Другие навигаторы были более сдержаны. Б. И. Куракин в своей автобиографии написал о важной пользе, извлеченной из его образовательной поездки – освоение итальянского языка [3, с. 255]. Для него пребывание в Европе имело практическое значение – получение образования, которое впоследствии он сможет применить на государственной службе в России. По этой причине Б. И. Куракин подробно перечислил в своей автобиографии изученные им за границей учебные дисциплины. Через несколько лет, в 1708 г., когда Б. И. Куракин жил в Европе в качестве российского дипломата, он писал из Гамбурга к стольнику А. Ф. Лопухину: «Ей, не рад житью здесь и с радостью готов возвратиться в патрию (родина, отечество. – М. Н.)» [4, с. 233]. Как можно увидеть, жизнь на чужбине для Б. И. Куракина не являлась преимуществом, и он стремился вернуться на родину.

Описывая свое пребывание в Морской академии в испанском городе Кадис, И. И. Неплюев вспоминает, что группа навигаторов была недовольна своим положением в академии, так как жалования на питание им не хватало, испанского языка никто не знал, и по этой причине обучение в академии было для них бесполезным, а «шпажное и танцевальное учение», которое им преподавали, по мнению молодых дворян, никакой пользы отечеству принести не могло. Российские дворяне неоднократно писали в Санкт-Петербург письма к разным должностным лицам с просьбой разрешить им вернуться в свое отечество и служить его величеству [8, с. 409]. Как можно заметить, для Б. И. Куракина, И. И. Неплюева и его товарищей Европа была источником знаний, которые они в дальнейшем смогут применить на службе своему отечеству.

Опираясь на рассмотренные выше дневники и воспоминания петровских навигаторов, можно сделать вывод, что, несмотря на вынужденный для большинства российских дворян характер образовательной поездки в Европу, западноевропейская жизнь вызвала у них живой интерес. Посвящая основное время пребывания за границей учебе и практике, российские дворяне не упускали возможности посетить европейские города и достопримечательности, поближе познакомиться с европейской архитектурой и искусством, что не согласуется с суждением ряда российских историков о том, что российские дворяне обладали природной любопытностью и сторонились западноевропейской культуры.

Отсутствие в дневниках и воспоминаниях навигаторов личных суждений относительно своего пребывания за границей является не показателем безразличного отношения российских дворян к европейской культуре, а отражает языковую норму письменного выражения информации в петровскую эпоху.

В рассматриваемых в статье дневниках и воспоминаниях петровских навигаторов не прослеживается превознесение русской культуры или преклонение перед западной культурой. Отдавая должное западноевропейским достижениям, российские дворяне видели в Европе источник специализированных и научных знаний, которые в дальнейшем они смогут применить на службе своему отечеству.

Список литературы

1. Дневник путешествия по Европе Ивана и Александра Львовичей Нарышкиных // РГБ. Ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева). № 517. Кн. 1-3.
2. Кротов П. А. Русская дворянка петровской эпохи: письма Авдотьи Мордвиновой сыну гардемарину во Францию (1717-1722) // Меншиковские чтения, 2010 : научный альманах, XVIII век. 2010. Вып. 1 (8). С. 103-117.
3. Куракин Б. И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. С. 241-287.
4. Куракин Б. И. Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина. 1705-1708 // Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. С. 101-240.
5. Материалы для истории русского флота. Ч. III. Балтийский флот. 1702-1725. СПб. : Тип. Морского мин-ва, 1866. 726 с.
6. Мордвинов С. И. Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою. СПб. : Тип. Морского мин-ва, 1868. 78 с.
7. Мордвинов С. И. Родословие фамилии адмирала Мордвинова // Архив графов Мордвиновых. Т. 2 / предисл. и примеч. В. А. Бильбасова. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1901. С. 8-55.
8. Неплюев И. И. Записки // Империя после Петра. 1725-1765. М. : Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385-448.
9. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697-1699. М. : Наука, 1992. С. 251-291.
10. Ошанина Е. Н. Дневник русского путешественника // Советский архив. 1975. № 1. С. 105-108.
11. Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н. Соратники Петра. М. : Молодая гвардия, 2001. 492 с. (ЖЗЛ).
12. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб. : Тип. товарищества Общественная польза, 1862. 596 с.
13. Прокофьев Н. И. О традициях и новаторстве путевых записок Петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Л. : Наука, 1974. С. 129-138.
14. Сальво ди М. Юный россиянин за границей: дневник И. Нарышкина / пер. С. И. Николаева // XVIII век. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896-1969). Сб. 21. СПб. : Наука, 1999. С. 22-32.
15. Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII в. СПб. : Энергия, 1914. 134 с.
16. Сосновцева О. В. Источники личного происхождения Петровской эпохи // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2007. Вып. 1. С. 3-10.
17. Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697-1699 / подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М. : Наука, 1992. 382 с.
18. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и азовские походы. СПб., 1858. 582 с.
19. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. 628 с.

Peter's navigators in Western Europe: description of an educational trip in the diaries and memoirs of Russian nobles

M. M. Nizhinskaya

postgraduate student of the University-wide Department of General and Russian History of the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. Russia, Moscow. E-mail: Nijinka@mail.ru

Abstract. The article is devoted to educational trips of Russian nobles to the countries of Western Europe during the reign of Peter I. In order to implement Peter's reforms, which affected all spheres of public life of the Russian state, a large number of specialists in various fields of knowledge were required. One of the solutions to the personnel shortage was sending Russian citizens to Western European countries to obtain the necessary knowledge and skills.

The Russian government sent representatives of different classes abroad to study. Within the framework of this article, attention is paid to Russian noblemen who received education in the field of naval art in Europe. In official and private documents of the Petrine era, nobles sent to Europe to study marine sciences were called "navigators". Based on the preserved travel notes, diaries and memoirs of Peter's navigators, the article examines how Russian nobles assessed their stay abroad, what impression Western Europe made on them, what aroused their interest, what they remembered from what they saw, which European cities they visited and with whom they preferred to communicate. Attention is paid to the financial difficulties faced by the nobles. The absence of personal judgments in the historical sources used and their descriptive nature are noted. The summary says that, despite the forced nature of an educational trip to Europe for most Russian nobles, Western European life aroused their keen interest, the desire to see more cities, get acquainted with European architecture and art. The main purpose of their trip was considered by the Russian nobles to obtain specialized knowledge that could later be applied in the service of the fatherland.

Keywords: European culture, study abroad, Peter the Great era, travel around Europe.

References

1. *Dnevnik puteshestviya po Evrope Ivana i Aleksandra L'vovichej Naryshkinyh* – Diary of a journey through Europe by Ivan and Alexander Lvovich Naryshkin // RGB. F. 256 (collected by N. P. Rummyantsev). No. 517. Books 1–3.
2. *Krotov P. A. Russkaya dvoryanka petrovskoj epohi: pis'ma Avdot'i Mordvinovoj synu gardemarinu vo Franciyu (1717–1722)* [The Russian noblewoman of the Petrine era: letters of Avdotya Mordvinova to the son of a midshipman in France (1717–1722)] // *Menshikovskie chteniya, 2010 : nauchnyj al'manah, XVIII vek* – Menshikov readings, 2010 : scientific almanac, XVIII century. 2010. Is. 1 (8). Pp. 103–117.
3. *Kurakin B. I. Zhizn' knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina, im samim opisannaya* [The life of Prince Boris Ivanovich Kurakin, described by himself] // *Arhiv knyazya F. A. Kurakina* – Archive of Prince F. A. Kurakin. Book 1. SPb. V. S. Balashev Typography. 1890. Pp. 241–287.
4. *Kurakin B. I. Dnevnik i putevye zametki knyazya B. I. Kurakina. 1705–1708* [Diary and travel notes of Prince B. I. Kurakin. 1705–1708] // *Arhiv knyazya F. A. Kurakina* – Archive of Prince F. A. Kurakin. Book 1. SPb. V. S. Balashev Typography. 1890. Pp. 101–240.
5. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Ch. III. Baltijskij flot. 1702–1725* – Materials for the history of the Russian Fleet. Part III. The Baltic Fleet. 1702–1725. SPb. Typ. of Marine ministry. 1866. 726 p.
6. *Mordvinov S. I. Zapiski admirala Semena Ivanovicha Mordvinova, pisannye sobstvennoyu ego rukoyu* [Notes of Admiral Semyon Ivanovich Mordvinov, written by his own hand]. SPb. Typ. of Marine ministry. 1868. 78 p.
7. *Mordvinov S. I. Rodoslovie familii admirala Mordvinova* [Genealogy of the surname of Admiral Mordvinov] // *Arhiv grafov Mordvinovyh. T. 2* – Archive of Counts Mordvinov. Vol. 2 / preface and note by V. A. Bilbasov. SPb. I. N. Skorokhodov's Printing house. 1901. Pp. 8–55.
8. *Neplyuev I. I. Zapiski* [Notes] // *Imperiya posle Petra. 1725–1765* – Empire after Peter. 1725–1765. M. Sergey Dubov Foundation. 1998. Pp. 385–448.
9. *Ol'shevskaya L. A., Travnikov S. N. "Umnejshaya golova v Rossii..."* ["The smartest head in Russia ..."] // *Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope: 1697–1699* – Associate P. A. Tolstoy's journey through Europe: 1697–1699. M. Nauka (Science). 1992. Pp. 251–291.
10. *Oshanina E. N. Dnevnik russkogo puteshestvennika* [Diary of a Russian traveler] // *Sovetskij arhiv* – Soviet Archive. 1975. No. 1. Pp. 105–108.
11. *Pavlenko N. I., Drozdova O. Yu., Kolkina I. N. Soratniki Petra* [Peter's associates]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2001. 492 p. (ZhZL).
12. *Pekarskij P. P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. T. I. Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii XVIII stoletiya* [Science and literature in Russia under Peter the Great. T. I. Introduction to the history of enlightenment in Russia of the XVIII century]. SPb. Typ. of comradeship "Obshestvennaya pol'za" (Public benefit). 1862. 596 p.
13. *Prokofev N. I. O traditsiyah i novatorstve putevyh zapisok Petrovskogo vremeni* [On the traditions and innovation of travel notes of Peter's time] // *XVIII vek* – XVIII century. Sat. 9. L. Nauka (Science). 1974. Pp. 129–138.
14. *Sal'vo di M. Yunyj rossiyan za granicej: dnevnik I. Naryshkina* [Young Russians abroad: I. Naryshkin's diary] / transl. by S. I. Nikolaev // *XVIII vek. Pamyati Pavla Naumovicha Berkova (1896–1969)* – XVIII century. In memory of Pavel Naumovich Berkov (1896–1969). Coll. 21. SPb. Nauka (Science). 1999. Pp. 22–32.
15. *Sivkov K. V. Puteshestviya russkih lyudej za granicu v XVIII v.* [Travels of Russian people abroad in the XVIII century]. SPb. Energy. 1914. 134 p.
16. *Sosnovceva O. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya Petrovskoj epohi* [Sources of personal origin of the Petrine epoch] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. Series: History. International relations. 2007. Is. 1. Pp. 3–10.
17. *Tolstoj P. A. Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope. 1697–1699* [Tolstoy's journey through Europe. 1697–1699] / prep. by L. A. Ol'shevskaya, S. N. Travnikov. M. Nauka (Science). 1992. 382 p.
18. *Ustryalov N. G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. T. 2. Poteshnye i azovskie pohody* [The history of the reign of Peter the Great. Vol. 2. Funny and Azov campaigns]. SPb. 1858. 582 p.
19. *Ustryalov N. G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. T. 6. Carevich Aleksej Petrovich* [History of the reign of Peter the Great. Vol. 6. Tsarevich Alexei Petrovich]. SPb. 1859. 628 p.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327.8 "1940/1970"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.026

Внешиполитические подходы СССР и США в отношении локальных конфликтов в странах Третьего мира во второй половине 1940-х – 1970-е гг. (с учетом фактора еврокоммунизма)*

М. В. Бакшаев

младший научный сотрудник, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: randvmax@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены внешнеполитические позиции Москвы и Вашингтона в контексте национально-освободительных движений в странах Третьего мира во второй половине 1940-х – 1970-е гг. с учетом дипломатических мероприятий западноевропейского сегмента международного коммунистического движения, в частности, Итальянской компартии (ИКП) – в отношении конфликтующих сторон. Посредничество еврокоммунистов в Третьем мире меняло привычную панораму соперничества супердержав в периферийных регионах и вносило новые черты в Холодную войну. Дипломатические усилия ИКП в Третьем мире ставили Москву в неудобное положение на фоне возраставших противоречий между КПСС и ИКП, в том числе и потому, что СССР переставал там восприниматься как единоличное воплощение социалистической идеи. В Вашингтоне оценивали данные трансформации и соотносили их с собственными тактическими и стратегическими наработками. Исследование основано на документах Государственного департамента и Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, а также неопубликованных рассекреченных документах МИД СССР из Архива внешней политики (АВП) РФ. Обосновываются выводы о том, что Третий мир стал полигоном непрямого противостояния сверхдержав, что способствовало интернационализации вспыхивавших там локальных конфликтов. ИКП являлась «третьей силой», которая осуществляла в странах Третьего мира «квазиправительственную» активность, но не имела действенных рычагов влияния на международную политику. США отслеживали активность итальянских коммунистов в Третьем мире на фоне усугублявшихся трений между ИКП и КПСС, но сдержанно реагировали на эти процессы, предпочитая ограничиваться наблюдением за деятельностью еврокоммунистов в Третьем мире.

Ключевые слова: СССР, США, интернационализация локальных конфликтов, еврокоммунизм, Третий мир.

Период, наступивший после завершения Второй мировой войны, ознаменовался масштабными политическими и экономическими преобразованиями всей системы международных отношений. С конца 1940-х гг. в азиатских, а с начала 1950-х – в африканских колониях развернулась вооруженная борьба за национальное освобождение, которая приводила к продолжительным локальным конфликтам. Эти внутренние столкновения (сначала, как правило, сторонников метрополии и сторонников независимости) происходили на фоне Холодной войны и американо-советского противоборства. СССР и США являлись центрами притяжения не только для своих союзников, но и для остального мира с точки зрения экономики (как центры социально-экономических систем), военного потенциала (как лидеры взаимосдерживающих друг друга и обеспечивающих мировой баланс сил военно-политических блоков) и идеологического влияния.

Присутствие еврокоммунистов в Третьем мире заметно меняло привычный контекст соперничества сверхдержав на периферии и вносило дополнительный колорит в Холодную войну. В этой связи возникает вопрос: как США оценивали складывающуюся конфигурацию и соотносили ее с собственными тактическими и стратегическими соображениями?

© Бакшаев М. В., 2022

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179.

В историографии проблема вмешательства СССР и США в локальные конфликты в странах Третьего мира в 1940-е – 1970-е гг. изучается довольно плодотворно. Разным аспектам этой проблемы посвящено исследование О. А. Вестада «Глобальная Холодная война. Вмешательство в страны Третьего мира и становление нашей эпохи» [27]. Политика Советского Союза (и частично Соединенных Штатов) в странах Азии и Африки после Второй мировой войны была разобрана в работе А. М. Хазанова и Х. Гомаа, в которой одной из причин локальных конфликтов в Третьем мире называется соперничество сверхдержав [10]. Факторы, повлиявшие на принятие и реализацию Москвой и Вашингтоном решений в ближне- и средневосточных странах Третьего мира в течение и после Второй мировой войны, рассмотрены в работах Т. А. Воробьевой, А. И. Сенникова, И. В. Смольняка, А. В. Чучкалова, В. Т. Юнгблюда [4; 5; 7; 8; 12; 13].

Вопрос международных связей ИКП со странами Третьего мира в контексте противостояния сверхдержав рассматривается также в работах Е. Каландри. Из исследования Е. Каландри следует, что благодаря наличию «красного пояса» – регионов Италии, которыми управляли коммунисты, – ИКП могла принимать иностранные делегации, предлагать медицинскую помощь активистам национально-освободительных движений, помогать им в обучении гражданских кадров, организовывать конференции солидарности с антиимпериалистическими движениями Мозамбика, Анголы и Гвинеи-Бисау [14, р. 373]. Тем не менее в русле предложенной проблемы вопрос о подходах СССР и США в отношении стран Третьего мира с учетом фактора еврокоммунизма должным образом ранее не освещался ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Подход Соединенных Штатов к странам Третьего мира. Термин «Третий мир» впервые появился в статье французского социолога и демографа А. Сови, опубликованной 14 августа 1952 г. в газете *L'Observateur*, и являлся, по замечанию французского философа Р. Дебре, «фантастической проекцией «третьего сословия» дореволюционной Франции на современный мир» [16, р. 34]. Концепция «Третьего мира» получила широкую известность после первой Конференции африканских и азиатских стран в Бандунге (1955 г.), на которой оформилось Движение неприсоединения, основанное на принципе неучастия в военных блоках. Как отмечал О. А. Вестада, термин «Третий мир» подразумевал «порабощенное и угнетенное колониализмом глобальное большинство» и предполагал «отказ подчиняться сверхдержавам и их идеологиям, ... «третий путь» ... для только что освобожденных государств» [27, р. 2].

Обретение Индией независимости (1947 г.), победа Китайской революции (1949 г.), провозглашение независимости Индонезии в том же году, победы Вьетнама в войне против Франции при Дьенбьенфу (1954 г.), Суэцкий кризис 1956 г., в ходе которого усилия Великобритании и Франции потерпели провал, – все эти важные события указывали на то, что существовавшая прежде колониальная эпоха уходит в прошлое. Гана (в 1957 г.) и Гвинея (в 1958 г.) стали первыми африканскими государствами, получившими независимость, за которыми последовал «парад суверенитетов» на Африканском континенте, стартовавший в начале 1960-х гг. После продолжительной и кровопролитной гражданской войны в 1962 г. независимость объявил Алжир, который в 1830–1962 гг. был провинцией Франции. Революция на Кубе (1953–1959 гг.), война во Вьетнаме (1955–1975 гг.) и культурная революция в Китае (1966–1976 гг.) повлияли на мировоззрение и сознание партий и левых течений по всему миру. В течение всех 1960-х гг. и до конца 1970-х гг. этот импульс поддерживался движением «новых левых» в Западной Европе и США.

Американская политика по отношению к странам Третьего мира начала обретать свои контуры сразу после окончания Второй мировой войны. Во многом она была нацелена на «сдерживание коммунизма» и частично опиралась на европейский опыт экономического восстановления и обеспечения безопасности путем создания военно-политических блоков [27, р. 24]. В результате «реструктуризации Японии» и выполнения Плана Маршалла в западноевропейских странах был выработан соответствующий инструментарий, применявшийся впоследствии Вашингтоном в странах Третьего мира: политическая и культурная индоктринация местных элит, получение доступа к местным рынкам сбыта, экономическая, военная помощь и обучение военнослужащих.

Использовался также опыт политики США на латиноамериканском направлении.

После Второй мировой войны во многих странах Латинской Америки – региона, традиционно рассматривавшегося Вашингтоном как сфера своих интересов, – сложилась обстановка, благоприятствовавшая росту демократических и левых настроений. В 1942–1946 гг. дипломатические отношения с СССР установило большинство стран Латинской Америки. В эти

годы, помимо свержения диктатур в Сальвадоре, Гватемале и Эквадоре, а также восстановления демократических свобод в Бразилии и Аргентине, усилились позиции коммунистических партий и союзных им антиимпериалистических сил. К 1947 г. коммунисты присутствовали в парламентах 12 латиноамериканских республик, а также входили в состав правительств Чили, Кубы и Эквадора, сотрудничали с правительством Коста-Рики [9, с. 45]. Такая ситуация возбуждала опасения среди американской внешнеполитической элиты и заставляла принимать меры по купированию коммунизации Латинской Америки.

Администрация Г. Трумэна (1945–1953 гг.) стремилась ликвидировать угрозу со стороны «международного коммунизма» во главе с СССР. В сентябре 1947 г. США и 20 латиноамериканских республик подписали Межамериканский договор о взаимопомощи (договор Рио-де-Жанейро), который оформил оборонительный военно-политический блок, направленный на предотвращение коммунистической угрозы. В апреле – июне 1948 г. завершилось создание Организации американских государств – политического союза участников договора Рио-де-Жанейро. Эти действия создавали благоприятные условия для перехода к наступлению правых сил на территории всего континента. Чилийские коммунисты в апреле 1947 г. были удалены из правительства и затем подверглись репрессиям. Преследования в отношении членов левых партий и активистов рабочего движения развернулись по всей Латинской Америке. С конца 1940-х – начала 1950-х гг. в результате военных переворотов происходит установление диктаторских режимов в Перу, Венесуэле, Панаме, Боливии, на Кубе. Ответом со стороны левых сил на военные перевороты становятся продолжительные партизанские войны, которые охватят континент в 1950–1970-е гг.

Однако военно-политический ответ на вызов международного коммунизма был явно недостаточным, что отчетливо осознавалось сотрудниками Госдепартамента (например, Б. Харди). В результате появилась первая программа технической помощи развивающимся странам «Пункт-4». Выступая с инаугурационной речью в январе 1949 г., Трумэн заявил о четырех направлениях своей внешней политики: во-первых, поддержка ООН; во-вторых, восстановление Европы при помощи «плана Маршалла»; в-третьих, строительство системы безопасности Запада – НАТО. Четвертый пункт звучал так: преодоление отсталости в слаборазвитых регионах с помощью американской государственной технической помощи и частных инвестиций. И хотя Трумэн говорил о глубинных американских традициях миссионерства и распространения «животворящей силы демократии», на самом деле о благотворительности речь не шла, что рельефно подчеркивали слова о сугубо коммерческих для США выгодах «от конструктивной программы более эффективного использования мировых людских и природных ресурсов» [26].

Объявив новое направление внешнеполитической активности (слаборазвитые страны), Трумэн определил его цель (экономическое развитие) и объяснил, почему это направление необходимо (интересы безопасности и экономические выгоды). Затем предлагалась методика (программа помощи), инструменты (техническое сопровождение программ и частные инвестиции) и ресурсная поддержка («самопомощь», а также международные, частные и религиозные организации, фонды и т. п.) [11, с. 71]. Техническая помощь становилась важным и эффективным рычагом воздействия США в борьбе против влияния международного коммунизма в слаборазвитых странах.

В период президентства Д. Эйзенхауэра (1953–1961 гг.) политика США в отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки включала использование тайных операций Центрального разведывательного управления (ЦРУ) при сотрудничестве с местными элитами. Эта политика приносила определенные результаты, как показало свержение умеренных левых правительств М. Моссадыка в Иране (1953 г.) и Х. Арбенса в Гватемале (1954 г.). Техническая помощь, оказываемая США странам Азии и Латинской Америки, была в основном военной и направлялась как на предотвращение прихода к власти левых правительств, так и на помощь местным элитам для «борьбы с коммунизмом». Демократы, периодически получая перевес в конгрессе, пытались законодательно отделить техническую помощь от экономической и военной, и это им удалось сделать в 1956 г. Этот локальный успех демократов, как справедливо заметил российский исследователь С. Ю. Шенин, не имел заметного влияния на общий курс, проводимый администрацией в отношении политики помощи слаборазвитым странам [11, с. 343].

Процессы деколонизации, развернувшиеся в полную силу в 1960-е гг., приветствовались в США, однако возникла серьезная угроза того, что новые элиты в недавно провозгласивших независимость странах могут начать социалистические преобразования. С середины

1950-х гг. США развернули обширные программы помощи государствам Третьего мира. В основе этих программ лежал опыт послевоенной Японии и Западной Европы: помощь была связана с согласием получателя открыть рынок страны для иностранных товаров и разрешением на вывоз капитала, с экономическими и институциональными реформами, а также исключением коммунистов и радикальных левых партий из правительства. После свержения на Кубе проамериканского режима Ф. Батисты 1 января 1959 г. в результате продолжительной партизанской войны «Движения 26 июля» во главе с Ф. Кастро и дальнейшего сближения революционной власти с Советским Союзом американская администрация осознала всю степень опасности сложившейся ситуации для своих интересов в странах Латинской Америки.

16 февраля 1959 г. Совет национальной безопасности (СНБ) подготовил директиву 5902/1 «О политике США в отношении Латинской Америки». Этот документ представлял собой образец долгосрочной стратегии, в котором содержался ряд тезисов, которые являлись универсальными для политики в отношении других периферийных регионов мира. Долгосрочной целью США в Латинской Америке провозглашалось сохранение господства в Западном полушарии и подрыв усилий международного коммунизма, направленных на исключение Латинской Америки из сферы влияния США. Ставились задачи: 1) увеличить приток инвестиций США и других союзных стран в Латинскую Америку, расширить торговлю между ними и странами континента; 2) укрепить демократические институты в странах Латинской Америки, «совместимые, хотя и не обязательно идентичные», с институтами США; 3) максимально ограничить влияние коммунистических сил и советско-китайского блока, пропагандировать антикоммунизм; 4) поддерживать предложения латиноамериканских стран по защите полушария под руководством США; 5) обеспечить доступ к ресурсам, необходимым для безопасности США, расположенным на территории Латинской Америки [17, р. 93, 116].

В директиве перечислялись конкретные методы и процедуры, рекомендуемые лояльным правящим группам для пресечения антиамериканской подрывной деятельности со стороны компартий и советско-китайского блока: 1) принятие законов об ограничении коммунистической деятельности; 2) запрет на ввоз, тиражирование и распространение коммунистических и советских информационно-пропагандистских материалов; 3) ограничение въезда коммунистов в латиноамериканские страны, «если их целью является пропаганда коммунизма и достижений социалистических стран»; 4) ограничение поездок латиноамериканских граждан в страны советско-китайского блока и на международные собрания компартий; 5) предотвращение открытия новых дипломатических и консульских учреждений, ограничение численности дипломатического персонала в странах советского блока; 6) предотвращение торговли стратегическими материалами со странами китайско-советского блока; 7) отказ от помощи специалистов и техников из стран соцлагеря [17, р. 97]. Установление тесных связей государства Латинской Америки с советским блоком должно было повлечь за собой санкции – от приостановки экономического и финансового сотрудничества до военных действий. Предполагалось укрепление сотрудничества между армией США и вооруженными силами стран Латинской Америки, чтобы укоренить проамериканские настроения среди латиноамериканских военных. В связи с этим рекомендовалось не только обучать их в учебных центрах вооруженных сил США, но и предпринимать действия (вплоть до военных) «для обеспечения постоянной доступности баз в Латинской Америке, которые считаются жизненно важными для безопасности Соединенных Штатов» [17, р. 103].

Директива СНБ предполагала различные подходы к общественным группам, которые могут оказать влияние на общественное мнение. С одной стороны, предполагалось активизировать контакты с политическими и профсоюзными деятелями, военными, журналистами, радиокомментаторами, преподавателями. Для ограничения и противодействия влиянию коммунистов СНБ рекомендовал использовать возможности умеренных антикоммунистических левых и/или националистических движений, а также профсоюзных центров. Авторы директивы также советовали устанавливать контакты с оппозиционными силами при условии, если эта мера не будет препятствовать достижению целей США через признанное правительство; если эти связи не будут ассоциировать США с усилиями по свержению признанных правительств неконституционными средствами; если эти контакты не создадут впечатление, что США одобряют установление правых или левых авторитарных режимов. Подобные рекомендации сопровождались показательной оговоркой: «Эти ограничения не обязательно должны применяться к стране, в которой разумно ожидать, что правительство будет действовать в интересах коммунизма» [17, р. 98].

Особое внимание в директиве уделялось культурно-образовательной деятельности и отношениям с профсоюзными организациями. Предлагалось вести пропаганду американских целей среди латиноамериканских преподавателей, студентов и интеллектуалов при помощи таких средств, как программы обмена, культурных, спортивных и информационных мероприятий, специально предназначенных для повышения авторитета США среди преподавателей, студентов и интеллектуалов, поощрение деятельности частных культурно-образовательных организаций США в странах Латинской Америки. Рекомендовалось поддерживать некоммунистические профсоюзные центры, готовить лидеров антикоммунистических профсоюзов в США, противодействовать проникновению коммунистов в профсоюзные организации и обучать профсоюзных деятелей методам организации «свободных профсоюзов» [17, р. 98].

СНБ рассматривал в качестве основных источников для развития Латинской Америки частный капитал и фонды международных кредитных учреждений. США решали исход рассмотрения заявок латиноамериканских стран на получение кредитов в эти учреждения в соответствии с собственной кредитной политикой, одобряли выдачу кредитов на осуществление желаемых экономических реформ, участвовали в формировании институтов, которые разрабатывали планы развития латиноамериканских государств, предоставляли займы для достижения экономической и политической стабильности, необходимой для интересов США.

Для управления внешнеэкономическими и гуманитарными программами в 1961 г. администрацией Д. Кеннеди (1961–1963 гг.) было создано Агентство США по международному развитию (The United States Agency for International Development, USAID), объектом деятельности которого потенциально являлись все развивающиеся страны мира. Такие организации, как Корпус мира (добровольческая структура, ориентированная на работу в развивающихся странах) и Союз ради прогресса (десятилетняя программа, направленная на проведение индустриализации, аграрной и налоговой реформ, развитие образования, улучшение здравоохранения, обеспечение жильем и демократизацию институциональной сферы в странах Латинской Америки), начатые в 1961 г., также были предназначены для предотвращения усиления советского влияния в Третьем мире. Деятельность этих структур должна была ускорить ход модернизации развивающихся стран, что привело бы в будущем к достижению такой стадии развития, когда «[«коммунизм»] уже не будет иметь притягательной силы» [25, р. 263]. Помощь давалась в первую очередь странам, наиболее лояльным к США. Взамен от участников программы «Союз ради прогресса» требовали совместных усилий по противодействию революционным движениям в Латинской Америке. Нередко в качестве условий для получения финансовой помощи выдвигалось ее расходование на закупку товаров в США и предоставление преференций американскому капиталу [9, с. 45].

В некоторых регионах Третьего мира, где коммунисты или левые силы предпринимали попытки вооруженным путем прийти к власти, Соединенные Штаты оказывали помощь, направленную на создание армии, способной вести контрпартизанские войны. Благодаря полученному в США образованию местные офицеры перенимали американские ценности и культуру, впитывали антикоммунистическую идеологию.

Программы помощи были не единственным способом влияния на происходившие процессы в странах Третьего мира. Соединенные Штаты предпринимали попытки проведения междисциплинарных социальных исследований, ориентированных на изучение, прогнозирование действий и контроль повстанческих движений, к которым привлекались психологи, социологи, антропологи, экономисты, историки, культурологи и прочие специалисты. Проект Camelot для Чили или Plan simpático для Колумбии инициировались Министерством обороны США. Во время Вьетнамской войны с подачи США проводился масштабный социальный эксперимент для борьбы с партизанами Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) – строительство стратегических деревень. Насильственная изоляция крестьян в огороженные, укрепленные и охраняемые войсками стратегические деревни должна была уменьшить до минимума влияние вьетнамских партизан среди сельского населения. Однако этот эксперимент не достиг поставленных целей.

Прямым следствием участия США во Вьетнамской войне стала «Гуамская доктрина» Р. Никсона, заключавшаяся в том, что в случае возникновения конфликтов между союзниками США и третьей стороной (кроме СССР и Китая), США воздержатся от прямого участия на стороне союзника, но будут предоставлять ему военную и экономическую помощь. «Вьетнамизация» конфликта позволяла постепенно вывести американских солдат, тем самым снизить накал распространившегося антивоенного движения в самих США. Советник президента

Р. Никсона по национальной безопасности Г. Киссинджер утверждал, что вывод войск из Вьетнама не остановит антивоенное движение, зато «воодушевит важные элементы американской общественности» [19, р. 264].

Известно, что 1960-е гг. в США запомнились пиком антивоенного движения, участники которого открыто поддерживали национально-освободительное движение и требовали вывода американских войск с территории Индокитая. Не только внутри страны среди молодежи и интеллектуалов, но и во многих странах Третьего мира Соединенные Штаты терпели репутационные убытки, тогда как Советский Союз стал укреплять свое положение в Африке, опираясь на прогрессивные режимы (Ангола, Сомали до 1977 г., Эфиопия, Мозамбик).

Победа в Чили на выборах в 1969 г. блока «Народное единство», в состав которого входили несколько партий (Коммунистическая, Социалистическая, Радикальная, Движение единого народного действия и Независимое народное действие), а также избрание социалиста С. Альенде президентом Чили стало поводом для организации целой кампании тайных операций ЦРУ, которые планировал и утверждал т. н. «Сороковой комитет». К числу таких мероприятий можно отнести финансирование через каналы ЦРУ некоммунистических оппозиционных партий, а также информационной кампании против Компартии и Соцпартии Чили; поощрение расколов партий «Народного единства»; осуществление мер внешнего экономического давления на Чили; установление связей между американской разведкой и правыми военными. Нельзя не заметить, что схожие мероприятия (финансирование некоммунистических партий, информационная война против ИКП) Сороковой комитет осуществлял через каналы ЦРУ и в других регионах и государствах, включая союзника США по НАТО Италию [18, р. 1107].

Как отмечали аналитики ЦРУ, в 1970-е и 1980-е гг. Третий мир оставался «самой нестабильной ареной американско-советской политической борьбы» [22]. Альтернатив, по существу, было две: либо просоветская, либо проамериканская ориентация. Сменявшие друг друга американские администрации с приходом нового президента могли модифицировать отношение к национально-освободительным движениям и странам Третьего мира. Например, Генеральный секретарь ЦК Компартии США Г. Холл в ноябре 1976 г. высказал, как выяснилось позднее, обоснованное предположение, что президент США Дж. Картер будет проводить иную политику в отношении национально-освободительных движений, нежели его предшественники Р. Никсон и Дж. Форд: «Для всей политики Картера в отношении компартий и социалистических стран будет характерно использование «пряника в экономических и идеологических вопросах». Если Никсон и Форд с помощью корпораций типа Локхид и Галф подкупали в основном консервативных политических и деловых лидеров, то «Картер попытается применить этот метод в отношении лидеров национально-освободительного движения и коммунистических партий» [2].

Уже через несколько лет стало видно, что обновленная политика администрации Картера вызвала беспокойство у советских союзников в Третьем мире. Показателен пример сомалийско-эфиопского конфликта. В частности, в конце 1970-х гг. действия американских дипломатов в ООН сделали реальной опасностью того, что США удастся «повести за собой африканские страны» [3]. США пытались убедить страны Третьего мира в обоснованности требований Вашингтона о выводе из Эфиопии кубинских войск и ликвидации там советского военного присутствия, представляя свои акции как заботу о независимости Эфиопии. В целом американская политика в Третьем мире в эпоху Дж. Картера характеризовалась усилением давления на прогрессивные режимы путем прямой и опосредованной помощи местным антикоммунистическим движениям и даже бывшим советским союзникам (как в случае с Сомали). К началу 1980-х гг. Третий мир определялся директором ЦРУ У. Кейси «главным полем битвы между США и СССР на многие годы вперед» [15].

Политика Советского Союза в отношении национально-освободительных движений Третьего мира. На возрастание роли развивающихся стран в международных отношениях советские руководители стали указывать еще в середине 1950-х гг. В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС первый секретарь ЦК Н. С. Хрущев провозгласил, что в Восточной Европе, Азии и Африке появилась обширная «зона мира», включавшая социалистические и развивающиеся страны. Хрущев считал, что соперничество сверхдержав имело место и в Третьем мире, и предлагал оказывать военную, экономическую и техническую помощь любой развивающейся стране, которая ее попросит, чтобы страны, не входящие в мировую социалистическую систему, могли воспользоваться ее достижениями для «создания независимой национальной экономики и повышения жизненного уровня своих народов» [1, с. 25]. Указания Хрущева открыли новый этап в отношениях СССР с развивающимся миром.

Советский Союз начал помогать бывшим колониям в строительстве энергетических комплексов, технических сооружений, а также в создании крупных механизированных предприятий сельского хозяйства. В учебных заведениях СССР шла подготовка специалистов для разнообразных сфер экономики, финансов, культуры, образования и государственной службы развивающихся стран. Резко увеличилась доля военной помощи СССР, направлявшейся в страны Третьего мира. В результате, в конце 1950–1960-х гг. резко возрос престиж СССР в странах Третьего мира, сложился образ Советского Союза как друга стран, добившихся национальной независимости и передовой силы в антиимпериалистическом движении.

После отставки Хрущева в 1964 г. новое руководство Л. И. Брежнева – Н. А. Косыгина произвело переоценку советской политики в Третьем мире. Военная, экономическая и техническая помощь по-прежнему предоставлялась, но решающим критерием вместо «абстрактного вклада» в «борьбу против империализма» теперь стала «практическая выгода», которую могла получить Москва для обеспечения собственных интересов [10, с. 13]. В 1970-е гг. главными «клиентами» Москвы в Третьем мире были Вьетнам, Сомали (затем Эфиопия), Сирия, Ангола, Южный Йемен и Куба – местонахождение которых имело важное геополитическое значение с точки зрения национальной безопасности СССР. В разные годы эти страны предоставляли военно-морские или военно-воздушные базы или услуги советскому флоту и ВВС [10, с. 11–12].

Геополитические соображения подкреплялись идеологическим обоснованием. В 1970-е гг. в СССР была разработана концепция социалистической ориентации и некапиталистического пути развития, согласно которой развивающиеся страны могли миновать или сократить капиталистическую стадию развития после обретения независимости при содействии стран мировой системы социализма.

В 1970–1974 гг. Москва продолжала наращивать свое присутствие в странах Третьего мира. Трудности США во Вьетнаме показали, что существуют пределы американской мощи и влияния. Достижение в конце 1960-х – начале 1970-х гг. ядерного паритета с США и признание Вашингтоном этого паритета, устранило для США возможность их вмешательства в конфликты без риска ответных действий со стороны СССР.

Середина 1970-х гг. (особенно 1974–1976 гг.) ознаменовала исторический поворотный момент в освободительной борьбе стран Третьего мира: победой Вьетнама завершилась многолетняя война, добились независимости Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбик, Ангола. Наряду с признанием прав палестинского народа и осуждением военного переворота в Чили, свергнувшего правительство «Народного единства» в 1973 г., поддержка этих национально-освободительных движений представляла собой наиболее важные элементы проведения политики интернационализма СССР и среди партий МКД.

В 1970-е гг. СССР пытался распространить свое влияние в Третьем мире с помощью политико-дипломатических усилий, поставок оружия и экономической помощи. Дипломатические отношения были установлены с 11 африканскими государствами, договоры о дружбе и сотрудничестве были заключены с Анголой, Эфиопией и Сомали (Сомали аннулировала свой договор с СССР в 1977 г.). КПСС развивала официальные межпартийные связи с правящими партиями Анголы, Бенина, Конго и Мозамбика и тесно сотрудничала с Комиссией по организации Партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ). Москва оказывала широкую политико-дипломатическую поддержку национально-освободительным движениям, которые стали правящими партиями в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау после ухода из этих стран Португалии.

На XXV съезде КПСС, проходившем в конце февраля – начале марта 1976 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев прояснил позицию Советского Союза по отношению к развивающимся странам. Он подчеркнул приверженность Советского Союза принципу невмешательства во внутренние дела других стран и народов, но заявил, что в развивающихся странах «мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости» и выразил готовность партии «оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу», при этом не ища никаких выгод, не добиваясь политического господства, не охотясь за концессиями и не стремясь заполучить военные базы [6, с. 12].

Главный расчет советского руководства в 1970-е гг. строился на том, что укрепление связей со странами Третьего мира должно стать фактором, ускоряющим процессы прогрессивных преобразований в этих странах и их последующее присоединение к социалистическому лагерю. Распространению советского влияния в Третьем мире содействовали не только антизападные настроения широких масс населения, но и ориентация новых правящих элит на советскую модель развития, которая была притягательной для разнообразных национально-освободительных движений.

Еврокоммунизм как фактор международной жизни в годы Холодной войны. Вторая половина 1970-х гг. ознаменовалась двумя событиями. Одним из них было появление еврокоммунизма как особого течения внутри МКД, включавшее некоторые компартии, действовавшие преимущественно в развитых индустриальных странах Западной Европы, в частности, в Италии, Франции и Испании. Вторым событием стала повсеместная победа национально-освободительных движений. Международная солидарность, выражавшаяся в их материальной и политической поддержке, преобразовывалась в сотрудничество между развитыми и слаборазвитыми странами с целью установления нового международного порядка (не только экономического, но и политического) по оси Север – Юг. Целью политики сотрудничества было объявлено устранение неэквивалентного обмена, создававшего «систему неокOLONиальной зависимости, характеризовавшей отношения между странами Запада и Третьего мира, особенно в Африке» [21, р. 74].

Важным следствием независимости бывших колониальных стран стали их попытки пересмотреть установившиеся экономические отношения с развитым капиталистическим миром. Бывшие метрополии смогли навязать части бывших колоний неравноправные экономические отношения, которые консервировали или даже углубляли экономическую отсталость. Поэтому страны Третьего мира призывали к новому международному экономическому порядку (НМЭП) для того, чтобы покончить с увеличивающимся разрывом между развитыми и развивающимися странами, позволить последним распоряжаться самостоятельно своими природными ресурсами, создавать механизмы контроля транснациональных корпораций и обеспечить доступ к современным технологиям. Планы создания новой модели отношений были поддержаны как находившимися у власти прогрессивными правительствами, так и многими национально-освободительными движениями, боровшимися за власть в бывших колониях. Данную инициативу также поддерживали западноевропейские компартии, которые имели связи с национально-освободительными движениями и правительствами развивающихся стран. Итальянская компартия даже могла оказывать им помощь, используя свои возможности, полученные в ходе участия коммунистов в руководстве отдельными регионами Италии, т. е. не только принимать иностранные делегации, но и организовывать госпитали для раненых повстанцев из воюющих национально-освободительных движений, а также помогать в обучении кадров [14, р. 372–374].

ИКП и национально-освободительные движения в странах Третьего мира. Показательным для МКД явлением стало создание в Италии Института по связям с Третьим миром. Институт «Италия-Третий мир» был создан в июле 1971 г. при содействии представителей левого крыла Христианско-демократической партии (ХДП) Р. Сандри и Л. Гранелли. Институт был вскоре переименован в Институт Латинской Америки, Африки и Среднего Востока (Istituto per l'America latina, l'Africa e il Medio Oriente – Iralmo). В него вошли руководители международных отделов ХДП, ИКП и Итальянской соцпартии (ИСП).

Iralmo фактически обеспечил ИКП рычагом дипломатического влияния. К партийным чиновникам обращались как к представителям государства, что было одновременно признанием их реальной власти и предзнаменованием возможного участия ИКП в правительстве. ИКП имела связи с правительствами стран Восточной Европы и могла обеспечить доступ к итальянской «красной экономике» в регионах, управлявшихся коммунистами. Встречаясь с представителями зарубежных стран, члены ИКП налаживали экономическое и коммерческое сотрудничество со связанным с партией туристическим агентством Italturist, которое имело монополию на поездки из Италии в страны Восточного блока, не говоря о других дружественных партии фирмах, подобно «Кооперативной лиге». Но национально-освободительные режимы Третьего мира ожидали от ИКП также облегчения доступа к итальянскому правительству, государственной промышленности и системе помощи [14, р. 372].

ИКП при посредничестве Iralmo установила связи с ведущими членами Фронта национального освобождения Алжира, а также президентом Х. Бумедьеном. Под эгидой этого института был организован визит в Алжир парламентской делегации Италии, состоявшей из представителей ХДП, ИКП и ИСП. Американским дипломатам была доступна скудная информация об обсуждении в октябре 1977 г. проекта строительства газопровода Алжир – Италия, в котором принимали участие представители государственного агентства Италии по углеводородам, алжирского и итальянского профсоюзов, а также регионального правительства и региональной ассамблеи Сицилии, которую возглавлял коммунист П. де Паскуале [23].

Администрации Тосканы и Эмилии-Романьи, возглавлявшиеся коммунистами, также участвовали в мероприятиях Iralmo. Фактически ИКП и управлявшиеся ею регионы исполь-

зовали возможности Iralmo и собственных региональных администраций для проведения собственной внешнеполитической линии. Такой подход осуществлялся ИКП в отношениях с Мальтой, Тунисом, Сирией, Анголой и Мозамбиком.

Согласно сведениям консульства США в Палермо, сицилийские региональные депутаты от ИКП в сентябре 1976 г. организовали встречу делегации Организации освобождения Палестины (ООП) во главе с А. Мохсеном и губернатора Сицилии, члена ХДП А. Бонфильо, на которой попросили его решить вопрос с предоставлением мест раненым палестинцам в региональном госпитале. В ответ на просьбу Мохсена сицилийский губернатор пообещал рассмотреть предложение ООП о возможности присоединения Сицилии к «блокаде Израиля», организованной коммунистическими властями Эмилии-Романьи, Пьемонта и Тосканы. Исходя из этой информации, американский дипломат М. Коллинс предположил, что в Сицилии поддержка внешнеполитической линии ИКП со стороны местных христианских демократов повлечет за собой одобрение коммунистами решений внутренних вопросов правительством региона, возглавляемым представителем ХДП [24].

Особенно значимым оказался опыт взаимодействия с Сомали. С 1972 по 1977 г. президент Сомали С. Барре пользовался поддержкой ИКП, и эта страна стала примером того, как партия продвигала собственную политическую линию, эффективно поддерживая связь с африканской страной, связанной с СССР. ИКП отстаивала привилегированное место Сомали в итальянской внешней политике и обеспечивала помощь в подборе преподавателей для университета, построенного на итальянские гранты и управляемого итальянцами в Могадишо [14, р. 372–373]. Это также позволило связанному с партией туристическому агентству Italturist и «Кооперативной лиге» монополизировать помощь Сомали.

Еще более ярким примером того, как ИКП выступала в качестве посредника в предоставлении итальянской помощи и даже пыталась извлечь определенную экономическую выгоду, был Ирак.

В сентябре 1971 г. член Политбюро ИКП депутат парламента Итальянской республики Д. Пайетта предложил руководству ИКП поддержать иракские просьбы о помощи. В октябре 1972 г. после национализации Иракской нефтяной компании делегация ИКП из Эмилии-Романьи посетила Багдад, чтобы обсудить поставки нефти в Италию. Представители ИКП надеялись сделать партию посредником при продаже всей иракской нефти в их страну. Предлагая свои посреднические услуги, ИКП помимо демонстрации собственного политического влияния, желала также извлечь существенные материальные выгоды, тем самым обеспечивая себе финансовую независимость от Москвы [14, р. 373].

В упомянутых и всех иных подобных случаях ИКП использовала возможности региональных властей в Тоскане, Эмилии-Романье и Сицилии – этими регионами партия управляла в 1970-е гг. Этот своего рода «территориальный суверенитет» позволил партии принимать иностранные делегации, оказывать медицинскую помощь активистам и партизанам, а также поддерживать национально-освободительные движения и правительства некоторых развивающихся государств. Благодаря своему статусу и престижу, эти региональные органы под руководством ИКП усилили институционализацию партийной дипломатии. Давние и неформальные отношения, такие как те, что с начала 1970-х гг. развивались между муниципалитетом Реджо-Эмилии и ФРЕЛИМО (Фронтом освобождения Мозамбика), переросли в нечто более формальное. Так, например, в марте 1973 г. в Реджо-Эмилии состоялась Национальная конференция солидарности против колониализма и империализма за свободу и независимость Мозамбика, Анголы и Гвинеи-Бисау. В ней приняли участие лидеры освободительных движений вместе с руководством Iralmo; в мае 1973 г. в том же городе прошла конференция по вопросам мира на Ближнем Востоке. Министр иностранных дел Временного революционного правительства республики Южный Вьетнам посетила Италию только после того, как губернатор региона Эмилия-Романья, коммунист Г. Фанти, по официальному соглашению с министром иностранных дел Италии Дж. Медичи, взял на себя ответственность за организацию этой поездки [14, р. 374].

На протяжении первой половины 1970-х гг. ИКП сохраняла свое особое положение в отношениях с африканскими движениями и режимами. Однако в 1977 г. вторжение Сомали в Огаден и решение Москвы выступить на стороне Эфиопии положили конец ранее тесным отношениям между ИКП и С. Барре. Сомалийцы, по сути, обратились за помощью к Вашингтону. Пайетта, который в то время посещал Сомали, не знал о советском решении выступить на стороне Эфиопии. Ему пришлось даже обратиться за помощью в итальянское посольство для спасения итальянских коммунистов, проживавших в стране. Таким образом, развитие собы-

тий в Сомали показало пределы «квазиправительственной» роли ИКП, особенно в 1978 г., когда Пайетта, фактически являвшийся одним из лидеров ИКП, более других приверженный сохранению связей с СССР, осудил вторжение Сомали в Огаден [14, p. 377].

ИКП также смогла наладить связи с провозглашенной 25 июня 1975 г. Народной республикой Мозамбик, где у власти находился Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), который до Революции гвоздик в апреле 1975 г. вел борьбу за национальную независимость от Португалии. Правительство этой страны не пригласило итальянских дипломатов и членов правительства на провозглашение независимости, но представители ИКП присутствовали там. Однако вскоре официальный Рим установил дипломатические отношения с Мозамбиком и, опираясь на присутствие «Кооперативной лиги» и каналы ИКП, оказывал медицинскую, сельскохозяйственную и техническую помощь. В Госдепартаменте знали об участии членов ИКП в *Ipalmo* и, в частности, контактах представителя института, итальянского коммуниста Дж. Д'Алема с правительственными кругами Мозамбика [20].

До 1979 г. Италия была единственным западным государством, имевшим технических специалистов, осуществлявших программы сотрудничества в столице Мозамбика Мапуту. В январе 1980 г. была создана двусторонняя экономическая комиссия и было подписано первое соглашение между Мозамбиком и страной НАТО, предусматривавшее грант в размере почти 12 млн. долл. на итальянские товары и кредит в размере 100 млн. долл. на пять крупных инфраструктурных проектов, подрядчиками в которых должны были выступить итальянские фирмы [14, p. 377].

Деятельность Италии в Мозамбике сама по себе была политически окрашенной, поскольку ФРЕЛИМО объявил себя марксистско-ленинской организацией и имел тесные связи с Португальской компартией. В марте 1977 г. правительство Мозамбика также подписало договор о дружбе и сотрудничестве с СССР. Рост влияния ИКП в бывших португальских колониях стал общим достижением итальянской внешней политики, и даже ХДП пыталась продвинуть итальянскую экономическую деятельность в Мозамбике, поскольку бывшая португальская колония вызывала интерес как важный источник сырья. Эта политика работала пользу ИКП, поскольку помогала национально-освободительным движениям, пришедшим к власти. Она также способствовала продвижению интересов итальянских фирм и государственных компаний.

Американским дипломатам было известно о «локальной внешней политике» регионов, управляемых итальянскими коммунистами, которая была направлена на оказание помощи национально-освободительным движениям и усилению экономических связей с «прогрессивными» режимами Третьего мира. Присутствие еврокоммунистов в Третьем мире вносило своеобразие в Холодную войну и меняло привычный фон противостояния СССР и США в периферийных регионах. Однако американские внешнеполитические деятели, несмотря на информированность о присутствии еврокоммунистов в Третьем мире, остались наблюдателями – прежде всего потому, что этот процесс не всегда затрагивал напрямую американские интересы.

Выводы. Выработка политической стратегии США в отношении стран Третьего мира проходила через несколько этапов. Уже в послевоенные годы по результатам реструктуризации Японии и опыта экономической помощи странам Западной Европы был выработан ряд мер, позднее применявшихся для поддержки сателлитов в Третьем мире – от экономической, военной и технической помощи до обучения политических элит и внедрения западных образцов культуры в сознание и образ жизни населения. Руководство США практиковало использование ЦРУ для проведения тайных операций против умеренных левых правительств и помощи антикоммунистическим правительствам в Азии и Латинской Америке. После победы Кубинской революции в 1959 г. администрация Дж. Ф. Кеннеди инициировала создание специализированных структур (USAID, Корпус мира) и долгосрочных программ помощи для модернизации развивающихся стран (Союз ради прогресса), исследовательских мультидисциплинарных проектов, а также участвовала в разработке практических методов борьбы с повстанцами.

На протяжении 1960-х и большей части 1970-х гг. политика Вашингтона в отношении стран Третьего мира не была популярной как среди населения США, так и в самих развивающихся странах. После окончания Вьетнамской войны и прихода к власти администрации Дж. Картера Вашингтон приступил к постепенному переформатированию своей политики. Курс администрации Картера в целом сводился к прямой или опосредованной военной помощи местным антикоммунистическим (несоветским) режимам и движениям, а также их дипломатической поддержке в международных структурах.

Советский Союз начал активно помогать развивающимся странам с середины 1950-х гг. Курс на военную, экономическую, техническую помощь, масштабные программы подготовки специалистов укрепляли там авторитет СССР. В 1970-е гг. Москва наращивала свое присут-

ствии в странах Третьего мира. Некоторые из них (Вьетнам, Эфиопия (до Огаденской войны – Сомали), Куба, Сирия, Ангола, Южный Йемен) имели важное геополитическое значение и предоставляли свою территорию для размещения советских военно-морских и военно-воздушных баз. Декларировалось, что Советский Союз оказывает поддержку национально-освободительным движениям и прогрессивным режимам, придерживаясь при этом принципа невмешательства во внутренние дела.

Свое влияние в Третьем мире Москва пыталась распространить с помощью политических и дипломатических мер (заключение договоров о дружбе и сотрудничестве, установление межпартийных связей КПСС с правящими партиями развивающихся стран), поставок оружия и экономической помощи, в том числе для обеспечения советских геополитических интересов. Эффективности такой политики способствовали не только антизападные настроения в Третьем мире, но и притягательность советской модели развития для национально-освободительных движений.

ИКП в условиях отстраненности от принятия решений в составе правительства Италии использовала возможности, появившиеся у нее после прихода к власти в отдельных регионах страны, для материальной и гуманитарной помощи находившимся у власти национально-освободительным движениям с одобрения находившейся у власти ХДП, стремившейся в результате такой политики извлечь пользу для государства. Подобная «квазиправительственная» деятельность помогала ИКП устанавливать прочные связи с пришедшими к власти национально-освободительными движениями и содействовать принятию выгодных для Италии экономико-дипломатических договоренностей с левыми режимами Третьего мира, однако не могла повлиять на политику сверхдержав в данном регионе.

Появление ИКП в Третьем мире создавало значительные неудобства для Москвы как из-за усиливавшейся напряженности между КПСС и ИКП, так и по причине утраты в периферийных регионах Советским Союзом статуса единоличного лидера системы социализма. США отслеживали и довольно сдержанно реагировали на оформлявшуюся конфигурацию, предпочитая наблюдать за деятельностью еврокоммунистов в Третьем мире и не реагировать на нее, пока эта активность в сочетании с приверженностью принципам разрядки не спровоцирует конфликт между ИКП и КПСС – не по внутреннему итальянскому вопросу, а по международной проблеме, к которой причастен Советский Союз. И такой международной проблемой к концу 1970-х гг. станет Афганистан.

Список литературы

1. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. Ч. I. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1956. 640 с.
2. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 0129. Оп. 62. П. 475. Д. 5. Л. 177.
3. АВП РФ. Ф. 029. Оп. 60. П. 458. Д. 6. Л. 261.
4. Воробьева Т. А., Юнгблюд В. Т. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (дата обращения: 25.06.2022). DOI: 10.18254/S207987840005469-4.
5. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. 510 с.
6. Материалы XXV съезда КПСС. М. : Политиздат, 1976. 255 с.
7. Сенников А. И. Америко-иракские отношения и курдский вопрос в 1972–1975 гг. // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 36–43. DOI: 10.18254/S207054760007177-1.
8. Сенников А. И. Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1977–1978 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 41–46.
9. Строганов А. И. Латинская Америка: страницы истории XX века. М. : Книжный дом «Либроком», 2015. 168 с.
10. Хазанов А. М., Гомаа Х. Политика СССР в «третьем мире» (Азия и Африка) в годы «холодной войны». М. : Институт востоковедения РАН; Ассоциация содействия Международной академии наук, 1997. 84 с.
11. Шенин С. Ю. Американская программа «Пункта-4» и ее роль в формировании послевоенного мирового порядка (1949–1953 гг.) : дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.03. – Всеобщая история / Саратовский ордена Трудового Красного Знамени Государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2000. 400 с.
12. Юнгблюд В. Т. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. 414 с.
13. Юнгблюд В. Т., Воробьева Т. А. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 105–126.
14. Calandri E. Italy, the developing world, and aid policy, 1969–1979: the «historic compromise» and Italian foreign policy // Cold War History. 2019. Vol. 19. № 3. Pp. 363–381. DOI: 10.1080/14682745.2018.1556640.

15. Casey W. Meeting the Soviet challenge in the Third World // Wall Street Journal, 18 April 1983 / Central Intelligence Agency Freedom of Information Act Reading Room (далее – CIA FOIA). URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP88B00443R001304050111-9.pdf> (дата обращения: 25.06.2022).
16. Debray R. A Critique of Arms. Vol. 1. Harmondsworth : Penguin, 1977. 320 p.
17. Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. V. American Republics. Washington : United States Government Printing Office, 1991. 920 p.
18. Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. E-XV. Part 2. Documents on Western Europe, 1973–1976. Second, Revised Edition. Washington : United States Government Printing Office, 2021. 1161 p.
19. Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. VI. Vietnam, January 1969 – July 1970. Washington : United States Government Printing Office, 2006. 1143 p.
20. Italian economic delegation visits Mozambique. October 22, 1975. Office Action: Bureau of African Affairs. From: Mozambique, Maputo. To: Secretary of State. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975LOUREN01133_b.html (дата обращения: 25.06.2022).
21. Morosini G. The European Left and the Third World // Contemporary Marxism. 1980. № 2. Pp. 67–80.
22. NIE 11-10/2-84. The USSR and the Third World. Key Judgments. CIA National Intelligence Estimate. 1984, 19 September / CIA FOIA. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000518056.pdf (дата обращения: 17.11.2021).
23. Sicilian regional assembly stages meeting on pipeline. October 11, 1977. Office Action: Bureau of European and Eurasian Affairs. From: Italy, Palermo. To: Secretary of State. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977PALERM00713_c.html (дата обращения: 25.06.2022).
24. Sicilian regional president receives PLO group. October 1, 1976. Office Action: Bureau of European and Eurasian Affairs. From: Italy, Palermo. To: Secretary of State. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976PALERM00602_b (дата обращения: 25.06.2022).
25. The Cambridge History of the Cold War. Vol. II. Crises and Détente / ed. by M. P. Leffler and O. A. Westad. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 570 p.
26. Truman H. S. Inaugural Address. January 20, 1949 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/inaugural-address-4> (дата обращения: 25.06.2022).
27. Westad O. A. The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 484 p.

Foreign policy approaches of the USSR and the USA in relation to local conflicts in Third world countries in the second half of the 1940s – 1970s (taking into account the factor of Eurocommunism)

M. V. Bakshaev

junior researcher, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: randvmax@gmail.com

Abstract. The article examines the foreign policy positions of Moscow and Washington in the context of national liberation movements in the Third World countries in the second half of the 1940s – 1970s, taking into account the diplomatic activities of the Western European segment of the international communist movement, in particular, the Italian Communist Party (PCI) – in relation to the conflicting parties. The mediation of the Eurocommunists in the Third World changed the usual panorama of superpower rivalry in peripheral regions and introduced new features into the Cold War. The diplomatic efforts of the PCI in the Third World put Moscow in an uncomfortable position against the background of the growing contradictions between the CPSU and the PCI, including because the USSR ceased to be perceived there as the sole embodiment of the socialist idea. Washington evaluated these transformations and correlated them with its own tactical and strategic developments. The study is based on documents of the US State Department and the Central Intelligence Agency (CIA), as well as unpublished declassified documents of the USSR Foreign Ministry from the Archive of Foreign Policy (WUAs) of the Russian Federation. The conclusions are substantiated that the Third World has become a testing ground for indirect confrontation of superpowers, which contributed to the internationalization of local conflicts that broke out there. The PCI was a "third force" that carried out "quasi-governmental" activity in Third World countries, but had no effective levers of influence on international politics. The United States monitored the activity of Italian Communists in the Third World against the background of worsening tensions between the PCI and the CPSU, but reacted with restraint to these processes, preferring to limit itself to monitoring the activities of Eurocommunists in the Third World.

Keywords: USSR, USA, internationalization of local conflicts, Eurocommunism, Third world.

References

1. XX s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. 14–25 fevralya 1956 g. Stenograficheskij otchet – XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union. February 14–25, 1956 Verbatim report. Pt. I. M. State Publishing House of polit. Literature. 1956. 640 p.

2. AFP RF (Archive of Foreign Policy of the Russian Federation). F. 0129. Inv. 62. P. 475. File 5. Sh. 177.
3. AFP RF. F. 029. Inv. 60. P. 458. File 6. Sh. 261.
4. Vorobyova T. A., Yungblud V. T. *SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: politika administracii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg.* [The USA is losing an ally in the Middle East: the policy of the administration of J. Carter's attitude towards Iran, 1977–1980] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* – Electronic scientific and educational journal "History". 2019. Vol. 10. Is. 3 (77). Available at: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (date accessed: 25.06.2022). DOI: 10.18254/S207987840005469-4.
5. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Counter courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947 / ed. by V. T. Yungblud. Kirov. VyatShU. 2014. 510 p.
6. *Materialy XXV s'ezda KPSS* – Materials of the XXV Congress of the CPSU. M. Politizdat. 1976. 255 p.
7. Sennikov A. I. *Amerikano-irakskie otnosheniya i kurdskij vopros v 1972–1975 gg.* [American-Iraqi relations and the Kurdish question in 1972–1975] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian education. 2021. No. 4 (24). Pp. 36–43. DOI: 10.18254/S207054760007177-1.
8. Sennikov A. I. *Kurdskij vopros v blizhnnevostochnoj politike administracii Dzh. Kartera v 1977–1978 gg.* [The Kurdish question in the Middle East policy of the administration of J. Carter in 1977–1978] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* – Herald of the Nizhny Novgorod University n. a. N. I. Lobachevsky. 2018. No. 1. Pp. 41–46.
9. Stroganov A. I. *Latinskaya Amerika: stranicy istorii XX veka* [Latin America: pages of the history of the XX century]. M. Book House "Librocom". 2015. 168 p.
10. Hazanov A. M., Goma H. *Politika SSSR v "tret'em mire" (Aziya i Afrika) v gody "holodnoj vojny"* [The USSR policy in the "Third World" (Asia and Africa) during the Cold War]. M. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Association for the Promotion of the International Academy of Sciences. 1997. 84 p.
11. Shenin S. Yu. *Amerikanskaya programma "Punkta-4" i ee rol' v formirovanii poslevoennogo mirovogo poryadka (1949–1953 gg.) : diss. ... dokt. ist. nauk: 07.00.03.* – *Vseobshchaya istoriya* [The American program "Point-4" and its role in the formation of the post-war world order (1949–1953) : diss. ... Doctor of Historical Sciences: 07.00.03. – Universal History] / Saratov Order of the Red Banner of Labor State University n. a. N. G. Chernyshevsky. Saratov. 2000. 400 p.
12. Yungblud V. T. *Politika SShA v Irane v gody Vtoroj mirovoj vojny* [The U.S. policy in Iran during the Second World War]. Kirov. VyatShU. 2011. 414 p.
13. Yungblyud V. T., Vorob'eva T. A. *Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g.* [Afghanistan in the politics of the USSR and the USA in 1979] // *Voprosy istorii* – Questions of History. 2016. No. 10. Pp. 105–126.
14. Calandri E. Italy, the developing world, and aid policy, 1969–1979: the "historic compromise" and Italian foreign policy // *Cold War History*. 2019. Vol. 19. No. 3. Pp. 363–381. DOI: 10.1080/14682745.2018.1556640.
15. Casey W. Meeting the Soviet challenge in the Third World // *Wall Street Journal*, 18 April 1983 / Central Intelligence Agency Freedom of Information Act Reading Room (далее – CIA FOIA). Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP88B00443R001304050111-9.pdf> (date accessed: 25.06.2022).
16. Debray R. *A Critique of Arms*. Vol. 1. Harmondsworth : Penguin, 1977. 320 p.
17. *Foreign Relations of the United States, 1958–1960*. Vol. V. American Republics. Washington : United States Government Printing Office, 1991. 920 p.
18. *Foreign Relations of the United States, 1969–1976*. Vol. E-XV. Part 2. Documents on Western Europe, 1973–1976. Second, Revised Edition. Washington : United States Government Printing Office, 2021. 1161 p.
19. *Foreign Relations of the United States, 1969–1976*. Vol. VI. Vietnam, January 1969 – July 1970. Washington : United States Government Printing Office, 2006. 1143 p.
20. Italian economic delegation visits Mozambique. October 22, 1975. Office Action: Bureau of African Affairs. From: Mozambique, Maputo. To: Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975LOUREN01133_b.html (date accessed: 25.06.2022).
21. Morosini G. The European Left and the Third World // *Contemporary Marxism*. 1980. No. 2. Pp. 67–80.
22. NIE 11-10/2-84. The USSR and the Third World. Key Judgments. CIA National Intelligence Estimate. 1984, 19 September / CIA FOIA. Available at: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000518056.pdf (date accessed: 17.11.2021).
23. Sicilian regional assembly stages meeting on pipeline. October 11, 1977. Office Action: Bureau of European and Eurasian Affairs. From: Italy, Palermo. To: Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1977PALERM00713_c.html (date accessed: 25.06.2022).
24. Sicilian regional president receives PLO group. October 1, 1976. Office Action: Bureau of European and Eurasian Affairs. From: Italy, Palermo. To: Secretary of State. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976PALERM00602_b (date accessed: 25.06.2022).
25. *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. II. Crises and Détente /ed. by M. P. Leffler and O. A. Westad. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 570 p.
26. Truman H. S. Inaugural Address. January 20, 1949 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/inaugural-address-4> (date accessed: 25.06.2022).
27. Westad O. A. *The Global Cold War. Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 484 p.

Правый радикализм в Великобритании в послевоенный период (1950–60-е годы)

И. С. Ларионов

соискатель ученой степени кандидата исторических наук, кафедры истории нового и новейшего времени, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: novemberus@yandex.ru

Аннотация. В истории Великобритании на протяжении XX в. можно было наблюдать несколько всплесков активности радикальных идей правого толка. Прежде всего, речь идет о появлении в Великобритании в два предвоенных десятилетия фашистских партий, вдохновленных зарубежными примерами. Другим значительным примером праворадикальной идеологии в Британии стало возвышение Национального фронта в 1970-е и Британской национальной партии в 2000-е гг. Эти партии, родственные по своему происхождению, попытались стать полноправными участниками британской парламентской системы.

В период между двумя пиками активности правый радикализм занимал крайне незначительное место на политической сцене. Однако в первые послевоенные десятилетия в Великобритании, как в других европейских странах, это направление претерпевает организационную и идеологическую трансформацию. Происходит отход от непарламентских форм активности в сторону большей вовлеченности в выборных процессах. В идеологическом плане важнейшим фактором выступает проблема цветной иммиграции в Великобритании. Именно критика иммиграционной политики, а впоследствии и методов интеграции иммигрантов, становится одним из краеугольных оснований правого радикализма.

Ключевые слова: Великобритания, правый радикализм, Освальд Мосли, А. К. Честертон, Джон Тинделл, Национальный фронт.

Несмотря на то, что на Британских островах не было массовых праворадикальных движений, сравнимых по успешности с континентальной Европой, традиции правого радикализма в Великобритании можно проследить уже с первых десятилетий XX столетия. В британском политическом поле существовало достаточно много различных групп влияния и движений, которые можно назвать праворадикальными – от парламентских ультраконсервативных объединений до прямых последователей европейского фашизма [7]. Достаточно вспомнить организованную в 1902 г. в лондонском районе Ист-Энд капитаном Вильямом Шоу Лигу британских братьев со своим лозунгом «Англия для англичан» [12; 31–32].

В 1920–40-е гг. в Британии под влиянием итальянских, а позднее и немецких образцов, возникают различные фашистские партии и группы. Такие, как основанная в 1928 г. Арнольдом Лизом Имперская фашистская лига или Британский союз фашистов сэра Освальда Мосли [1]. Начало Второй мировой войны ознаменовало конец деятельности большинства крайне правых групп в стране. Новый всплеск активности праворадикальных движений произошел в конце 1960-х гг. с образованием Национального фронта – одной из первых массовых антииммигрантских партий в Западной Европе. Наконец, последний пример относительного успеха праворадикального движения в Великобритании – это успехи Британской национальной партии в 2000–2010-х гг. [5].

Тем не менее праворадикальная активность в политической жизни Великобритании продолжалась в промежутке между уходом со сцены старых фашистских движений и появлением современных праворадикальных партий. В период с конца 1940-х до середины 1960-х гг. в этой среде происходил процесс смены поколений, выработки новой идеологии и методов политической активности, приемлемых в современном демократическом обществе. Полученный опыт был использован как британскими правыми радикалами 1970-х гг., так и их колле-

гами из Франции (Национальный фронт М. Ле Пена), Италии (Социальное движение Д. Альмиранте) и других европейских стран.

Актуальность исследования определяется тем, что в начале XXI в. правый радикализм вновь становится важным фактором мировой политики. Формы проявления этого феномена варьируются от предвыборного популизма политиков из истеблишмента до правого экстремизма полувоеннизированных групп. На Западе появляется все больше политических акторов разного уровня, которые поднимают такие проблемы, как кризис либерального мироустройства, утрата национальной идентичности, жизнеспособность мультикультурализма, неконтролируемая иммиграция и т. д. [2, с. 72–73]. Достаточно вспомнить президентство Дональда Трампа в США, успехи Марин Ле Пен во Франции, а также электоральные прорывы таких партий, как Альтернатива для Германии.

Цель данного исследования – показать трансформацию правого радикализма в Великобритании в послевоенный период в условиях появления новых общественно-политических вызовов. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: показать состояние праворадикального политического лагеря в первые годы после окончания Второй мировой войны; выявить причины, повлиявшие на идеологическую и организационную трансформацию правого радикализма в 1950–60 гг.; осветить процесс политического объединения разрозненных групп к концу 1960-х гг.

Первые исследовательские работы, посвященные послевоенным праворадикальным группам, стали появляться уже в 1960-е гг. Эти ранние исследования рассматривали послевоенные правые партии как логическое продолжение истории довоенного британского фашизма. Прежде всего, это работы К. Кросса и Г. Заера; сюда же можно добавить биографическую работу Р. Скидельски, в которой большое внимание уделено созданию Юнионистского движения Освальда Мосли [6; 16; 22]. В дальнейшем рассматриваемый период освещался фрагментарно, в основном в исследованиях, посвященных истории Национального фронта или Британской национальной партии. Сюда можно отнести работы Н. Филдинг, М. Уолкера, С. Тэйлора, Н. Копси и др. [5; 8; 21; 28]. В целом можно констатировать, что рассматриваемой проблеме до сих пор уделено незначительное внимание в историографии правого радикализма.

После Второй мировой войны участие крайне правых в политической жизни Британии возобновилось в 1948 г., когда О. Мосли основал Юнионистское движение (ЮД, Union Movement). Это новое движение сохранило некоторые характеристики, общие с довоенным Британским союзом фашистов, однако отличалось от него как на идеологическом, так и на организационном уровне. На идеологическом уровне изменения выражались в ограничении государственного вмешательства в экономику, сдвиге от корпоративного интегрализма в сторону социально-экономической кооперации, признании принципов демократии, а также замене британского национализма на панъевропейскую идентичность, основанную на противодействии коммунистической угрозе [16, с. 513].

Однако, по выражению Н. Копси, Освальд Мосли хотя и оставался наиболее значимой фигурой на британской праворадикальной сцене, «стал ветераном, растерявшим свой легендарный мессианский пыл» [5, с. 6]. Его новому движению оказалось не под силу повторить достижения БСФ 1930-х гг.: численность ЮД не превышала 1500 человек. Результаты участия в выборах демонстрировали лишь серию поражений. Несмотря на интеллектуальное неприятие классического биологического расизма, О. Мосли в своей избирательной кампании сделал главный акцент на акцентировании страхов местного населения перед цветными иммигрантами. В 1952 г. на местных выборах в Брикстоне Юнионистское движение в своем печатном органе Union неоднократно использовало призыв «защитить белое население города» [27, с. 11].

Антииммигрантские лозунги в программе ЮД сочетались с социальными требованиями об обеспечении условий для реализации «европейского социализма», что настороженно воспринималось наиболее правой частью его потенциального «расистского» электората. Как вспоминал в своей автобиографии Д. Тинделл, Юнионистское движение оттолкнуло его своей политикой, нацеленной на европейскую интеграцию [26, с. 58–59]. В 1962 г. движение О. Мосли присоединилось к другим европейским неофашистским группам (включая немецкую Рейхспартию, Итальянское социальное движение и бельгийскую Молодую Европу) в Партии европейских националистов [10, с. 175].

В отличие от Освальда Мосли, Арнольд Лиз не стал отрекаться от своего почитания фашизма, нацизма и лично А. Гитлера даже после окончания войны. Для него поражение Рейха в войне означало ужасную катастрофу белой Европы и торжество мирового еврейства и

сионизма. Война и последующий арест лишь укрепили Лиза в его расистских убеждениях и жестком антисемитизме. Современников Лиза поражало его демонстративное выражение своих экстремистских взглядов, граничащее с политическим мученичеством (что вызывало к нему симпатии молодых правых экстремистов). После войны он не стал воссоздавать никаких политических партий, но стал издавать журнал *Gothic Ripples*, в котором комментировал актуальные политические новости с расовой позиции [9, с. 3, 8, 11].

Массовое британское крайне правое движение в 1950–60-е гг. не ограничивалось одним лишь Юнионистским движением, а часто было даже враждебно к нему. В 1954 г. А. К. Честертон, после нескольких лет журналистской деятельности на крайнем правом фланге партии тори, основал «ультрапатриотическое» движение – Лигу верноподданных империи (ЛВИ, *League of Empire Loyalists*). Это движение, никогда не превышавшее по численности более 3000 членов и достаточно быстро пришедшее в упадок, однако представляет для нас интерес, поскольку взрастило в своих рядах новое поколение британских правых радикалов, проявивших себя впоследствии в Национальном фронте и в ряде других праворадикальных и правоэкстремистских групп.

Тщательно проработанные конспирологические антисемитские теории А. К. Честертон были взяты на вооружение британскими крайне правыми различных направлений в последующие годы. Можно говорить и о личном влиянии Честертон на многих будущих лидеров крайне правого движения, воспринявших часть его взглядов. В 1971 г. Д. Тинделл заявлял: «Без колебания могу сказать, что в формировании моих политических воззрений я обязан А. К. Честертону больше, чем кому-либо другому» [18, с. 29]. Тем не менее личное влияние Честертон уступает по значимости оставленному им литературному наследию. Это лучше всего заметно на примере его самой известной работы «Новые несчастные лорды», первоначально изданной в 1965 г., ставшей предметом многочисленных переизданий, широко представленной в идеологической библиотеке крайне правых по всему миру. Эта книга содержит скрупулезный анализ предполагаемой деятельности «мирового капитала» и «большевизма», основанный на не цитируемых «источниках», поскольку: «Поскольку заговор по своей сути предполагает секретность, невозможно привести его прямое доказательство, в отличие от вещей, которые основаны на обозримых доказательствах» [3, с. 9]. По словам исследователей Рентона и Бейкера, это гарантировало Честертону «сомнительный титул распространителя и продолжателя теории заговора в Британии» [14, с. 44].

Хотя время от времени Лига верноподданных империи принимала участие в различных выборах (в целом безуспешно), в большей степени она представляла собой так называемую группу воздействия (*pressure group*), выражавшую настроения империалистически настроенных консерваторов, нежели самостоятельную политическую партию. Лидеры Лиги участвовали в партийных конференциях консервативной партии и нередко нарушали порядок, выкрикивая лозунги «Спаси империю!» или «Долой предателей тори!», срывая выступления ненавистных им политиков [14, с. 46], что привлекало к ЛВИ внимание национальной и провинциальной прессы. Помимо приверженности конспирологическому антисемитизму и крайнему империализму, в воззрениях А. К. Честертон нашлось место и неприязни по отношению к чернокожим, которая сформировалась у него еще в детские годы, проведенные в специфических условиях Южной Африки [3, с. 210–211, 265].

Сравнивая ретроспективно идеи трех довоенных политиков, так или иначе связанных с британским фашизмом, – Освальда Мосли, Арнольда Лиза и А. К. Честертон, мы приходим к достаточно парадоксальным выводам. Идеи О. Мосли эволюционировали в некую смесь из интеллектуального национализма и ревизионизма расовой теории в духе «новых правых». Воззрения же Честертон и особенно Лиза представляли собой достаточно примитивные построения на основе антисемитской конспирологии и биологического расизма. Двое последних, по сути, не принесли никакой позитивной программы развития, однако послевоенная британская праворадикальная традиция уделяла их «идеям» большее внимание, нежели новому идейному синтезу Освальда Мосли.

Такое отношение к идеям трех этих политиков объясняется тем, что молодое поколение британских правых радикалов использовало относительно безобидные конспирологические идеи Честертон, чтобы камуфлировать ими расистские идеи в духе А. Лиза. По мнению исследователя Р. Тарлоу, господствующей исторической традицией, которая определяла деятельность британского праворадикального сообщества в 1960–70-е гг., стало «наследие Арнольда Лиза, скрытое за одеждами А. К. Честертон» [24, с. 229]. При этом сэр Освальд Мосли –

намного более многогранный политик, уже в 1960-е гг. ушел в забвение вместе со своим Юнионистским движением. К нему обращался лишь Джон Тинделл, когда работал над своим ораторским стилем, он же посвятил ему критический некролог в своем журнале *Spearhead*.

Тинделл представлял собой наиболее яркий пример новой генерации британских правых радикалов, в полную силу заявивших о себе в начале 1960-х гг. Первые политические шаги Д. Тинделла относятся к 1956 г., когда в одном из телерепортажей он впервые узнает про Лигу верноподданных империи А. К. Честертона, вскоре после этого вступает в эту организацию. По его словам, этот выбор определялся тем, что «ни одна из традиционных старых партий не предлагала решения главных британских проблем». В то же время ЛВИ привлекает его своей страстной защитой старой Британской империи и проработанной конспирологической теорией: «Как империалист, я почувствовал, что мне необходимо узнать больше об этой группе», – пишет он в своих воспоминаниях [26, с. 51].

В апреле 1958 г., после ряда поражений на местных выборах, Д. Тинделл вместе с группой молодых сторонников А. К. Честертона покидает Лигу верноподданных империи, чтобы основать Национальную трудовую партию (*National Labour Party*), которая должна была стать новым альтернативным массовым праворадикальным движением. В их представлении это должна была быть партия, которая «соединяла бы национализм с народным социализмом», политика которой была бы обращена в сторону запросов рядовых представителей рабочего класса [4, с. 8].

Примерно в одно время с Д. Тинделом ряды ЛВИ покинул другой бывший сторонник А. К. Честертона, молодой выпускник Кембриджа Колин Джордан. Во время учебы в университете Джордан обращается к идейному наследию Арнольда Лиза. В начале 1950-х гг. Джордан основывает Бирмингемский клуб националистов, а позднее вступает в ряды ЛВИ. Однако, разочаровавшись, подобно Д. Тинделлу в «умеренной» политике ЛВИ, он выходит из этого движения, чтобы основать в 1957 г. свою Лигу защиты белых (*White Defense League*) – группу давления, основанную на расовом национализме, взяв на вооружение лозунг А. Лиза «Сохраним Британию белой страной» [28, с. 34].

Вскоре происходит сближение ЛЗБ с Национальной трудовой партией Тинделла. В результате, после некоторого времени сотрудничества, руководство Лиги защиты белых и Национальной трудовой партии принимает решение о слиянии в 1962 г. в единую Британскую национальную партию (БНП, *British National Party*). Новая партия выражала неприятие демократических принципов управления, полагаясь на сильную авторитарную власть. Альтернативой демократии представлялась идея «расового национального народного государства», воплощенная в «уникальной» практике национал-социализма А. Гитлера [4, с. 12]. Идеология БНП включала положения о необходимости высылки из страны небелых иммигрантов и депортации евреев в государство Израиль или на Мадагаскар... Важным для будущего страны было «признания почвы как главного достояния», «сохранения истинной национальной культуры» и «нации, стоящей выше различных классов и социальных групп» [4, с. 12].

Британская национальная партия никогда не превышала по численности 200 человек сторонников, но была достаточно активна на местном уровне. Кроме того, в составе БНП действовала созданная Тинделлом и Джорданом элитная группа и одноименный журнал *Spearhead* (Наконечник копья), в которую входило порядка 60 наиболее активных членов БНП. Это подразделение представляло собой адаптацию организационных форм национал-социализма к новым послевоенным условиям, в частности, активисты носили униформу из военных ботинок, коричневых рубашек, нарукавных повязок и поясов, проводили регулярные идеологические собрания и военизированные сборы, на которых обучались дзюдо, партизанским действиям и изготовлению взрывчатых веществ [19, р. 12]. В ответ на критику со стороны оппонентов, утверждавших, что *Spearhead* представляет общественную опасность, Д. Тинделл отвечал, что подобные военизированные тренировки проводились исключительно с целью самообороны, для защиты от агрессивной тактики антифашистских уличных движений [26, с. 117–179].

Однако деятельность *Spearhead* вскоре привела к разногласиям внутри БНП, поскольку ее руководство в лице президента Э. Фонтейна и его заместителя Д. Бина испытывало все большее раздражение открытым восхвалением немецкого нацизма вместо британских форм национализма. Так, по инициативе К. Джордана, БНП принимала участие в кампаниях поддержки Рудольфа Гесса и Адольфа Эйхмана, что вряд ли могло бы прибавить партии симпатии британцев [5, с. 8]. В этой ситуации Д. Бин и Э. Фонтейн, стремившиеся создать для БНП

более широкую поддержку общественности, пришли к выводу о необходимости прекратить заигрывания с неонацизмом и исключили из БНП группу сторонников Джордана-Тинделла. В течение нескольких недель К. Джордан реорганизовал несколько десятков своих последователей в Национал-социалистическое движение (НСД, National Socialists Movement), учрежденное 20 апреля 1962 г., в юбилей А. Гитлера, Тинделл стал партийным организатором.

Новое движение открыто пропагандировало превосходство белой расы, великое предназначение арийских народов, жесткий антисемитизм и отвергало демократические принципы. В 1962 г. под маркой НСД Д. Тинделл публикует свой памфлет «Авторитарное государство», в котором жестко критикует демократическое общество, называя его «современным фарсом, коварно спланированным мировым еврейством для достижения власти над миром» [25, с. 20] (используя цитату из «Протокола сионских мудрецов»). Тинделл предупреждает, что евреи «дьявольски умны», они используют демократию, чтобы «играть на тщеславии западного человека, убеждая его, что демократия – это величайшее достижение Запада, а не самих евреев», поэтому ее необходимо всячески оберегать. Более того, неважно, «за какой идеологией следует народ, либерализм или большевизм, всеми ими, в конце концов, руководит одна могущественная сила – евреи». Единственным решением из этой ситуации является отказ от придуманной евреями демократии в пользу авторитарного государства, в котором вся власть предоставляется главе страны или «Лидеру» [25, с. 17–19].

В последующие годы отдельные эпизоды деятельности в НСД припоминались Д. Тинделлу и ложились темным пятном на его политических амбициях, что особенно наглядно проявилось во время борьбы за место председателя Национального фронта в 1975 г. На протяжении 1970-х гг. антифашистские издания неоднократно публиковали фотографии Тинделла и Джордана периода их членства в НСД в нацистской униформе, а также на фоне флага со свастикой и портрета А. Гитлера [19, с. 180–181]. Хорошо иллюстрирует радикальные взгляды лидеров НСД интервью, взятое у Д. Тинделла одним журналистом, в частности, вопрос о приеме новых членов в движение. По словам Тинделла, «качествами, с помощью которых определяется хороший арийский кандидат на вступление в НСД, являются чистота крови, отсутствие тяжелых наследственных заболеваний, вера в расовую исключительность, а также приверженность духу и слову учения Адольфа Гитлера и верность национал-социалистическим принципам» [23, с. 23]. Он говорил: «Когда ты видишь, что твоя нация и твой народ находятся в опасности, лучше действовать, пусть даже в неверном ключе, чем не действовать вовсе» [26, с. 181–182].

Вскоре после череды внутренних склоков Д. Тинделл и его соратник М. Вебстер покинули НСД, чтобы основать в 1964 г. Движение за более великую Британию (ДВБ, Greater Britain Movement). В идеологическом плане Движение за более великую Британию стремилось создать образ, отличный от НСД, связанный с британским патриотизмом, однако в программных документах все еще можно было обнаружить отсылки к идеологии национал-социализма. При создании нового движения Д. Тинделл обещал своим сторонникам, что, «несмотря на смену названия, ни у кого не должно возникнуть сомнений в изменении идеологии. Движение за великую Британию будет всегда отстаивать чистый национал-социализм» [13, с. 3]. В опубликованной программе ДВБ подчеркивалась необходимость создания британского национал-социалистического государства, в котором «членами нации смогут быть лишь коренные британцы или люди с арийской кровью», а «первостепенной целью нового порядка будет изгнание из Британии всех евреев» [13, с. 15].

Обращаясь в своей автобиографии к рассматриваемому периоду, Тинделл отмечает, что «создание Движения за Великую Британию было «временной мерой», – оно стало транзитной базой, откуда дух единства должен был распространиться по всему праворадикальному обществу, особенно благодаря журналу *Spearhead* [26, с. 192].

Таким образом, к середине 1960-х гг. за лидерство на крайне правом фланге британской политики боролись не менее пяти различных организаций: Движение за великую Британию, Национал-социалистическое движение, Британская национальная партия, Лига верноподданных империи и Юнионистское движение. При этом можно сказать, что ни одна из этих организаций не смогла стать значимой силой, использовав антииммигрантские или расово-националистические мотивы. Численность Лиги верноподданных империи упала от отметки в несколько тысяч в период наибольшего расцвета в конце 1950-х примерно до ста человек. По оценкам Правления совета британской еврейской общины, Юнионистское движение Мосли насчитывало не более 200 активных членов, в рядах Британской национальной партии

состояло 500 человек, однако число активных сторонников было гораздо меньше, численность же ДВБ и НСД вместе не превышала 100 человек [23, с. 61].

Однако к этому времени в политической жизни Великобритании появилась новая проблема, которая, как казалось, представляет большие возможности для массового праворадикального движения. Так, уже в 1955–57 гг. в страну въехало около 132 000 цветных иммигрантов из стран Британского содружества, 80 000 из которых были из Вест-Индии. За один только 1960 г. в Британию приехало порядка 60 000 иммигрантов из Индии и Пакистана, Вест-Индии, а в 1961 г. годовой прирост цветной иммиграции впервые в истории превысил 100 000 человек [22, с. 10].

Первые сигналы о напряженности, связанной с прибытием новых иммигрантов, имели место во время событий еще 1958 г. в Ноттинг Хиле. Причины подобной напряженности объясняются социальными процессами – иммигранты из отдельных регионов происхождения, говорящие на одном языке или исповедующие одну религию, стремились компактно селиться рядом друг с другом. Такие места, как Саутхолл (Southall) рядом с Лондоном, Смесвик (Smethwick), отдельные районы Бирмингема, Манчестера и Бредфорда, быстро стали центрами формирования закрытых иммигрантских общин – гетто. Очень скоро в таких иммигрантских районах стали появляться маленькие магазины и рестораны для своих, а в местных кинотеатрах даже стали показывать азиатские фильмы [28, с. 51].

Хотя тревога из-за наплыва иммигрантов уже стала заметна на общенациональном уровне, к началу 1960-х гг. она все еще была локальной темой. Наиболее остро она провалилась в тех районах, где в первую очередь концентрировались иммигранты. Например, депутат Парламента от Саутхола Джордж Пагите предлагал полностью запретить дальнейший прием иммигрантов в этом городке, за что подвергся критике своих коллег из Лейбористской партии. В местном Совете даже были предложения ввести раздельное обучение для британцев и иммигрантов [28, с. 52].

Наиболее показательный случай произошел на выборах в Парламент в 1964 г. в городке Смесвик рядом с Бирмингемом, когда победу неожиданно одержал никому не известный местный активист тори Питер Гриффитс. Премьер-министр Гарольд Вилсон после этих событий назвал Гриффитса «политическим прокаженным», которому никто не подаст руки. Дело в том, что во время избирательной кампании в городе появлялись листовки и граффити, в которых говорилось, например, следующее: «Если вы хотите, чтобы вашим соседом стал нигер, – голосуйте за Лейбористов» [20, с. 933–934].

Актуализация проблемы массовой цветной иммиграции открывала перспективу выхода на большую политическую сцену праворадикальным, популистским и пост-фашистским движениям, которой они попытались воспользоваться в начале 1960-х гг. Освальд Мосли направил в 1959 г. все свои ресурсы на выборы в Ноттинг Хилле. Главный их посыл состоял в том, что Юнионистское движение займется репатриацией цветных иммигрантов. Причем Мосли отмечал, что это будет делаться гуманными методами при финансовой поддержке государства. В обосновании репатриации он приводил доводы, до которых дойдут британские правые лишь в начале 2000-х гг. Что высококвалифицированные иммигранты, получившие опыт работы на промышленных предприятиях в Великобритании, смогут внести огромный вклад в развитие своих собственных стран (когда вернутся домой) [7, с. 176].

Британская национальная партия сконцентрировалась на политической активности и построении активистской базы в районах, пострадавших от наплыва иммигрантов, – в Саутхоле и Депфорде. В 1960 г. БНП выставила трех кандидатов на выборы в местные советы, которые набрали в среднем довольно значительные 8 % голосов. А в 1964 г. один из лидеров партии Джон Бин на выборах в Парламент показал один из самых высоких результатов для правых радикалов – более 9 % [11, с. 31]. Однако результаты БНП были локальными и ограничивались лишь несколькими проблемными районами страны.

Наиболее заметная инициатива в этом вопросе исходила от Джона Тинделла. По его мнению, разрозненным праворадикальным группам необходимо было обратиться к потенциальным сторонникам из лагеря традиционных правых, консерваторов, о чем он размышлял на страницах *Spearhead* [5, с. 7–8]. Основания для этого давала победа лейбористов на выборах в начале 1966 г. и, как следствие, разочарование в рядах Консервативной партии, открывавшее перед правыми радикалами хорошие перспективы. Успех в этом деле помог бы преодолеть разрозненность, сектантский характер праворадикальных организаций и сплотить вместе мелкие группы. Д. Тинделл писал: «Насколько бы ни были сильны аргументы в пользу

разделения, они разбиваются при сопоставлении с фактами, говорящими о том, что продолжающая разрозненность порождает слабость, которая в свою очередь порождает постоянные неудачи» [17, с. 9].

Однако очевидным препятствием на пути к объединению, и в особенности привлечению консервативного электората, было пристрастие Д. Тинделла и других активистов праворадикального движения к национал-социализму. По словам Н. Копси, чтобы стать приемлемой фигурой для потенциальных сторонников из числа тори и даже для «умеренных» правых радикалов, таких как А. К. Честертон или Д. Бин, Тинделл должен был продемонстрировать отход от национал-социализма или, по крайней мере, «скрыть свой стальной кулак вельветовой перчаткой» [5, с. 15]. Действуя в этом направлении, журнал *Spearhead* в публикациях 1966 г. декларирует отказ от идеологии национал-социализма.

В этом же году Д. Тинделл публикует свой очередной программный памфлет под названием «Шесть принципов британского национализма». Эта работа представляет собой некую объединительную программу для британских правых, нацеленную на создание политической организации нового типа, способной завоевать массовую поддержку избирателей на выборах. Особенностью «Шести принципов» является «заигрывание с демократией», практически полное отсутствие упоминаний о еврейском заговоре и восхваление идеологии национал-социализма. Общее впечатление от работы Тинделла – это прагматизм политика, который сделал отход от своего неонацистского прошлого, под влиянием современных политических реалий. Высокую оценку труду «Шесть принципов британского национализма» дал ветеран праворадикального движения А. К. Честертон [28, с. 78].

В этой работе Д. Тинделл, по сути, сформулировал контуры той идеологии, которой в том или ином виде будет придерживаться Национальный фронт в течение 1970-х гг. Тинделл придавал большое значение выживанию британцев как народа с отличительными качествами, унаследованными от предшествующих поколений, сделавших Британию великой страной. Он предостерегал, что «если когда-либо изменится основополагающий характер британского народа и будут утеряны его наследственные черты, то никакие улучшения в его институтах не уберегут народ от плачевного будущего» [24, с. 96–97].

По словам одного из участников праворадикальных движений в 1960–70-х гг. Девида Маккалдена, стремление к объединению было неким «общим спонтанным чувством среди праворадикальных групп в тот период, произрастающим из состояния фрустрации от своего бессилья мелких раскольнических групп» [8, с. 19]. Поскольку, несмотря на большие амбиции и громкие названия, ни одно из указанных движений не оказало значительное влияние на британскую политическую жизнь.

Период примерно двух десятилетий после окончания Второй мировой войны стал для британского правого радикализма временем трансформации и появления политических движений нового типа. От довоенного периода Британии остались деятели фашистских движений, которые постарались приспособиться к изменившимся общественно-политическим условиям. Освальд Мосли, Арнольд Лиз и А. К. Честертон стали наиболее заметными фигурами на праворадикальной сцене британской политики. Каждый из них предложил свою формулу влияния на общественно-политическую жизнь: через участие в избирательных кампаниях и уличных акциях, как Юнионистское движение Мосли, создание публицистического кружка для наиболее радикально настроенных последователей, как сделал Арнольд Лиз, или же участие в политике через группу влияния, нацеленную на сторонников Консервативной партии – Лига верноподданных империи А. К. Честертон. В идеологическом плане эти три направления также демонстрировали различные стратегии изменения. Наиболее конформистским остался А. Лиз, продолжавший придерживаться своих довоенных расистских концепций, в отличие от О. Мосли, серьезно переработавшего свою политическую платформу в сторону панъевропейских идей и отказа от конспирологии. А. К. Честертон попытался предложить своим сторонникам путь общественно приемлемого ультрапатриотизма, защиты Британской империи и осуждения фашизма и антисемитизма.

Тем не менее все эти группы были скорее логическим продолжением довоенной политической традиции, нежели новыми явлениями в британской политике. Несмотря на то, что многие правые радикалы высоко ценили расовые концепции и личность Арнольда Лиза, он не стал по-настоящему лидером движения из-за своей одиозности. Еще более печальная судьба постигла Освальда Мосли, поскольку его продуманные идеологические построения оказались сложными для массового движения, и очень скоро главный британский фашист

ушел в забвение. И лишь А. К. Честертон смог заработать достаточный авторитет и подготовить организационную базу для создания единого праворадикального движения под своим руководством в конце 1960-х гг. Однако очень скоро и он уступил место новому поколению политиков, привнесших в правый радикализм новую повестку.

Главным контекстом общественно-политической жизни Великобритании 1950–60-х гг., который способствовал идеологической трансформации правого радикализма, была массовая цветная иммиграция в страну людей из бывших колоний. Проблема деколонизации и наплыва цветных беженцев стремительно стала одной из важнейших тем, которые определяли политический климат в странах Западной Европы. Именно в это время в большинстве стран Европы формируются праворадикальные движения нового типа – антииммигрантские партии. Общим для движений этого типа был акцент на защите местного европейского общества от последствий иммиграции – роста безработицы, преступности, падения уровня культуры и др. Несмотря на то, что на словах новые движения отрицали свою связь с фашистской традицией, в их идеологии находили отклик расовые концепции, идеи сохранения «белой Европы и т. д.».

В Великобритании в рассматриваемый период возникло довольно много мелких партий и кружков – Движение за более великую Британию, Национал-социалистическое движение, Национальная трудовая партия, Британская национальная партия и др., которые с тем или иным успехом пытались использовать иммиграционную проблему. Наиболее успешной в этом направлении была работа Британской национальной партии, – партия вела агитационную работу в районах, пострадавших от массового наплыва иммигрантов, и относительно успешно выступила на местных и парламентских выборах. Успех партии был обусловлен тем, что она обращалась к опасениям жителей этих районов, преимущественно белого рабочего класса, видевших в мигрантах угрозу своему привычному образу жизни. Обращение к очевидным проблемам, таким как иммиграция, оказывалось более эффективной стратегией, нежели создание сложных идеологических построений на основе конспирологии.

Хотя британские правые радикалы так и не смогли достичь значимых электоральных успехов в рассматриваемый период, их деятельность стала образцом подражания для правых антииммиграционных партий континентальной Европы. Так, французский политик Жан-Мари Ле Пен создавал свой Национальный фронт, ставший одной из самых мощных праворадикальных партий Западной Европы, во многом по британскому образцу.

Список литературы

1. Прокопов А. Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932–1940-е гг.). СПб.: Алетейя, 2001. 474 с.
2. Юнгблуд В. Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (4). С. 52–79.
3. Chesterton A. K. The New Unhappy Lords. London : The Coundor, 1965. P. 9.
4. Combat (magazine), May/June. 1960. 23 p.
5. Copsey N. Contemporary British Fascism: the British National Party and the Quest for Legitimacy. New York : Palgrave Macmillan, 2004 (2009). 264 p.
6. Cross C. The Fascists in Britain. Barrie and Rockliff, 1961. 212 p.
7. Eatwell R. Why Has the Extreme Right Failed in Britain? / P. Hainsworth (ed.) The Extreme Right Europe and the USA. London : Pinter. 176 p.
8. Fielding N. National Front. London : Routledge & Kegan Paul, 1981. P. 213.
9. Gothic Ripples (magazine). 15 July 1950. № 66.
10. Ignazi P. Extreme Right Parties in Western Europe. Oxford : Oxford University Press, 2003. 259 p.
11. Macklin G. Modernizing the past for the future / N. Copsey, G. Macklin (ed.). The British National Party: Contemporary Perspectives – Routledge, 2011. Pp. 19–38.
12. Nugent N., King R. Ethnic minorities, scapegoating and the Extreme right // R. Miles, A. Phizaclea (ed.) Racism and Political Action in Britain. London, Boston : Routledge and Paul, 1979. Pp. 31–32.
13. Official Programme of the Greater Britain Movement (n. d.). P. 3.
14. Renton D. Fascism and Anti-Fascism in Britain (lecture). URL: <http://www.dkrenton.co.uk/anl/trent1.htm> (дата обращения: 02.03.2019).
15. Renton D. and Baker D. History of British fascism: from the British Union of Fascists (BUF) to the British National Party (BNP) (lecture) / D. Renton, D. Baker. URL: <http://www.dkrenton.co.uk/anl/trent1.htm> (дата обращения: 02.03.2019).
16. Skidelsky R. Oswald Mosley. London : Macmillan, 1975. 592 p.
17. Spearhead (magazine). July 1966. 28 p.
18. Spearhead (magazine). June 1971. 29 p.

19. Spearhead (magazine). March 1961. 12 p.
20. *Street J.* Malcolm X, Smethwick, and the Influence of the African American Freedom Struggle on British Race Relations in the 1960s // *Journal of Black Studies*. 2008. № 38. Pp. 933–934.
21. *Taylor S.* The National Front in English Politics. Basingstoke : Macmillan, 1982. P. 222.
22. *Thayer G.* The British Political Fringe. London : Anthony Blond, 1965. P. 256.
23. *Thurlow R. C.* Fascism in Britain. London : I. B. Tauris, 1998. 290 p.
24. *Tyndall J.* Six Principles of British Nationalism. London : Albion Press, 1970. 133 p.
25. *Tyndall J.* The Authoritarian State. London, 1982. P. 23.
26. *Tyndall J.* The Eleventh Hour: a Call for British Rebirth. London : Albion Press, 1988. P. 560.
27. Union (newspaper). 15 March 1952.
28. *Walker M.* National Front. London : Fontana, 1977. 34 p.

Right-wing radicalism in the UK in the post-war period (1950–60-ies)

I. S. Larionov

degree-seeking student in the degree of PhD in Historical Sciences, Department of History of Modern and Modern Times, St. Petersburg State University. Russia, Saint Petersburg. E-mail: novemberus@yandex.ru

Abstract. In the history of Great Britain during the XX century. It was possible to observe several bursts of activity of radical right-wing ideas. First of all, we are talking about the appearance in the UK in the two pre-war decades of fascist parties inspired by foreign examples. Another significant example of right-wing radical ideology in Britain was the rise of the National Front in the 1970s and the British National Party in the 2000s. These parties, related in origin, tried to become full participants in the British parliamentary system.

In the period between the two peaks of activity, right-wing radicalism occupied an extremely insignificant place on the political scene. However, in the first post-war decades in the UK, as in other European countries, this direction is undergoing an organizational and ideological transformation. There is a shift away from non-parliamentary forms of activity towards greater involvement in electoral processes. Ideologically, the most important factor is the problem of colored immigration in the UK. It is the criticism of immigration policy, and subsequently of the methods of integration of immigrants, that becomes one of the cornerstones of right-wing radicalism.

Keywords: Great Britain, right-wing radicalism, Oswald Mosley, A. K. Chesterton, John Tindell, National Front.

References

1. *Prokopov A. Yu.* *Fashisty Britanii. Soyuz Osvad' da Mosli: ideologi i politika (1932–1940-e gg.)* [Fascists of Britain. The Union of Oswald Mosley: ideologists and politics (1932–1940)]. SPb. Aleteya. 2001. 474 p.
2. *Yungblyud V. T.* *Mirovoj poryadok 1945 g. – process s "otkryтым" prodolzheniem* [The World Order of 1945 – a process with an "open" continuation] // *Vestnik MGIMO-Universiteta – Herald of MGIMO University*. 2020. No. 13 (4). Pp. 52–79.
3. *Chesterton A. K.* *The New Unhappy Lords*. London : The Coundor, 1965. P. 9.
4. *Combat* (magazine), May/June. 1960. 23 p.
5. *Copsey N.* *Contemporary British Fascism: the British National Party and the Quest for Legitimacy*. New York : Palgrave Macmillan, 2004 (2009). 264 p.
6. *Cross C.* *The Fascists in Britain*. Barrie and Rockliff, 1961. 212 p.
7. *Eatwell R.* *Why Has the Extreme Right Failed in Britain?* / P. Hainsworth (ed.) *The Extreme Right Europe and the USA*. London : Pinter. 176 p.
8. *Fielding N.* *National Front*. London : Routledge & Kegan Paul, 1981. P. 213.
9. *Gothic Ripples* (magazine). 15 July 1950. № 66.
10. *Ignazi P.* *Extreme Right Parties in Western Europe*. Oxford : Oxford University Press, 2003. 259 p.
11. *Macklin G.* *Modernizing the past for the future* / N. Copsey, G. Macklin (ed.). *The British National Party: Contemporary Perspectives – Routledge*, 2011. Pp. 19–38.
12. *Nugent N., King R.* *Ethnic minorities, scapegoating and the Extreme right* // R. Miles, A. Phizaclea (ed.) *Racism and Political Action in Britain*. London, Boston : Routledge and Paul, 1979. Pp. 31–32.
13. *Official Programme of the Greater Britain Movement* (n. d.). P. 3.
14. *Renton D.* *Fascism and Anti-Fascism in Britain* (lection). Available at: <http://www.dkrenton.co.uk/anl/trent1.htm> (date accessed: 02.03.2019).
15. *Renton D. and Baker D.* *History of British fascism: from the British Union of Fascists (BUF) to the British National Party (BNP)* (lection) / D. Renton, D. Baker. Available at: <http://www.dkrenton.co.uk/anl/trent1.htm> (date accessed: 02.03.2019).

16. Skidelsky R. Oswald Mosley. London : Macmillan, 1975. 592 p.
17. Spearhead (magazine). July 1966. 28 p.
18. Spearhead (magazine). June 1971. 29 p.
19. Spearhead (magazine). March 1961. 12 p.
20. Street J. Malcolm X, Smethwick, and the Influence of the African American Freedom Struggle on British Race Relations in the 1960s // Journal of Black Studies. 2008. No. 38. Pp. 933-934.
21. Taylor S. The National Front in English Politics. Basingstoke : Macmillan, 1982. P. 222.
22. Thayer G. The British Political Fringe. London : Anthony Blond, 1965. P. 256.
23. Thurlow R. C. Fascism in Britain. London : I. B. Tauris, 1998. 290 p.
24. Tyndall J. Six Principles of British Nationalism. London : Albion Press, 1970. 133 p.
25. Tyndall J. The Authoritarian State. London, 1982. P. 23.
26. Tyndall J. The Eleventh Hour: a Call for British Rebirth. London : Albion Press, 1988. P. 560.
27. Union (newspaper). 15 March 1952.
28. Walker M. National Front. London : Fontana, 1977. 34 p.

Реорганизация систем государственного управления в Российской и Британской империях в годы Первой мировой войны (сравнительный анализ)

И. Н. Бражников

аспирант общеуниверситетской кафедры всеобщей и отечественной истории
Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. E-mail: ivanbbb@mail.ru

Аннотация. В данной статье проводится сравнительный (фактический) анализ изменений политических, законодательных, экономических структур государственного управления в Российской империи и Великобритании в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

Возникновение в обеих Империях органов военно-экономического регулирования привело к диаметрально противоположным результатам деятельности государственного аппарата. В Британской империи буржуазия и общественно-политические движения консолидировали свою деятельность, отказываясь от многих демократических прав в пользу усиления государственного управления. В этом плане к числу важнейших последствий Первой мировой войны относится расширение законодательных полномочий и фактической власти правительства. В 1914 г. был приостановлен Habeas corpus акт и принят Акт о защите государства, законно передававший правительству на время войны всю полноту власти. По окончании войны этот акт был отменен, однако некоторые права, врученные правительству в качестве временных и экстраординарных, продолжали применяться и после их официальной отмены. В то же время в Российской империи стремление буржуазии и политических партий к созданию наиболее благоприятных условий для достижения своих политических и экономических целей привело к тому, что появление органов военно-экономического регулирования крайне нерационально перестроило всю систему государственного управления, с точки зрения обеспечения единства в деятельности ее отдельных звеньев. Усиление деятельности общественных организаций одновременно с нарастанием кризисных явлений, привело к разобщенности в деятельности важнейших звеньев государственного аппарата. Образование большого количества правительственных, общественных и, по сути, коммерческих структур, создало огромные трудности в деятельности системы управления государством.

Ключевые слова: Первая мировая война, эффективность управленческих решений, государственное управление, Российская империя, Британская империя, военно-экономическое регулирование.

Введение. Данная статья посвящена оценке изменений структуры и функционала системы государственного управления, прошедших в Российской и Британской империях в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

Дается апостериорная (фактическая) оценка на основе эффективности принимаемых управленческих воздействий государственного аппарата Российской и Британской империй, определяемой по результатам Первой мировой войны.

Постановка проблемы. Первая мировая война оказала заметное влияние на формирование и реформирование государственного аппарата Российской и Британской империй. Причем можно отметить как совпадения, так и существенные отличия.

Принятие управленческих решений – это основной инструмент управляющего воздействия. Именно в разработке решений, их принятии, реализации и контроле заключается деятельность всего аппарата государственного управления. Оценка эффективности итогов этих решений играет важную роль в деятельности всего государства в целом.

Методология исследования. В статье используются методы оценки эффективности управленческих решений: теоретическая (априорная), на основе которой делается обоснованный выбор альтернативы для реализации, и фактическая (апостериорная) эффективность решения, определяемая по результатам его реализации. Также выделяются два аспекта эффективности управленческих решений – целевой и затратный. Целевой аспект выражает меру достижения целей организации, а затратный – экономичность способов преобразования ресурсов в результаты экономики и промышленности государства.

Результаты исследования. Всего в мировую войну было вовлечено 38 государств с населением 1,5 млрд. человек. Каждая страна в этом конфликте надеялась на решение своих

политических, экономических, национальных и других проблем. Российская империя помимо экономических причин, обусловивших выбор союзников, вынашивала собственные геополитические планы: захват черноморских проливов, укрепление на Балканах и тому подобное. Британская империя стремилась подорвать стремительный экономический рост Германии и сохранить свое морское и колониальное могущество.

Война вызвала в русском и английском обществе мощный патриотический подъем.

В России на заседании IV Государственной Думы представители почти всех фракций призывали прекратить политические дразги и сплотиться во имя единой цели – победы. Дума единогласно проголосовала за военные кредиты (лишь социал-демократы при голосовании воздержались), продемонстрировав свое единство с правительством. Забастовки рабочих прекратились.

В Англии началась политика «национального единства». Политики, идеологи, журналисты увлекали народ лозунгами «защиты отечества», «борьбы за демократию» и т. д. 6 августа лейбористская фракция парламента проголосовала за военные кредиты. Лидеры тредюнионов пошли на «промышленное перемирие» с предпринимателями [6, с. 167]. Государственный политический аппарат принял законы, усиливающие централизацию государственной власти.

Изменения в государственном аппарате Российской империи в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.). В начале XX в. Россия занимала пятое место по объему промышленного производства в мире [1, с. 511].

ТАБЛИЦА 2.1.
Величина крупнейших европейских держав
и мировых империй в 1913 г.

Страна	ВВП метрополии, млрд долл.*	Население метрополии, млн чел.	Население колоний, млн чел.	Доля ВВП колоний в ВВП метрополии, %	ВВП империи (оценка), млрд долл.*
США	517,4	97,6	10,0	2	528
Германия	280,0	67,0	12,5	3	288
Россия	265,1	170,9	—	—	265
Великобритания	229,6	45,7	394,4	146	565
Франция	129,0	39,8	47,6	23	159
Австро-Венгрия	122,4	47,5	—	—	122
Италия	96,4	35,4	1,9	1	97
Испания	41,6	20,2	0,9	1	42
Бельгия	32,4	7,6	11,0	20	39
Нидерланды	22,0	6,2	49,9	181	62
Турция / Османская империя	18,3	13,0	12,3	40	26
Португалия	7,5	6,0	5,6	43	11

* В международных долларах 1990 г.

Источники: Broadberry and Klein 2008, cols. 1, 2; Etémad 2000, col. 3; Carreras 2006 (на основе Maddison 2001, col. 4), однако данные по США и Турции / Османской империи даны на основе Maddison 2007.

Война вынудила правительство к принятию ряда чрезвычайных правовых мер, приспособляющих государственное устройство России к военным условиям. Верховным главнокомандующим стал император, при нем в Москве учреждалась Ставка. Ей подчинялись действующая армия, а также Балтийский и Черноморский флоты. Тыловые военные округа были под началом Военного министерства. Для урегулирования межведомственного управления создавались особые совещания.

В то же время Государственно-монополистические органы периода войны создавались под влиянием экстренных условий.

До середины 1915 г. государственный аппарат Российской империи опирался на систему министерств. Одновременно стали создаваться отраслевые комитеты, в состав которых входили и представители буржуазии. Коммерческие структуры (буржуазия) делали попытки создания собственных органов, претендующих на экономическое руководство. Самодержавие препятствовало этому, опасаясь, что ситуация выльется в «заговор». Все же в июле – августе 1914 г. состоялись съезды представителей земских и городских организаций, которые образовали соответственно Земский и Городской союзы (Земгор). Эти общественные организации буржуазии ставили задачу помощи раненым, беженцам, поставки медикаментов и т. д. Они имели исполнительные органы, губернские, уездные и городские комитеты. Постепенно их функции усложнялись, а деятельность активизировалась. Они получали права юридических лиц, объединяли деятельность мелкой промышленности и сыграли известную роль в объединении буржуазии.

В ходе войны произошло сближение практически всех звеньев государственного управления и частнопредпринимательских структур.

Летом 1915 г. правительство приступило к формированию системы государственно-монополистических органов – Особых совещаний. В дальнейшем были образованы отраслевые комитеты и специальные комиссии с участием буржуазии. Степень их влияния на экономическую жизнь воюющей России оказалась значительной, в большей степени отрицательной.

При таком множестве различных государственных и, по сути, коммерческих организаций, управление тылом воюющей страны было крайне затруднено. Если раньше при проведении в жизнь правительственного законопроекта вставал вопрос только о характере взаимоотношений между Советом министров и одним Особым совещанием по обороне, то теперь помимо этой же проблемы применительно к четырем Особым совещаниям возникла еще и другая проблема – проблема координации работы самых Совещаний. Вопросы, которыми они занимались, были теснейшим образом связаны друг с другом, в силу чего успешное выполнение тем или иным Совещанием своих обязанностей оказывалось немыслимым без активной поддержки других Совещаний.

Примечательно, что даже Председатель Особого совещания по обороне не получил прав, достаточных для того, чтобы эффективно координировать деятельность всех Совещаний. По свидетельству А. А. Маниковского, военный министр не мог ничего поделать с «путями сообщений, с торговлей и промышленностью, с земледелием и прочими «удельными княжествами», каждое из которых вело «свою политику» и стремилось показать, что я-де, мол, «сам с усам» [18, с. 106].

На этом фоне показателен отрывок из письма действующего премьер-министра Великобритании Генри Асквита влиятельному лорду (и следующему главе правительства) Ллойд-Джорджу: «...я твердо придерживаюсь того взгляда, что военный комитет (без всякой хулы по адресу нынешнего комитета, который, по-моему, является весьма работоспособной организацией...) нуждается в численном сокращении его состава. Тогда он сможет чаще заседать и легче справляться с теми повседневными вопросами, которыми он должен заниматься» [9, с. 646].

В целом к середине 1915 г. управление тылом «расчленило» на две во многом изолированные друг от друга сферы – общеполитическую, составляющую предмет занятий кабинета, и сферу военно-экономического регулирования, где царили Особые совещания, причем объединение деятельности последних также в достаточной степени не обеспечивалось.

Весьма длительная и сложная процедура разрешения конфликтов между органами военно-экономического регулирования, будучи обусловлена юридическим равенством этих учреждений друг другу, абсолютно не соответствовала тем требованиям, которые война предъявляла к работе государственного аппарата Российской империи. Это создало структуру многовластия в тылу, что чрезвычайно отрицательным образом сказалось и на мобилизации экономики, и на организации управления страной в целом.

Генерал Брусиллов вспоминал: «Большинство министров назначались управлять такими министерствами, которые им ранее были совсем неизвестны, и каждый из них должен был начинать с того, что знакомился с теми функциями, которые ему надо было исполнять. Но, в сущности, и на это у них времени не было, так как они главным образом должны были заниматься борьбой с Государственной Думой и общественным мнением, чтобы отстоять свое существование» [10, с. 290].

Великобритания в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Несмотря на то, что довоенная экономика Англии представляла сравнительно мощную материальную базу, страна оказалась не подготовленной к ведению длительной войны. Государственное управление формировалось в мирное время и было ориентировано на «быструю войну» [22, с. 18]. План материального обеспечения вооруженных сил предусматривал использование в военное время только кадровой военной промышленности.

Как и рассчитывали правящие круги Англии, начало войны временно разрядило политическое напряжение в стране. Буржуазным политикам, идеологам, журналистам удалось отвлечь массы лозунгами «защиты отечества», «борьбы за демократию» и т. д. [6, с. 167].

Так началась политика «национального единства». 6 августа лейбористская фракция парламента проголосовала за военные кредиты. Лидеры тред-юнионов пошли на «промышленное перемирие» с предпринимателями, т. е. под предлогом обеспечения «наших парней на фронте» вооружением отказались от стачек [8, с. 280].

В феврале 1918 г. была проведена реформа избирательного права, принятая парламентом. Три парламентские реформы XIX в. (1832, 1867, 1884), постепенно расширяя состав избирателей, оставили без политических прав не только всех женщин, но и бедняков-мужчин. Новая реформа была важным шагом вперед, так как она впервые ликвидирована имущественный ценз. Все мужчины, достигшие 21 года, получили избирательное право. Оставался небольшой ценз оседлости – 6 месяцев. Избирательное право предоставлялось также женщинам. Количество избирателей сразу выросло с 8 млн. до 21 млн. человек [7, с. 270].

Почти одновременно парламент провел реформу народного образования, введившую обязательное бесплатное обучение до 14 лет. Правительство ввело также пособие для демобилизованных солдат, выплачиваемое вплоть до их устройства на работу [8, с. 287].

Угольная промышленность, железные дороги и судоходство – все перешло под контроль государства. Забастовки были строжайше запрещены. На заводах и фабриках трудилось огромное количество женщин, заменивших ушедших на фронт мужей. Такая консолидация общественных и политических сил позволила объявить всеобщую воинскую повинность только в 1916 г., спустя два года после начала войны [20, с. 52], до того в армии служили добровольцы, и для их привлечения использовалась порой прямолинейная, но весьма эффективная пропаганда.

Радикальные противники войны из числа «левых» саркастически отмечали, что три года военного времени обеспечили большее количество социальных реформ, чем предыдущие двадцать пять лет с их политической борьбой всевозможных фракций и группировок.

В то же время уже в конце 1915 г. активно проводилась всеобщая мобилизация гражданской промышленности для нужд войны, т. е. переход гражданских заводов на производство специальной военной продукции. Под контролем правительства к 6 декабря 1915 г. находилось 2026, а к 1 августа 1916 г. 4052 промышленных предприятия.

Значительные изменения произошли за время войны и в системе продуктовой безопасности. 5 августа 1914 г. был создан правительственный комитет, который устанавливал твердые цены и собирал данные о запасах продуктов питания. Было также запрещено экспортировать продовольствие, а через несколько месяцев – это запрещение было распространено и на корм для скота. В октябре 1916 г. была создана государственная комиссия по контролю за доставкой муки и зерна из заокеанских стран, в январе 1917 г. был установлен контроль за торговлей кукурузой, а в дальнейшем и над другими зерновыми продуктами. Также было ограничено и взято под контроль потребление мяса трудовым населением.

Весной 1917 г. были разработаны мероприятия по доставке в сельское хозяйство 60 тыс. лошадей, ввозу удобрений и семян, а также по увеличению посевной площади с 7,8 млн. акров в 1916 г. до 12 млн. акров в 1918 г. Но эти мероприятия не были выполнены из-за недостатка рабочих рук [7, с. 238].

25 апреля 1917 г. палатой общин был принят билль о производстве зерна, включающий в себя законы:

- 1) о минимальных ценах;
- 2) о минимальной зарплате;
- 3) об ограничении права лендлордов повышать земельную ренту;
- 4) о предоставлении министерству земледелия права контроля над сельскохозяйственным производством [8, с 279].

Показателен рапорт от 22 мая 1916 г. морского агента (аналог современного военноморского атташе) Российского Императорского флота капитана 1 ранга В. Сакс. Он докладывал, что при объявлении войны Англия была подготовлена еще хуже, чем Россия. Кроме того, ей пришлось небольшую сухопутную армию развернуть в десятки корпусов, чтобы оказать помощь своим союзникам на сухопутном театре военных действий. Лорд Китченер энергично создавал большую армию, требующую огромного количества снаряжения и боеприпасов. Параллельно и флот начал быстро достраивать свои корабли и требовал величайшего напряжения всей промышленности для его снабжения и скорейшего ввода в строй надводных и подводных судов. Данные факторы обусловили необходимость создания в Великобритании нового ведомства – Министерства снабжения. Деятельность данного министерства была направлена на обеспечение всем необходимым в первую очередь армии и флота Англии, только при наличии излишков выделять их союзникам [15, с. 64].

Новое министерство сразу же стало осуществлять строжайший контроль всей английской промышленности и подчинило себе все заводы, хоть как-то приспособленные для производства продукции военного назначения. Все заказы, как поступившие до войны, так и после ее начала, выполнялись только с разрешения Ллойд Джорджа. Министерство снабжения Великобритании вело учет всем контрактам и распределяло их в порядке срочности по категориям А, В и С в зависимости от степени важности данного заказа, а также принимая во внимание от кого исходил заказ. К категории А относились все заказы, полученные от английского Военного министерства и Адмиралтейства, к категории В – заказы их контрагентов, к категории С – частные заказы [15, с. 64–65].

Заключение. Если в Великобритании весь военный период происходило увеличение влияния государства на экономику, общественную деятельность, правовые и политические процессы, то в Российской империи рост разобщенности в управлении империей стимулировался установившейся с самого начала войны обособленностью органов стратегического руководства действующей армией от высшей гражданской администрации. Неоднократно предпринимавшиеся высшей властью в 1914–1917 гг. попытки решить проблему единства государственного управления, в конечном счете, не давали сколько-нибудь ощутимый эффект. Вместе с тем их следствием явились заметные изменения, происходившие в этот период в положении Государственной Думы, Государственного Совета, Совета министров, в их организационном устройстве, а также в целом в управлении страной.

В условиях мировой войны и усиления всех противоречий в государстве в России возник общенациональный кризис, обострившийся в январе – феврале 1917 г. Это стало одним из основополагающих факторов Февральской революции, которая ликвидировала самодержавие и лишила Россию победы в Первой мировой войне.

В то же время Британская империя стала страной-победительницей. Сохранила свой статус ведущей мировой державы. Обеспечила промышленно-экономическую стабильность, в т. ч. за счет получения новых колоний – рынков сбыта (Великобритания получила мандат Лиги Наций на управления частями распавшихся Германской и Османской империй (Палестина, Иран, Трансиордания, Танганьика, часть Камеруна и часть Того).

Список литературы

1. Бродберри С., Брюс М. С. *Кэмпбелл, Кляйн А., Овертон М., Бас ван Левен*. Экономический рост Великобритании, 1270–1870 годы. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2015. С. 461.
2. Вавилин, И. П. *Иностраннный капитал в России / И. П. Вавилин.* – Л., 1925. С. 126.
3. *Виноградов К. В. Дэвид Ллойд Джордж*. М., 1970. С. 219.
4. *Джонсон Пол «История американских людей».* (A_History_of_the_American_People. Paul Jonson.) С. 640.
5. *Ерофеев Н. А.* Очерки по истории Англии. 1815–1917. М., 1959. С. 167.
6. *История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / под редакцией И. И. Ростунова.* – в 2-х томах. – М.: Наука, 1975, т. 2. С. 238.

7. Кертман Л. Е. География, история и культура Англии 1815–19117 гг., с. 297.
8. Ллойд-Джордж. Военные мемуары. 1933. Т. I–VI. С. 3531.
9. Лукоянов И. В. Камарилья // Россия и Первая мировая война : мат-лы Международного научно-го коллоквиума. СПб. : Д. Буланин, 1999. С. 839.
10. Макаров С. В. Совет министров Российской империи. 1857–1917: государственно-правовые проблемы. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.
11. Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. 20 февраля – 2 июня 1907 года. М. : Центрполиграф, 2012. С. 336.
12. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М. : Международные отношения, 1991. С. 472.
13. Политическая история России : учебное пособие / отв. ред. проф. В. В. Журавлев. М. : Юристъ, 1998. С. 696.
14. Пуришкевич В. Дневник // Святой черт : сборник. М. : Кн. палата, 1990. С. 252.
15. РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота). Ф. 401. Оп. 6. Д. 939.
16. Страхов В. В. Внутренние займы в России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 28–43.
17. Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. С. 206.
18. Хмелевская Ю. Ю. Британская армия в 1914–1917 гг. От эйфории патриотизма к психологии большой войны // Из британской истории нового и новейшего времени. Челябинск, 1992. С. 52.
19. Шатковская Т. В. История отечественного государства и права : учебник. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»; Ростов н/Д : Наука-Пресс, 2007. С. 414.
20. Эиворт У. Экономическая история Англии 1870–1939. Лондон, 2013. С. 456.

Reorganization of public administration systems in the Russian and British Empires during the First World War (comparative analysis)

I. N. Brazhnikov

postgraduate student of the University-wide Department of General and National History of the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. Russia, Moscow. E-mail: ivanbbb@mail.ru

Abstract. This article provides a comparative (factual) analysis of changes in the political, legislative, and economic structures of public administration in the Russian Empire and Great Britain during the First World War (1914–1918).

The emergence of military-economic regulatory bodies in both Empires led to diametrically opposite results of the activities of the state apparatus. In the British Empire, the bourgeoisie and socio-political movements consolidated their activities, renouncing many democratic rights in favor of strengthening public administration. In this regard, one of the most important consequences of the First World War is the expansion of legislative powers and the actual power of the Government. In 1914 The Habeas Corpus Act was suspended and the Act for the Protection of the State was adopted, legally transferring full power to the Government for the duration of the war. At the end of the war, this act was repealed, but some of the rights awarded to the Government as temporary and extraordinary continued to apply even after their official cancellation. At the same time, in the Russian Empire, the desire of the bourgeoisie and political parties to create the most favorable conditions for achieving their political and economic goals led to the fact that the emergence of military-economic regulatory bodies extremely irrationally rebuilt the entire system of public administration, from the point of view of ensuring unity in the activities of its individual links. The strengthening of the industrial activity of the administration of the public management organizations system simultaneously with the rapid increase in the responsibility of the recent crisis phenomena, international has led to the image of disunity in the empire of the activities of the most important under the influence of the links of the state state of the Russian apparatanako. The formation of a large number of governmental, public and, in fact, commercial structures has created enormous difficulties in the activities of the state management system.

Keywords: World War I, efficiency of management decisions, public administration, Russian Empire, British Empire, military and economic regulation.

References

1. Broadberry S., Bruce M. S. Campbell, Klein A., Overton M., Bas van Leeuwen. *Ekonomicheskij rost Velikobritanii, 1270-1870 gody* [The economic growth of Great Britain, 1270–1870]. Cambridge. Cambridge University Press. 2015. P. 461
2. Vavilin, I. P. *Inostrannyj kapital v Rossii* [Foreign capital in Russia] / I. P. Vavilin. L. 1925. P. 126.

3. Vinogradov K. V. *Devid Lloid Dzhordzh* [David Lloyd George]. M. 1970. P. 219.
4. Johnson Paul "Istoriya amerikanskih lyudej". (*A sledstviem History protivnikom of politicheskikh the vsej American stepeni People. raskhody Paul dyakin Johnson.*) ["History of American people". (*A the consequence of History the opponent of political the all Amegic stepen People. expenses Paul dyakin Johnson.*)]. P. 640.
5. Erofeev N. A. *Ocherki po istorii Anglii. 1815–1917* [Essays on the history of England. 1815–1917]. M. 1959. P. 167.
6. *Istoriya Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg.* – History of the First World War of 1914-1918 / ed. by I. I. Rostunov. In 2 volumes. M. Nauka (Science). 1975. Vol. 2. P. 238.
7. Kertman L. E. *Geografiya, istoriya i kul'tura Anglii 1815–1917 gg., s. 297.8* [Geography, history and culture of England 1815-1917]. P. 297.8. *Lloyd George Voennye memuary. 1933. Vol. I–VI* [Military memoirs. 1933. Vol. I–VI]. P. 3531.
9. Lukoyanov I. V. *Kamaril'ya* [Kamarilla] // *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna : mat-ly Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* – Russia and the First World War : the materials of the International Scientific Colloquium. SPb. D. Bulanin. 1999. P. 839.
10. Makarov S. V. *Sovet ministrov Rossijskoj imperii. 1857–1917: gosudarstvenno-pravovye problemy* [Council of Ministers of the Russian Empire. 1857–1917: state and legal problems]. SPb. Publishing House of St. Petersburg University. 2000.
11. Maklakov V. A. *Vtoraya Gosudarstvennaya дума. 20 fevralya – 2 iyunya 1907 goda* [The Second State Duma. February 20 – June 2, 1907]. M. Centrpoligraf. 2012. P. 336.
12. *Paleologue M. Carskaya Rossiya nakanune revolyucii* [Tsarist Russia on the eve of the revolution]. M. International Relations. 1991. P. 472.
13. *Politicheskaya istoriya Rossii : uchebnoe posobie* – Political history of Russia : textbook / ed. Prof. V. V. Zhuravlev. M. Yurist (Lawyer). 1998. P. 696.
14. Purishkevich V. *Dnevnik* [Diary] // *Holy devil : collection*. M. Knizhnaya palata (Book Chamber). 1990. P. 252.
15. RSA of the Navy (Russian State Archive of the Navy). F. 401. Inv. 6. File 939.
16. Strahov V. V. *Vnutrennie zajmy v Rossii v Pervuyu mirovuyu vojnu* [Internal loans in Russia in the First World War] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2003. No. 9. Pp. 28-43.
17. Florinskij M. F. *Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny: Sovet ministrov v 1914–1917 gg* [The crisis of public administration in Russia during the First World War: The Council of Ministers in 1914–1917]. L. LSU Publishing House. 1988. Pp. 206.
18. Hmelevskaya Yu. Yu. *Britanskaya armiya v 1914–1917 gg. Ot ejforii patriotizma k psihologii bol'shoj vojny* [The British Army in 1914–1917. From the euphoria of patriotism to the psychology of the Great War] // *Iz britanskoj istorii novogo i novejshego vremeni* – From the British history of modern and modern times. Chel-yabinsk. 1992. P. 52.
19. Shatkovskaya T. V. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava : uchebnik* [History of the national state and law : textbook]. M. Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co."; Rostov-na-Donu. Nauka-Press. 2007. P. 414.
20. Ashworth U. *Ekonomicheskaya istoriya Anglii 1870–1939* [Economic History of England 1870–1939]. London. 2013. P. 456.

Журнал *Wschód*: опыт интеллектуального транзита идей прометеизма в польском обществе первой половины 1930-х годов

А. А. Зворыгин

аспирант 2-го курса направления «Всеобщая история стран Европы и Северной Америки»,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: artem_zvorygin@list.ru

Аннотация. Статья посвящена польскому журналу *Wschód* как феномену интеллектуального транзита внешнеполитической концепции Ю. Пилсудского по расчленению СССР (прометеизма) в массовое сознание польского общества в первой половине 1930-х гг. Целью исследования является определение роли журнала и Восточного института в формировании новой национальной идеологии Польши. Вызревшая в журнале концепция России как «тюрьмы народов» была позднее имплицитно воспринята Соединенными Штатами, которые до сих пор не отменили закон о порабощенных нациях и в которых поныне проводится День порабощенных народов. Вплоть до сегодняшнего дня на Западе продолжают использоваться и развиваться концепции, которые предлагались авторами журнала *Wschód* в первой половине 1930-х гг. Главным источником при подготовке статьи стал польский журнал «*Wschód*», который не рассматривался историками как самостоятельный феномен социально-политической жизни Польши в 1930-е гг. В современной историографии тема прометеизма изучается лишь как часть политического польского дискурса 1930-х гг., исследователи не рассматривали каналы, по которым проходила трансляция прометеистских идей в польское общество. С использованием историко-генетического и типологического методов в статье выявлены обстоятельства генезиса Восточного института, кружка востоковедов и журнала. Обосновывается вывод о том, что *Wschód*, помимо решения просветительских задач, занимался выявлением возможных этнических проблем в СССР, организуя в научной среде площадку для их освещения. Советский Союз воспринимался не как многонациональное государство, а как большевистское отражение национальной имперской политики. Политическая элита Польши при помощи журнала «прописывала» вероятные национально-территориальные эскизы, ориентированные на подрыв представлений об СССР как о целостном государстве.

Ключевые слова: Польша, СССР, прометеизм, Междуморье, Идель-Урал, Украина, Конфедерация кавказских народов, *Wschód*, историческая память.

В мае 1926 г. в Польше к власти пришел маршал Юзеф Пилсудский. Недолгий демократический период истории страны завершился¹. Политическая система, основанная Конституцией 1921 г., оказалась нежизнеспособной. Набирали силу националистические настроения, направленные на создание Великопольской державы. Согласно установкам новой внешней политики, намеченными Юлианом Стахевичем, с 1928 г. возглавлявшим Исследовательский институт по новейшей истории Польши, отныне все усилия следовало направлять на то, чтобы «в интересах укрепления мощи державы Польской» использовать в своих интересах «исторические последствия ослабления силы России» [2].

Формулировка исторической миссии Польши, данная Стахевичем, соответствовала стратегической цели Пилсудского, следующим образом сформулированной в его программ-максимум: «Расчленение России лежит в основе польских государственных интересов на Востоке» [30, с. 262]. Создание независимых государств посредством разделения России по национальным швам должно было гарантировать замену Варшавой Москвы в Восточной Европе.

Еще до начала Великой войны в 1910–1914 гг. маршал при финансовой поддержке Генерального штаба австро-венгерской армии создал полуконспиративные школы по подготовке военных, которые образовали костяк Польской войсковой организации (ПОВ) (*Polska Organizacja Wojskowa, POW*) [22, с. 5–39]. В случае возникновения конфликтов ПОВ должна была проводить диверсионно-подрывную деятельность в тылу русской армии, оказывая всевозможную поддержку австрийским войсковым соединениям. Личное руководство националистической повстанческой организацией обогатило маршала опытом, впоследствии пригодившимся при реализации политики в отношении России.

© Зворыгин А. А., 2022

¹ В период с 1918 по 1926 гг. в Польше существовал демократический политический режим до майского переворота 1926 г.

После 1926 г. польская политическая элита приступила к проектированию сети нерусских эмигрантских кружков. Для решения поставленных задач необходимо было создать единый интеллектуальный центр по разработке восточной политики и ее транзита в польское общество. С этой целью был создан ежеквартальный журнал «Восток» (Wschód), который выходил в Варшаве с июля 1930 по март 1939 г.

Журнал издавался от имени Молодежного кружка востоковедов при финансовой поддержке Восточного института в Варшаве [17]. Этот кружок был основан в 1928 г. и продвигал идеи прометеизма – идеологии на стыке политического проекта Ю. Пилсудского, направленного против СССР, и польского историософского мессианского течения.

Цели и задачи Восточного института. Восточный институт был создан 12 марта 1926 г. как общественно-научное учреждение. Предполагалось, что польские культурные связи с Востоком будут поддерживаться путем организации языковых курсов, а также лекций по истории восточных государств [16, с. 17].

Начало работы Восточного института было первым шагом в формировании идентичности Польши в образе Прометея. Идея специализированного исследовательского центра, по замыслу основателей Института, должна была основываться на сосуществовании политической концепции прометеизма с научными и дидактическими задачами польских востоковедов. Таким образом, помимо «обучения и исследования Востока», деятельность Восточного института была сосредоточена на двух глобальных политических задачах: идеологическом оснащении польской молодежи, национальных меньшинств и академических кругов, связанных с Институтом (внутренняя деятельность); распространении идей прометеизма среди эмигрантов (внешняя деятельность).

Формирование антагонистического образа СССР, согласно первой задаче Восточного института, было связано с восприятием русского этноса как доминирующего над малыми народами, которые с момента прихода к власти большевиков боролись за свою независимость. Карта «угнетенных народов в Советской России», напечатанная в первом номере журнала за 1931 г. (Приложение 1), визуализировала прометеевскую программу-максимум – отсечение от центральных районов Советского Союза Украины, Белоруссии, Карелии, Кавказа, Поволжья, Средней Азии, территории проживания коми-зырян, Якутии и Прибайкалья.

Карту предваряла статья «Гигантская борьба современного прометеизма» [12, с. 3], повествующая о проблеме «панюнионизма российской коммунистической партии» [12, с. 6]. Автор статьи, Михал Ковалевски, отделял Советский Союз от Запада из-за существования между ними невидимого барьера социальной структуры, психологии, политических институтов и культурных явлений, что автоматически должно было исключать любые партнерские отношения с врагом в рамках отношений «свой-чужой» (несмотря, как отмечает сам автор, на сильный интерес медианного европейца к «советскому эксперименту» [12, с. 3]).

М. Ковалевски рассуждает о сложностях советской национальной политики, которая должна была, с одной стороны, сохранить право наций на самоопределение, а с другой – подавить центробежные силы на территории бывшей Российской империи [12, с. 5]. Этот процесс «культурного возрождения» малых народов сопровождался жестким ограничением коммунистической идеологии, когда культуре каждой нации предписывалось быть «национальной по форме, но коммунистической по существу» [12, с. 5].

Рассуждения коммунистических вождей, по мнению автора статьи, привели к формированию особой теории советского культурного единства, согласно которой Москва провозглашалась метрополией как коммунистического мира, так и новой пролетарской культуры. Языковое разнообразие не считалось препятствием для того, чтобы новая «пролетарская культура», созданная в Москве, заняла доминирующее положение во всех нерусских регионах, входящих в Советский Союз.

Согласно коммунистической доктрине, любое отклонение от этой линии являлось проявлением контрреволюции и шовинизма, поэтому украинской, грузинской, армянской и прочим национальным литературам предстояло избавиться от своего национального романтизма и проникнуться новыми коммунистическими культурными ценностями, созданными в современном советском Риме – Москве.

Михал Ковалевски полагал, что одновременно с пропагандой мессианской советско-русской культуры, направленной на полное уничтожение и поглощение других национальных культур, все сильнее затягиваются политические узы Союза [12, с. 6].

Работа журнала с эмигрантскими кружками. Одним из примеров работы по эмигрантскому направлению Восточного института являлась небольшая статья под названием «Украинская эмиграция в Польше» (Ukrainiska emigracja w Polsce) [27, с. 40]. Автор статьи благожелательно настроен по отношению к украинской эмиграции, отмечая, что в Польше она «по большей части, состоит из бывших военных армии Украинской Народной Республики², которые рука об руку с польскими войсками сражались с большевиками в 1920 году». По истечении десяти лет с тех пор, как правительство и армия Украинской Народной Республики «были вынуждены покинуть родную землю», эмигранты «не сломлены» и готовы продолжать борьбу [там же, с. 40].

В историческом и современном контекстах на страницах журнала рассматривались различные сюжеты истории международных отношений, современная литература; история польских исследований восточных территорий; деятельность молодежного кружка востоковедов и Восточного института. Особенно важным считался этнический аспект. Значительная часть информации предназначалась для представителей азиатских и восточноевропейских народов, проживавших в Польше.

В 1931 г. в Молодежном кружке востоковедов была организована встреча с бывшим председателем Национального собрания Крымской Народной Республики Джафаром Сейдаметом. Под его авторством вышла статья «Восток и тюрки» (Wschód I tiurkowe) [28, с. 22], в которой рассматривались исторические обстоятельства революций на востоке. «Отголоски политической бури, прокатившейся по Дальнему Востоку, Средней Азии, Индии и Африке, – по мнению автора, – имеют существенное экономическое и политическое значение для Европы [28, с. 22]». Основной причиной революционных движений Востока является не «большевистская пропаганда», а рост самосознания, который автор характеризует как «собственное пробуждение» [28, с. 22]. Отталкиваясь от тезиса немецкого публициста О. Шпенглера о гибели «фаустовской культуры», обоснованного в историософской работе «Закат Европы», и идей президента США Вудро Вильсона, выдвинувшего лозунг о том, что каждая нация творит свою судьбу сама, – Сейдамет писал о начале политической жизни Востока на принципах национализма европейского образца XIX в., благодаря которым Восток «вступает в фазу национально-го поклонения героям» [28, с. 22].

Региональным подтверждением проявления «национальных принципов» стала, по мнению Сейдамета, борьба народов за суверенитет, развернувшаяся на просторах Российской империи между февралем и октябрём 1917 г., когда «Туркестан и Крым выступили в борьбе за свержение российского ига». Всего через несколько недель после февральской революции, отмечает автор статьи, во всех крымских селах были организованы национальные комитеты, представлявшие не отдельные политические партии, а весь народ. На выборах в Учредительное собрание в те дни соотношение тюрков к русским составляло 92: 6 %. Застигнутому врасплох этим действительным политическим пробуждением крымских тюрков, князю Оболенскому, председателю Крымского «земства», пришлось признать, что как русскому ему стыдно за эти результаты [28, с. 24].

В конце статьи Сейдамет делает «прометеевский» вывод о готовности тюрков стать активным фактором в «восточных движениях»: «Если Европа не будет применять правильные средства для разрешения восточного вопроса согласно желаниям Нового Востока и не поможет им (т. е. тюркским народам. – Авт.) в стремлении к независимости и современной культуре – тогда революционные волны ... могут принести самые катастрофические и непрогнозируемые результаты» [28, с. 25].

Перспективные очаги сепаратизма в СССР: Идель-Урал, Кавказ, Украина. Проблемам тюркоязычного и финно-угорского населения, проживавшего на территориях от р. Сура до Каспийского моря, была посвящена статья «Идель-Урал» Гаяза Исхаки [15, с. 27] – публициста и деятеля татарского национального движения.

Урало-Волжский штат, или Штат Идель-Урал – это нереализованный проект национальной Татаро-Башкирской Республики. Фактически попытка создания «штата» привела к непродолжительному существованию «Забулачной республики».

² Украинская Народная Республика – государство, провозглашенное после свержения Временного правительства России. Просуществовало с ноября 1917 г. по ноябрь 1920 г. Армия УНР была укомплектована из добровольцев бывшей русской армии, отрядов «Вольного казачества» и военнопленных украинцев из состава австро-венгерской и германской армий.

Спустя два года после публикации статьи Гаяз Исхаки издал книгу «Идель-Урал» в Берлине, а в 1938 г. в Варшаве [4, с. 5], в которой обосновывался вывод, что российская революция принесет свободу народам востока Европы, как французская принесла национальное освобождение народам запада Европы. В рамках этой революции большевики являются лишь переходным этапом [4, с. 60].

Исхаки характеризовал русских поселенцев «как чуждый этнос», который, благодаря национальной и русификационной политике царей и конфискации земли у коренного населения, закрепился в регионе [15, с. 27]. Обращаясь к переписи населения СССР 1926 г., автор констатирует преобладание «тюрко-татар» над русскими в области Идель-Урала: «7848 тысяч тюрко-татар, 4290 тысяч русских, 3213 тысяч представителей финских и монгольских племен» [15, с. 28].

В процентном соотношении тюрко-татары и финно-угорские племена³ составляли 72 % от общего населения области, значительно превалируя по национальному составу над русскими.

Сравнивая национальный состав Идель-Урала с этнической картой Чехословакии и Румынии, Гаяз Исхаки отмечал, что турки и финно-угры составляют в регионе большинство (72 %), и этот показатель «не уступает проценту чехов в Чехословакии или румын в Румынии» [15, с. 28].

Помимо этнических предпосылок по созданию независимой республики Исхаки выделял подорванный, но потенциально сильный экономический блок Идель-Урала. Благодаря судоходным Волге, Каме, Белой можно было быстро восстановить торговлю и речные коммуникации края, а нефти и минералов, добываемых «Пермским правительством» на склонах Уральских гор, было вполне достаточно для того, чтобы составить стержень самостоятельной экономики [15, с. 29].

По мнению автора статьи, государство Идель-Урал, как суверенная хозяйственная единица, имело большие возможности для самостоятельного существования. При этом хозяйственное развитие независимого региона было бы гораздо более интенсивным, «чем при господстве русских или ханов» [15, с. 29].

Мощным антибольшевистским центром в годы Гражданской войны был кавказский регион, который не занимал доминирующую позицию во внешней политике Варшавы, но рассматривался в качестве важного инструмента дестабилизации России.

Геополитический фактор ставил перед Польшей приоритетную задачу – достичь максимальной стратегической глубины на восточном направлении за счет контроля Прибалтики, Белоруссии и Украины. В условиях обострившегося противостояния Москвы и Варшавы после 1918 г. Кавказ рассматривался польской стороной как уязвимая точка государственной целостности СССР.

В статье Мамун Эмина Расулзаде, азербайджанского государственного и политического деятеля, «Идея конфедерации кавказской» [14, с. 37–47] по аналогии с Крымом и Идель-Уралом постулировалась идея о предпосылках создания независимой Конфедерации кавказских народов. Расулзаде ставил под сомнение сходство Балкан и Кавказа, критикуя «ложное впечатление» о национальной мозаике кавказских народов. Он полагает, что Конфедерация сможет существовать как Швейцария, сковавшая своим гражданством французов, немцев и итальянцев [14, с. 40], и делает вывод о том, что история борьбы за независимость у швейцарцев и кавказцев во многом носит схожий характер. Культурно-этническое многообразие Кавказа является не дестабилизирующим, а цементирующим «характерные черты, психологию, привычки народов Кавказа» фактором. Синтез культур вкупе с географической однородностью, экономическим единством и «историческим жребием» борьбы с «русско-большевистской оккупацией» поставят Конфедерацию народов этого региона вровень со Швейцарией и Германией [14, с. 45–47].

В 1934 г. в Брюсселе была провозглашена Конфедерация Кавказских Народов. Хотя этот акт носил чисто декларативный характер, он получил одобрительный отклик редакции журнала: «Тот, кто знает историю борьбы кавказских народов, понимает значение Брюссельского пакта, – кавказское единство, реализацией которого является пакт, это новая дата в многолетней борьбе кавказских народов» [19, с. 169].

Насильственная природа большевизма, способная со временем породить протестные настроения, показана на примере территориально близкой Польше Украины. Рубрика «Вместо хроники СССР» называет Украину «гигантской экспериментальной лабораторией в советской операционной» [29, с. 175], где, с точки зрения редакции журнала, голодомор носил аб-

³ Гаяз Исхаки именуется их [финно-угров] как «финские и монгольские племена» (польск. Plemiona fińskie i mongolskie).

солютно утилитарный характер. Голод на Украине польская пресса представляет как «инструмент товарища Сталина, использованный для достижения победы над врагом в лице украинского национализма» [29, с. 175].

Механизация, развернувшаяся в колхозах Украины, представлена не как процесс модернизации производства, а как средство по предотвращению присвоения зерна колхозниками. Причем, автор рубрики ссылается на «дискуссии в советской прессе», не приводя никаких конкретных данных этого спора [29, с. 178].

Новые геополитические вызовы. В продолжение темы о нерусском населении в центральных районах СССР журнал *Wschód* публиковал отзывы (как правило, довольно тенденциозные) на историко-публицистическую литературу, касавшуюся положения малых народов. Один из них, посвященный книге «Плач народов из тюрьмы. Коми в прошлом и их современное положение» Игнатия Мосегова⁴, появился во втором номере «Всхода» за 1931 г. под названием «О положении народов неславянских в Большевиин» (*O położeniu ludów niesłowiańskich w Bolszewji*) [20, с. 77–78]. Рецензия положительно оценивает книгу, акцентирует внимание на способах, которыми пользовались москвичи, чтобы завладеть, а потом «удержать в узде» покоренные племена, и поддерживает вывод Мосегова о том, что основными инструментами угнетения русской элитой местного населения в XV–XVI вв. выступали систематические ясаки, вербовки в армию, неравноправные купеческие сделки [20, с. 77]. Особое внимание рецензент уделил большевистскому периоду, одобрительно оценивая выводы Мосегова о том, что коммунисты воспользовались национальными устремлениями разных народов, привлекая на свою сторону население созданием республик и автономных округов. Отмечается, что возникшие Советы уничтожили своими реформами мастерские, а ревизией продовольствия, в условиях военного коммунизма, вызвали Великий голод 1921–1922 гг. Следствием этих мероприятий, по мнению рецензента, стало сокращение населения «иностранцев» [20, с. 77–78]. Национальная и конфессиональная разобщенность, свойственная большинству регионов России, включая ее сердцевинный территориальный оплот в Поволжье и Предуралье, по мнению автора статьи, являлась потенциальным источником внутренней нестабильности и могла привести к важным геополитическим сдвигам.

В статье «Мировая проблема» (*Problem światowy*) [25, с. 1–5], присланной в редакцию журнала Ноем Виссарионовичем Рамишвили, председателем правительства Грузинской Демократической Республики, говорилось об упадке европейской цивилизации (автор называет ее «атлантической»). Отправным для своих теоретических построений автор делает тезис об исторической ограниченности «атлантической цивилизации», которая не является общечеловеческой, так как большая часть населения мира оторвана от корней европейской культуры, что делает ее «цивилизацией меньшинства» [25, с. 3]. Рамишвили доказывал, что помочь Европе «не задохнуться» могут только азиатские природные богатства, но, чтобы добраться до них, необходимо установить контроль над Россией, которая, захватив Туркестан и Кавказ, закрыла пути, ведущие вглубь Азии, и отрезала ее от Европы. В этом, полагал Рамишвили, Россия большевиков продолжала политику царей. Между тем, по его мнению, перед Европой стояли серьезные проблемы – втянуть народы Азии в сферу своих экономических интересов, «одеть и накормить миллиард людей и самой избежать гибели». Но эти проблемы она не в состоянии решить, так как разделена на множество враждующих лагерей. Тем временем «заговорил Тихий океан» и выдвинул свои претензии к атлантической цивилизации. Коль скоро Европа не сумела протянуть дружескую руку проснувшейся и взволнованной Азии, а наоборот – пыталась напугать ее русским коммунизмом, то кто-то другой должен был установить руководство в Азии. Эту роль, по мнению Рамишвили, взяла на себя Япония [25, с. 4–5]. Он писал, что геополитически противостоять Японии смогут только Советы, но чуждый политический строй и коллективизация не принесли Москве никакого успеха в Азии, и выход Японии как Великой державы на мировую арену предопределен. Чтобы выстоять в таких обстоятель-

⁴ Уроженец д. Дурово Кочевского района совр. Пермского края. В 1920 г. бежал в Эстонию, а оттуда в Финляндию. Автор ряда работ, посвященных истории и культуре народа коми: Mössheg: Totuus bolshevismista: heimokansalaisen, puna-armeijasta Suomeen paenneen syrjäänin kuvaus kokemuksistaan. Helsinki: Otava, 1922.; I. Mössheg: Idän hiidenkattilassa: erään syrjääniläisen muistelmät Jyväskylä: K. J. Gummerus, 1924.; I. Moššeg: Hätähuuto kansojen vankilasta [I]. Helsinki: Otava, 1930.; I. Moššeg: Hätähuuto kansojen vankilasta II: Komikansan menneisyys ja sen nykyiset olot. Helsinki: Otava, 1931.; J. O. Mosseg: Tunnetteko salaperäistä Venäjää? 1. Ovatko mainehikkaat bjarmialaiset kuolleet? Helsinki, Tekijä, 1939. J. O. M.: Sankari Pera: (syrjääniläinen tarina). Helsinki, Tekijä, 1939.

ствах и создать общемировую цивилизацию, Европе необходимо контролировать единственную связующую Восток и Запад дорогу – Кавказ – Туркестан [25, с. 5].

Основные трудности, вставшие перед Европой, Рамишвили разделил на два блока: идеологический и геополитический. К первому он отнес европоцентричный эгоизм, который не позволяет «старой» культуре Европы смириться с «новой реальностью». Вторая проблема – это монопольное владение Советским Союзом территорией, связывающей Восток и Запад.

О рецепции политики Российской империи в Средней Азии. В первом номере журнала за 1934 г. была опубликована статья «О Валленродах польских на российской службе» (*O Wallenrodach polskich na służbie rosyjskiej*) [18, с. 75–79] секретаря Общества изучения турецкого языка Абдулы Кадира. Данная статья ранее уже была напечатана в журнале «Знание Азербайджанской Родины», но редакция «из-за любопытного феномена, напоминающего о временах польско-татарского братства в русском плену, решила сделать эту статью доступной польской публике» [18, с. 75].

Автор отмечает, что значительная часть русских войск, участвовавших в покорении южного Туркестана (Хива, Бухара, Коканд), состояла из представителей покоренных народов. Например, в Хивинском походе (1839–1840 гг.) А. В. Перовского основная масса солдат была главным образом из числа казанских татар, киргизских казаков, украинцев и поляков [18, с. 76].

В статье по-новому трактовалась личность генерал-майора Станислава Тимофеевича Циолковского, командующего башкиро-мещерякскими частями [3, 11]. Этот реальный исторический деятель отметился редкой коллизией черт своего характера. Поляк по происхождению, он верно служил российскому императору, при этом ненавидел русских солдат, находившихся у него в подчинении. Генерал-майор после отставки был убит своими же крепостными.

Абдул Кадир отмечал, что Циолковский был «как отец для башкир, киргизских казаков и поляков», а проявление с его стороны «недружелюбия» к русским солдатам было вызвано чувством неприязни, вытекающей из глубокой любви к утратившей свою независимость Родине (т. е. к Польше. – *Авт.*), с которой он никогда не утрачивал эмоциональную связь [18, с. 76]. В статье А. Кадира Циолковский предстает заложником ситуации, при которой он обязан был служить завоеваниям Российской империи, в то же время испытывая к русским «враждебность за попорченную независимость польскую» [18, с. 77].

Автор ставит в укор России ее пропаганду, которая провозглашала завоевание Туркестана проявлением цивилизационной миссии Российской империи, и напоминает, что в то время «все офицеры русской армии были господами тысяч рабов и торговали ими так же, как и свиней покупали» [13, с. 78]. При этом он тем не менее умалчивает о том, что сам генерал-майор в Оренбургской губернии имел 325 крестьянских душ и 5500 десятин земли, полученные за верную (хоть и не всегда победоносную) службу Российской империи [4, с. 54].

В конце статьи Кадир делает вывод (который, видимо, и привлек редакцию журнала «Восток»), что патриоты покоренных народов несли бесконечное чувство неприязни к «блеску русских побед и великолепию русского государства», которым не удалось загасить тягу к независимости и огонь мести [18, с. 79].

Статья выделяется характерным антироссийским окрасом. При этом автор избирательно подошел к освещаемым сторонам жизни генерала, выставляя его исключительно жертвой царского режима, давшего ему звание, довольствие и крестьянские души. В статье не упомянута причина увольнения генерал-майора из армии (незаконная спекуляция верблюдами с оренбургским купцом Н. М. Деевым в условиях, когда в армии был недостаток гужевого транспорта) [10, с. 219].

Наследие Wschód(a). Выводы. В мае 1935 г. был опубликован очерк «После смерти Маршала Польши» (*Po zgonie Marszałka Polski*) [24, с. 191], в котором историческая роль главы Польского государства приравнивается к роли Стефана Батория, Яна Собеского, Яна Ходкевича и гетмана Станислава Жолкевского [24, с. 2]. Благодаря движению Санации⁵ и «ее великих интерпретаторов Тадеуша Холувко и Адама Скварчински» был указан новый поворот в грядущей истории Польши – избавление от опасности, таящейся на Востоке, и сотрудничество с той частью мира, которая противопоставлена СССР. Автор очерка произвел подмену понятий, выставляя внешнеполитическую концепцию Варшавы как «второй этап великой эпопеи борьбы, первый акт которой произошел на Западе и был отмечен решающим событием – битвой при Грюнвальде и ее последствиями» [24, с. 2].

⁵ Санация – политическое движение под лозунгом «моральной санации» общественной жизни Польши после переворота 1926 г.

Данный очерк в сжатом виде иллюстрирует место Варшавы в системе международных отношений межвоенного периода – это роль противовеса Германии и СССР одновременно. Но завещанная Пилсудским доктрина равновесия между Берлином и Москвой, которой оставался верен Юзеф Бек (министр иностранных дел Польши), становилась анахронизмом, так как жизнеспособность этой системы зависела от военной мощи СССР и Германии и жесткости Франции в международных отношениях. После 1936 г. Германия почувствовала себя сильной, а СССР в 1933 г. приступил к выполнению второй пятилетки, что также говорило о его растущей промышленной и военной мощи.

Казалось, что Ю. Беку удалось сделать выгодным статус буфера между Германией и СССР. Бек решил продолжить политику Пилсудского в условиях дефицита стратегической мощи.

По мнению Бека, главная ось Междуморья должна была проходить через Варшаву – Бухарест – Будапешт. Этот блок позволил бы Польше действовать независимо, противодействуя и Германии, и СССР. Если этот проект в первой половине 1920-х выглядел реалистичным, то ко второй половине 1930-х гг. *Intermarium* был обречен на поражение априори, так как противодействие Германии, СССР, Великобритании и Италии не способствовало его созданию. Помимо этого, не последовало никакого отклика от потенциальных стран-участниц блока.

Единое девятилетнее правление Пилсудского с присущими ему авторитарными чертами дало Польше выгоды лишь в краткосрочной перспективе. Нежелание маршала делиться властью в армии с молодыми и компетентными офицерами, привело к сентябрьской катастрофе 1939 г., показавшей неспособность польской армии адаптироваться к современным условиям войны. Во внешней политике Юзеф Пилсудский, прикрываясь политикой «равноудаленности», смог обеспечить временную безопасность Польши с востока и с запада, но при этом не отказался от прометеистской политики в отношении СССР, продолжая считать Москву основным врагом польского государства. Смерть Пилсудского прекратила процесс монополизации маршалом жизненно важных областей социально-политической жизни страны, что вскрыло некомпетентность его ближнего окружения, неспособного принимать решения самостоятельно.

Тем не менее дискурс периодической печати Польши 1930-х гг. в перспективе оказал даже более значительное влияние на мировую общественность, чем представлял себе Юзеф Пилсудский. Например, в списке поработанных народов конгресса США, составленном в 1959 г., фигурируют государства Казакхия и Идель-Урал [31, с. 212], якобы покоренные «империалистической политикой коммунистической России».

Таким образом, журнал *Wschód* в 1930-х гг. проецировал на общественное сознание поляков образ СССР как внешнего стрессора, угрожающего территориальной целостности Польши. Польская элита, трансформируя новый метод мышления посредством транзита своего политического вектора через оболочку журнала, проводила поиск потенциальных противоречий и проблем в СССР и вырисовывала эскизы вероятных политических форм, призванные ставить под сомнение историческую оправданность и монолитность российской государственности.

Список литературы

1. Акманов И. Г. История Башкортостана: С древнейших времен до конца XIX в. : учебник для 8 кл. Уфа : Китап, 2005. 248 с.
2. Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. URL: <http://www.chekist.ru/article/2234>.
3. Иванин М. И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.
4. Исхаки Г. Г. Идель-Урал. Наб. Челны : Газетное-книжное издательство «КАМАЗ», 1993. 63 с.
5. Мамонов В. Ф., Кобзов В. С. Пограничная линия: Казаки Урала на защите рубежей Отечества. Челябинск, 1992. 234 с.
6. Постановление ЦК ВКП (б) от 15 июня 1933 года. О работе политотделов МТС, о колхозной ячейке и о взаимоотношениях политотделов и райкомов. Приложение № 5 к п. 17 пр. ПБ № 139. URL: [https://istmat.info/node/58910#:~:text=Постановление%20ЦК%20ВКП\(б\)%20от%2015,в%20основном%20можно%20считать%20законченным.](https://istmat.info/node/58910#:~:text=Постановление%20ЦК%20ВКП(б)%20от%2015,в%20основном%20можно%20считать%20законченным.)
7. Рахимов Р. Первый командующий башкиро-мещерякским войском. Ватандаш, 2010. № 8. С. 45–54.
8. Смирнов А. П. Очерки по истории Башкирской АССР : в 2 т. Т. 1. Ч. 1. Акад. наук СССР. Башкир. филиал. Ин-т истории, языка и литературы. Уфа : Башкнигоиздат, 1956–1966. 303 с.
9. Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. 336 с.
10. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1903. 264 с.
11. Чернов И. В. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Оренбург. ученая арх. ком. 1907. 224 с.

12. Gigantyczna walka nowoczesnego Prometeusza // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. № 2. S. 3–10.
13. Glass S. Podstawy organizacji Partji Komunistycznej ZSSR // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1934. № 1. S. 8–16.
14. Idea konfederacji Kaukaskiej 1931 // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. № 2. S. 37–47.
15. Idel-Ural // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. № 2 (4). S. 27–34.
16. Ireneusz Piotr Maj Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. Warszawa : Oficyna Wydawnicza «Rytm», 2007. 155 s.
17. Jerzy W. Giedroyc Orientalistyczne Koło Młodych // Wschód : kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. № 1 (1).
18. Kadir A. O Wallenrodach polskich na służbie rosyjskiej // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1934. № 1. S. 75–79.
19. Kongres muzułmański 1931 // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1932. № 3–4. S. 59–65.
20. O położeniu ludów niesłowiańskich w Bolszewji // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. № 2. S. 77–85.
21. Pakt Konfederacji Kaukaskiej // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1934. № 2–4. S. 169–180.
22. Pepiociński A. Wywiad W wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920. Warszawa, 1999. S. 5–39.
23. Podstawy organizacji Partji Komunistycznej ZSSR // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1934. № 1. S. 8–15.
24. Po zgonie Marszałka Polski // Wschód, Orient: kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1935. № 1–2. S. 191.
25. Problem świtowy // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1934. № 1. S. 1–5.
26. Strony z historii Krymu, Ukrainy, Kaukazu, Polski i Moskwy // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1934. № 2–4. S. 129–136.
27. Ukraińska emigracja w Polsce // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. № 1 (3). S. 40.
28. Wschód I tureckie // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. № 2 (4). S. 22–30.
29. Zamiast kroniki Z.S.S.R. // Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. Warszawa, 1934. № 2–4. S. 175–180.
30. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich : Studia i materiały. Warszawa, 1968. T. III. S. 262.
31. Providing for the designation of the third week of July as «Captive Nations Week» // United States Statutes at Large. U. S. Government Printing Office. July 17, 1959. V. 73. Stat. 212. P. 212.

Приложение 1

Карта покоренных народов в Советской России
Wschód: ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. № 2. S. 9
(<https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/publication/390023/edition/370835/content>)

Wschód Magazine: The experience of intellectual transit of Promethean ideas in Polish society in the first half of the 1930s

A. A. Zvorygin

2nd-year postgraduate student of the direction "General History of the countries of Europe and North America",
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: artem_zvorygin@list.ru

Abstract. The article is devoted to the Polish magazine *Wschód* as a phenomenon of intellectual transit of the foreign policy concept of Yu. Pilsudski on the dismemberment of the USSR (Prometheism) into the mass consciousness of Polish society in the first half of the 1930s. The purpose of the study is to determine the role of the journal and the Oriental Institute in the formation of a new national ideology of Poland. The concept of Russia as a "prison of peoples" that matured in the magazine was later implicitly accepted by the United States, which has not yet repealed the law on enslaved nations and in which the Day of Enslaved Peoples is still held. Until today, the concepts proposed by the authors of the *Wschód* magazine in the first half of the 1930s continue to be used and developed in the West. The main source for the preparation of the article was the Polish magazine "*Wschód*", which was not considered by historians as an independent phenomenon of the socio-political life of Poland in the

The 1930s. In modern historiography, the topic of Prometheism is studied only as part of the political Polish discourse of the 1930s. Researchers did not consider the channels through which Prometheist ideas were broadcast to Polish society. Using historical-genetic and typological methods, the article reveals the circumstances of the genesis of the Oriental Institute, the circle of Orientalists and the journal. The conclusion is substantiated that *Wschód*, in addition to solving educational tasks, was engaged in identifying possible ethnic problems in the USSR, organizing a platform for their coverage in the scientific environment. The Soviet Union was perceived not as a multinational state, but as a Bolshevik reflection of the national imperial policy. The political elite of Poland, with the help of the magazine, "prescribed" probable national-territorial sketches aimed at undermining ideas about the USSR as an integral state.

Keywords: Poland, USSR, Prometheism, Inter-marriage, Idel-Ural, Ukraine, Confederation of Caucasian Peoples, *Wschód*, historical memory.

References

1. Akmanov I. G. *Istoriya Bashkortostana: S drevnejshih vremen do konca XIX v. : uchebnik dlya 8 kl.* [History of Bashkortostan: From ancient times to the end of the XIX century : textbook for 8 grade]. Ufa. Kitap. 2005. 248 p.
2. Bylinin V. K., Zdanovich A. A., Korotaev V. I. *Organizaciya "Prometej" i "prometejskoe" dvizhenie v planah pol'skoj razvedki po razvalu Rossii/SSSR* [The organization "Prometheus" and the "Prometheus" movement in the plans of Polish intelligence for the collapse of Russia / USSR]. Available at: <http://www.chekist.ru/article/2234>.
3. Ivanin M. I. *Opisanie zimnego pohoda v Hivu v 1839-1840 godu* [Description of a winter hike to Khiva in 1839-1840]. SPb. Typ. of partnership "Obshchestvennaya pol'za" ("Public benefit"). 1874. 268 p.
4. Iskhaki G. G. *Idel'-Ural* [Idel-Ural]. Naberezhnye Chelny. Newspaper and book publishing house "KAMAZ". 1993. 63 p.
5. Mamonov V. F., Kobzov V. S. *Pogranichnaya liniya: Kazaki Urala na zashchite rubezhej Otechestva* [The border line: The Cossacks of the Urals defending the borders of the Fatherland]. Chelyabinsk. 1992. 234 p.
6. Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) of June 15, 1933. About the work of MTS political departments, about the collective farm cell and about the relationship of political departments and district committees. Appendix No. 5 to item 17, etc. PB No. 139. Available at: [https://istmat.info/node/58910#:~:text=Постановление%20ЦК%20ВКП\(б\)%20от%2015,в%20основном%20можно%20считать%20законченным. \(in Russ.\)](https://istmat.info/node/58910#:~:text=Постановление%20ЦК%20ВКП(б)%20от%2015,в%20основном%20можно%20считать%20законченным. (in Russ.))
7. Rahimov R. *Pervyj komanduyushchij bashkiro-meshcheryakskim vojskom* [The first commander of the Bashkir-Meshcheryak army]. Vatandash. 2010. No. 8. Pp. 45-54.
8. Smirnov A. P. *Ocherki po istorii Bashkirskoj ASSR : v 2 t. T. 1. Ch. 1* [Essays on the history of the Bashkir ASSR : in 2 vols. Vol. 1. Part 1]. Academy of Sciences of the USSR. Bashkir. branch. In-t of History, Language and Literature. Ufa. Bashknigoizdat. 1956-1966. 303 p.
9. Sockov L. F. *Neizvestnyj separatizm: Na sluzhbe SD i Abvera. Iz sekretnyh dos'e razvedki* [Unknown separatism: In the service of the SD and the Abwehr. From secret intelligence files]. M. 2003. 336 p.
10. Terent'ev M. A. *Istoriya zavoevaniya Srednej Azii. T. 1* [History of the conquest of Central Asia. Vol. 1]. SPb. 1903. 264 p.
11. Chernov I. V. *Zapiski general-majora Ivana Vasil'evicha Chernova* [Notes of Major General Ivan Vasilyevich Chernov] // *Orenburg. uchenaya arh. kom.* – Orenburg scientific arch. com. 1907. 224 p.
12. Gigantyczna walka nowoczesnego Prometeusza // *Wschód* : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu. 1931. No. 2. Pp. 3-10.

13. Glass S. Podstawy organizacji Partji Komunistycznej ZSSR // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. Warszawa, 1934. No. 1. Pp. 8–16.
14. Idea konfederacji Kaukaskiej 1931 // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. 1931. No. 2. Pp. 37–47.
15. Idel-Ural // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. 1931. No. 2 (4). Pp. 27–34.
16. *Ireneusz Piotr Maj. Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939*. Warszawa : Oficyna Wydawnicza "Rytm", 2007. 155 p.
17. Jerzy W. *Giedroyć Orientalistyczne Koło Młodych* // *Wschód : kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. 1931. No. 1 (1).
18. Kadir A. O Wallenrodach polskich na służbie rosyjskiej // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. Warszawa, 1934. No. 1. Pp. 75–79.
19. Kongres muzułmański 1931 // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. Warszawa, 1932. No. 3–4. Pp. 59–65.
20. O położeniu ludów niesłowiańskich w Bolszewji // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. 1931. No. 2. Pp. 77–85.
21. Pakt Konfederacji Kaukaskiej // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. Warszawa, 1934. No. 2–4. Pp. 169–180.
22. *Pepiowski A. Wywiad W wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920*. Warszawa, 1999. Pp. 5–39.
23. Podstawy organizacji Partji Komunistycznej ZSSR // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. Warszawa, 1934. No. 1. Pp. 8–15.
24. *Po zgonie Marszałka Polski* // *Wschód, Orient: kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. 1935. No. 1–2. P. 191.
25. Problem światowy // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. Warszawa, 1934. No. 1. Pp. 1–5.
26. Strony z historii Krymu, Ukrainy, Kaukazu, Polski i Moskwy // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. Warszawa, 1934. No. 2–4. Pp. 129–136.
27. Ukraińska emigracja w Polsce // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. 1931. No. 1 (3). P. 40.
28. *Wschód I turek* // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. 1931. No. 2 (4). Pp. 22–30.
29. *Zamiast kroniki Z.S.S.R.* // *Wschód : ilustrowany kwartalnik poświęcony sprawom wschodu*. Warszawa, 1934. No. 2–4. Pp. 175–180.
30. *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich : Studia i materiały*. Warszawa, 1968. Vol. III. P. 262.
31. *Providing for the designation of the third week of July as "Captive Nations Week"* // *United States Statutes at Large*. U. S. Government Printing Office. July 17, 1959. V. 73. Stat. 212. P. 212.

Сборники стихов П. Ставрова «Без последствий» и А. Штейгера «Эта жизнь» – опыт определения принадлежности к «парижской ноте»

А. Е. Ануфриев¹, В. А. Малых²

¹доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. E-mail: usr11763@vyatsu.ru

²младший научный сотрудник кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7576-6164. E-mail: usr22727@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальному и дискуссионному в настоящее время вопросу о принадлежности поэтов-«парижан» первой волны русской эмиграции к «парижской ноте». Ввиду множества точек зрения исследователей на вопрос о причастности тех или иных поэтов к данному литературному явлению на основе сходства или сближения их творческой манеры с поэтикой «парижской ноты», а также ввиду особой роли некоторых изобразительно-выразительных языковых средств, в своем комплексе отмечаемых литературоведами и критиками в качестве одного из основополагающих поэтологических принципов или констант творчества «парижской ноты», статья направлена на выявление общих закономерностей использования стилистических фигур в сборниках П. Ставрова «Без последствий» и А. Штейгера «Эта жизнь» при помощи статистического метода и метода сравнительного анализа. Данный способ предлагается авторами статьи в качестве «отправной точки» в решении обозначенной выше проблемы, так как в результате его использования обнаруживаются общие и частные особенности применения поэтами стилистических фигур, соотносящиеся с чертами и приемами представителей «ноты».

Помимо выделения наиболее употребительных стилистических фигур, в статье впервые предлагается попытка их анализа, на основе которого уточняется функциональная значимость использования той или иной стилистической фигуры, а также уточняются приемы и характерные особенности поэзии «парижской ноты».

В ходе исследования сделан вывод о том, что использование стилистических фигур П. Ставровым в сборнике «Без последствий» свойственно, типично для поэтики «парижской ноты».

Основные положения и выводы статьи могут быть использованы для дальнейших исследований творчества поэтов «парижской ноты».

Ключевые слова: П. Ставров, А. Штейгер, поэты «парижской ноты», стилистические фигуры.

О «парижской ноте» – некоем «направлении в рус. эмигрантской поэзии 1920–30-х гг.» [6], творческом феномене, сложившемся в период первой волны эмиграции, – в отечественном языкознании и литературоведении написано немало. Однако до сих пор нет работ, посвященных лингвистическим аспектам творчества А. Штейгера, как одного из основных представителей «ноты», и П. Ставрова, чье имя при упоминании «парижской ноты» встречается редко, поскольку между исследователями нет единого мнения в вопросе о том, кого из поэтов-«парижан» стоит относить к данному явлению, а кто не является представителем «парижской ноты», и поскольку нет какого-то конкретного, четко сформулированного способа для определения принадлежности того или иного поэта к «ноте», а есть лишь некоторый (в разной степени совпадающий у разных исследователей) перечень приемов и черт, среди которых – общность тем, мотивов, настроений, стилистических особенностей, языковых средств и т. д.

Так, например, А. А. Агеносов в статье «Три поэта парижской ноты», основываясь на общности мироощущения поэтов, тональности их творчества, выделяет А. Штейгера, Л. Червинскую и В. Смоленского и вместе с тем выдвигает предположение о том, что термин «парижская нота» может быть применим если не в отношении всех, то в отношении большинства русских писателей-эмигрантов [1]. Несколько категоричнее высказывается О. А. Коростелёв. Он говорит о том, что «на самом деле... “нота” зародилась в Париже, но отнюдь не включала в себя весь Париж», выделяя при этом поэтов, которых можно «в строгом смысле» назвать представителями ноты (Г. Адамович, А. Штейгер и Л. Червинская), и целый ряд поэтов, в чьем творчестве влияние «парижской ноты» заметно (И. Чиннов, Д. Кнут, Ю. Иваск, Ю. Терапиано, Н. Оцуп и др.) [7, с. 5; 27]. Наконец, Вадим Крейд, руководствуясь тематической однородностью, в предисловии к сборнику стихов «Поэты парижской ноты» называет последователями этого явления А. Штейгера, Л. Червинскую и И. Чиннова [3], а П. Ставрова – близко стоящим к «ноте» поэтом. В другом его предисловии (к антологии «Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции») список дополняется именами Ю. Терапиано, Б. Поплавского, Н. Белоцветова и В. Смоленского и оговоркой о том, что «в самой “ноте” не было единства, скорее имелся спектр проявлений» [13, с. 9]. Кроме того, стоит обратить внимание на книгу американского публициста, профессора русской литературы Дж. Глэда — «Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье». В ней кратко отражен своеобразный взгляд ученого на вопрос о принадлежности к «парижской ноте», в чем-то согласующийся, а в чем-то несоответствующий с мнениями уже обозначенных нами исследователей: «Среди почитателей “парижской ноты” были Георгий Адамович, Лидия Червинская, Георгий Иванов, Антонин Ладинский, Ирина Одоевцева, Николай Оцуп, Борис Поплавский, Игорь Чиннов и Анатолий Штейгер» [4, с. 11]. Приведенный нами небольшой и далеко не полный обзор, указывающий на некоторую размытость и неопределенность в вопросе установления принадлежности к «парижской ноте», обуславливает значимость разрешения и актуальность данной проблемы.

В связи с этим целью статьи является обнаружение сходств в употреблении стилистических фигур представителями «парижской ноты»: П. Ставровым в сборнике стихов «Без последствий» и А. Штейгером в сборнике «Эта жизнь».

Для достижения цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Произвести подсчет стилистических фигур в сборниках А. Штейгера и П. Ставрова;
2. Сравнить полученные в результате подсчета количественные показатели сборников между собой;
3. Проанализировать данные с точки зрения характерных для представителей «парижской ноты» приемов и особенностей.

В рамках рассмотрения творчества представителей «парижской ноты» с точки зрения употребления ими стилистических фигур выбор сборника «Эта жизнь» А. Штейгера и сборника «Без последствий» П. Ставрова обусловлен, во-первых, отношениями центр/периферия, а во-вторых, относительной схожестью внешних условий и характеристик поэтических книг: небольшая разница между публикациями сборников (два года), между количеством стихотворений (31 и 28 соответственно) и стихотворных строк (473 и 527 соответственно) в них.

Для решения поставленных задач нами были использованы методы статистического и сравнительно-сопоставительного анализа, поскольку они позволяют наиболее объективно оценить те или иные закономерности, обнаруживаемые в ходе работы.

С учетом специфики объекта и задач исследования на этапе выявления и подсчета стилистических фигур мы руководствовались «Энциклопедическим словарем-справочником. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» под редакцией А. П. Сковородникова, где дается определение 41 стилистической фигуре и описываются их наиболее частотные функции [20]. Сразу оговорим некоторые трудности, с которыми мы столкнулись на данном этапе.

Во-первых, это отсутствие единого взгляда в научном сообществе на отнесение ряда языковых средств к группе стилистических фигур (так, например, силлепсис и диафора трактуются еще и как риторический прием, солецизм отдельные исследователи считают лишь речевой ошибкой и т. п.). В этом вопросе мы идем вслед за редактором словаря-справочника и ищем все средства выразительности, которые являются стилистическими фигурами, либо трактуются как таковые.

Во-вторых, в настоящее время существует несколько определений для таких фигур, как полиптотон и симплока. Мы рассматриваем первую из них как «...повтор одного и того же

слова в разных падежах» [9, с. 284], а вторую – как наблюдающиеся «в смежных стихах... разные начало и конец при одинаковой середине» [5].

В-третьих, при характеристике периода как стилистической фигуры в словаре-справочнике указывается тенденция к его трансформации авторами. В связи с этим мы вынуждены оговориться: при выявлении фигур в стихотворениях мы обращали внимание на выполнение абсолютно всех условий, необходимых для реализации данного вида фигур в тексте, поэтому в статистику не включаются случаи употребления тех или иных видоизмененных авторами средств выразительности.

Наконец, в-четвертых, в ходе выявления стилистических фигур в сборнике П. Ставрова мы столкнулись с проблемой несовпадения словоформ, синтаксиса и даже строфики отдельных стихотворений в двух имеющихся публикациях его сборника, из-за чего было решено отказаться от выявления таких фигур, как конкатенация («стилистическая фигура, представляющая собой цепочку последовательно подчиненных друг другу синтаксических конструкций, протяженность которой (цепочки) превышает обычную (среднестатистическую)» [20, с. 159]) и период («развернутое высказывание, представляющее собой гармоническое целое в содержательном, синтаксическом и ритмико-интонационном отношении» [11, с. 305]). Приведем несколько примеров такого несовпадения.

Таблица 1

Несовпадения в публикациях 1933 и 2003 гг.

Из сборника 1933 года	Из сборника 2003 года
И в этот сомнительный кор-де-балет , В зверинец истерик и хохота, На долгие сотни и тысячи лет, Иду, арестованный похотью [15, с. 14].	И в этот сомнительный кордебалет , В зверинец истерик и хохота, На долгие сотни и тысячи лет Иду, арестованный похотью [12, с. 20].
... не счесть потерь, И, как на паперти оттерта Широким вздохом настезь дверь, От наступающего ветра. По стенам стон, по крышам дробь, По окнам беглый, по открытым И незаконченная скорбь, Через мгновенье будет смыта [15, с. 40].	...не счесть потерь, И, как на паперти, оттерта Широким вздохом настезь дверь От наступающего ветра. По стенам стон, по крышам дробь, По окнам беглый, по открытым, И незаконченная скорбь Через мгновенье будет смыта [12, с. 29–30].
С утра наклубила предвестница тень, Стоять бы, глядеть бы, не двинуться. С утра наклубила – и глянула в день, И долго глядела очами пустыницы. И час, как паяц, как фигляр, как скакун, Качнув равновесие над облачным маревом, Вскочил на канат перекинутых струн, Привстал, между прочим, и дело заваривал [15, с. 46].	С утра наклубила предвестница тень, Стоять бы, глядеть бы, не двинуться. С утра наклубила – и глянула в день, И долго глядела очами пустыницы. И час, как паяц, как фигляр, как скакун, Качнув равновесие над облачным маревом, Вскочил на канат перекинутых струн, Привстал, между прочим, и дело заваривал [12, с. 32].

Кроме того, проблема наличия вариативности усиливает при восприятии стихотворений П. Ставрова субъективное начало нашей работы ввиду невозможности определения оригинального авторского построения и написания части стихотворений.

На этапе сравнения количественных показателей двух поэтических сборников нами произведен расчет индекса «стилистической насыщенности», отражающего количество входящих на одно стихотворение и на одну стихотворную строку стилистических фигур. Соответственно, индекс определяется как частное от общего количества выявленных фигур всего сборника на общее количество стихотворений или строк. При этом индекс сборника А. Штейгера принят нами за некий эталонный показатель, поскольку сам поэт, по мнению многих исследователей русского зарубежья, «наиболее точно попадает под определение поэта “парижской ноты”» [16, с. 54], и в своем творчестве он «следовал канонам “парижской ноты”, тщательнее, чем... ее основатель» [8]. Также сопоставляются наиболее распространенные для сборников стилистические фигуры (т. е. те фигуры, чья частота использования в сборнике превышает выведенное значение индекса «стилистической насыщенности»). Все полученные данные оформлены в виде таблиц.

Наконец, на этапе анализа данных, чтобы интерпретировать их в рамках особенностей, характерных для поэтов «парижской ноты», мы отталкивались в первую очередь от тезиса О. А. Коростелёва о том, что «основополагающий формообразующий принцип стихов, написанных поэтами “парижской ноты”, – выразительный аскетизм. Аскетизм во всем» – и в использовании стилистических фигур в том числе [7, с. 36], и от согласующегося с этим тезисом мнения В. И. Хазана: «для поэтики “парижской ноты” “сокращение” средств выразительности... стали едва ли не основным средством поэтики» [18, с. 128]; а уже затем – от перечня отдельных приемов, зафиксированных, как правило, еще непосредственными свидетелями появления и развития «парижской ноты» как особого литературного явления – поэтами и критиками.

Так, например, литературным критиком и руководителем «Скита поэтов», позже переименованного в «Скит», А. Л. Бемом среди прочих были отмечены такие выражающиеся с помощью стилистических фигур приемы, как «игра в “скобочки”... разорванный синтаксис (множество недоговоренных и оборванных строк, обилие вводных предложений – отсюда любимый знак – тире)» [19, с. 287]. И. Чиннов, осмысляя опыт «парижской ноты», писал, что идея ее выражалась через «простоту, в очень ограниченном словаре, который был сведен к самым главным незаменимым словам» [17, с. 68]. Стоит отметить и одно из ценных высказываний самого Г. Адамовича: «Если поэзию нельзя делать из материала элементарного, из “да” и “нет”, из “белого” и “черного”, из “стола” и “стула”, без каких-либо украшений, то Бог с ней, обойдемся без поэзии» [14, с. 36]. В этом тезисе идейного вдохновителя «парижской ноты» акцент, конечно, ставится на отсутствие всякой орнаментальности, вычурности поэзии, всякого излишества средств. Однако, как мы увидим далее, не менее значим в приведенной цитате и сам ряд примеров «элементарного материала», а если быть точнее, их взаимная противопоставленность, их антонимия. Любопытно и то, что эта мысль Г. Адамовича находит свое выражение, как минимум, еще раз, и в ней снова задействована антонимическая пара: «Вот как надо бы писать... Отсутствие красок, все черное и белое. Ни одного сколько-нибудь напыщенного слова» [2, с. 575–576].

Для дальнейшей интерпретации полученных результатов приведем таблицы, составленные в ходе исследования.

Таблица 2

Индекс «стилистической насыщенности»

Название сборника и автор	«Эта жизнь», А. Штейгер	«Без последствий», П. Ставров
Общее количество фигур	509	356
Общее количество строк	473	527
Количество стихотворений	31	28
Показатель индекса для строк (для стихов)	1,08 16,42	0,68 12,71

Таблица 3

Сравнительная таблица наиболее часто используемых стилистических фигур

Автор Место по частоте	А. Штейгер	П. Ставров
	Название стилистической фигуры (количество употреблений)	
1	Анафора (151)	Анафора (113)
2	Эллипсис (55)	Эллипсис (45)
3	Антиэллипсис (48)	Антиэллипсис (34)
4	Асиндетон (32)	Полиптотон (20)
5	Полиптотон (28)	Полисиндетон (16)
6	Апозиопезис (25)	Антитеза (14)
7	Антитеза (23)	–
8	Синонимический повтор (17)	–

Исходя из статистических данных, представленных в Таблицах 2 и 3, мы можем говорить о том, что между использованием стилистических фигур А. Штейгером и П. Ставровым есть несомненное сходство: пять из наиболее часто употребляемых фигур являются таковыми как для сборника «Эта жизнь», так и для сборника «Без последствий» (анафора, эллипсис, антиэллипсис, полиптотон, антитеза). Более того, весь «пьедестал» по распространенности использования у обоих авторов состоит из одних и тех же стилистических фигур (анафора,

эллипсис и антиэллипсис). Подобные схождения, мы полагаем, указывают на общность творческого метода, предлагаемого представителями «парижской ноты».

Приведем некоторые примеры использования указанных фигур А. Штейгером и П. Ставровым соответственно. Анафора: «*Виновны все, виновен даже ты*», «*Тишина... Тишина такая / Тишина на земле и в нас*», «*Только раз дается в жизни счастье, / Только раз и только на мгновенье*»; «*Довольно бравады и рвенья умерь. / Довольно бравады – не надо*», «*Ветром теперь стучит, / Ветром пошел пришептывать*», «*Ночью узнать не нам, / Ночью едва ли визнаешь*». Эллипсис: «*У которого гнев – навек...*», «*Вся наша жизнь на холостом ходу*», «*Вместо сердца – кусочек холодного льда*»; «*Когда на карте стынет – нет*», «*Ну, а все мы / Над затихшею темой?*», «*Что может – / Больнее и слаже*». Антиэллипсис: «*Я скажу, что я **жил** – как все люди **живут***», «*Это будет суровый и **праведный суд**, / Самый **праведный суд** из бывавших на свете*», «*Но знай, что **никто** не поможет, / **Никто** не сумеет помочь*»; «*Как Вию, **застрясть** в темноте, / **Застрясть** в неоконченных строфах*», «***За туманом**, за спешкой, за дымкой погонь, / **За туманом** и мокрым угроз бормотаньем*», «*Не певец, **не поэт** и не воин, / **Не поэт**, оскудевший герой*». Полиптотон: *жизнь – жизни – жизнью, этот – эта – этом – этой, мире – мир* («Об этом мире слишком много лгут»); *трезвон – трезвоном, небылью – небыли, сетку – сеткой, урон – урона* («В дождь»). Антитеза: «*И на улице, и в доме*», «*Ни во сне, ни уже наяву*», «*Хорошо и привольно живет в **раю**, / А **внизу** на земле так темно и тревожно*»; «*Где в **черную** улицу **белый** огонь*», «*Но **ночи** уходят и **дни** коротки*», «***Сверху** слякоть и грязь, / А **внизу** и тепло и светло*».

При рассмотрении полученных данных с точки зрения уже озвученных нами творческих особенностей и приемов «ноты» можно заметить ощутимое различие между индексами «стилистической насыщенности» (взятые за эталон 1,08 у А. Штейгера и 0,68 у П. Ставрова). Однако в условиях творческой установки на «литературный аскетизм» [3, с. 8] показатель сборника стихов одесского поэта не вступает в противоречие с идейно-художественными требованиями «ноты». Более того, следование этим требованиям у П. Ставрова проявляется отчетливее, чем у А. Штейгера как через показатель «стилистической насыщенности», так и через список стилистических фигур, тяготение к которым поэты обнаруживают в своем творчестве (шесть против восьми).

Также следует отметить, что практически одинаково в сборниках с помощью стилистических фигур выражены частные приемы и особенности творчества представителей «ноты». Если на отмечаемое А. Л. Бемом постоянство недоговоренности у обоих поэтов ясно указывает эллипсис (и апозиопезис – у А. Штейгера), то так называемая «игра в скобочки» (или использование вставных конструкций) встречается лишь восемь раз в сборнике П. Ставрова и всего три раза – у А. Штейгера, из-за чего о ней в рамках данного исследования вряд ли можно говорить как об одном из приемов, присущих творчеству поэтов «парижской ноты». А вот прием оборванности фраз, выражаемый апозиопезисом, преобладает только у А. Штейгера, в сборнике П. Ставрова эта фигура встречается заметно реже (три раза) и не является наиболее частотной.

Идеи И. Чиннова и Г. Адамовича о намеренной «бедности» словаря, использовании только элементарного материала находят свое воплощение в стихах П. Ставрова и А. Штейгера через использование анафоры, антиэллипсиса и полиптотона. В основе этих фигур лежит принцип повторения определенных смысловых или речевых элементов, т. е. стихотворениям в сборниках «Эта жизнь» и «Без последствий» присуща постоянная акцентуация, постоянная сосредоточенность на чем-то одном, значимом и важном для каждого поэта. Эти фигуры не дают читателю покинуть некий замкнутый круг, образующийся повторением (иногда многократным) отдельных слов и словосочетаний, содержащих в себе смысловое ядро стихотворения. Комплекс обозначенных фигур (он может дополняться, например, использованием синонимических повторов или другими, менее употребительными стилистическими фигурами), таким образом, постоянно или несколько раз возвращающих к «главным» словам стихотворения, помогает как выразить самое важное, так и на интуитивном уровне (если говорить о неподготовленном читателе) уловить, выявить это важное. Заметим, что чрезвычайно важен именно комплекс фигур, задействованных в стихотворении, поскольку, например, сама по себе анафора в принципе является распространенным средством выразительности и, более того, она выступает частным случаем параллелизма – механизма, выстраивающего, по Ю. М. Лотману, поэтическую картину мира [10, с. 40], что подразумевает частое ее использование независимо от принадлежности поэта к «парижской ноте».

Выделенный нами комплекс фигур с примыканием к нему синонимического повтора у А. Штейгера и полисиндетона у П. Ставрова, однако, не ограничивается формированием

смыслового ядра стихотворения. Мы полагаем, что обозначенные фигуры, суть которых, как мы уже отметили, заключается в повторении, указывают еще на одну особенность творчества поэтов «парижской ноты», выделяемую О. А. Коростелёвым – на медитативность.

Наконец, стоит уделить внимание антитезе – стилистической фигуре, которая тоже входит в число наиболее используемых, но на первый взгляд никак не указывает на приверженность рассматриваемых поэтов к «парижской ноте». Чтобы увидеть взаимосвязь между антитезой и чертами творчества «парижской ноты», мы вновь вынуждены обратиться к высказыванию Г. Адамовича о необходимости элементарного материала. Этот элементарный материал, как видно из примеров самого Г. Адамовича, зачастую лишен переходных ступеней, переходных форм и имеет только два состояния, два полюса – «плюс» и «минус» – неразрывно связанных, но в то же время противопоставленных друг другу. В этой связи желание последователей «ноты» сказать о самом главном (о жизни и смерти, о рае и земном существовании, о России и совершенно чужой стране, в которой каждый из них оказался), реализуется в том числе через использование антитезы, фигуры противопоставления, позволяющей наиболее адекватно отобразить сложные, диалектические отношения, казалось бы, элементарных начал.

Подводя итог нашему исследованию, мы выводим следующий ряд положений: во-первых, в рамках исследования было выявлено множество совпадений в использовании стилистических фигур А. Штейгером и П. Ставровым, что указывает на принадлежность последнего к «парижской ноте».

Во-вторых, с точки зрения анализа наиболее часто употребляемых стилистических фигур были определены те характерные для творчества поэтов «парижской ноты» приемы, особенности и черты, которые нашли свое отражение в сборниках «Эта жизнь» и «Без последствий»: аскетизм в использовании стилистических фигур, медитативность поэзии, постоянство недоговоренности или умолчания, сосредоточенность на принципе повторения, на цикличности употребления отдельных структурных элементов в поэтическом тексте как реализация тезиса «писать о главном» и повышенная диалектичность.

В-третьих, полученными результатами исследования обоснована возможность применения предлагаемого в статье способа определения принадлежности к «парижской ноте».

Основные теоретические положения и выводы статьи могут найти свое применение в дальнейших исследованиях по творчеству поэтов «парижской ноты».

Список литературы

1. Агеносов В. В. Три поэта «парижской ноты» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : сб. статей. 2018. С. 3–14. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36843848_40066506.pdf (дата обращения: 05.02.2022).
2. Адамович Г. В. Собрание сочинений. «Комментарии» / сост., послесл. и примеч. О. А. Коростелёва. СПб. : Алетейя, 2000. 757 с.
3. В Россию ветром строчки занесет...: Поэты «парижской ноты» / сост., предисл., примеч. В. Крейда. М. : Мол. гвардия, 2003. 375[9] с. (Б-ка лир. поэзии «Золотой жираф»).
4. Джон Глэд. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М. : Кн. палата, 1991. 320 с. (Попул. б-ка).
5. Квятковский А. П. Симплока // Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М. : Сов. энцикл., 1966. 376 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/> (дата обращения: 05.02.2022).
6. Коростелёв О. А. ПАРИЖСКАЯ НОТА // Большая российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25. 765 с. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2320694> (дата обращения: 05.02.2022).
7. Коростелёв О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–50. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11131723_10792062.pdf (дата обращения: 05.02.2022).
8. Крейд В. Что такое «Парижская нота» // Слово\Word. 2004. № 43. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2004/43/cht0-takoe-parizhskaya-nota.html?> (дата обращения: 05.02.2022).
9. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева; редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
10. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха : [пособие для студентов]. Л. : Просвещение, Ленинградское отд-ние, 1972. 271 с.
11. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562, [1] с.
12. На взмахе крыла / сост. и комментаторы: Евгений Голубовский, Виталий Амурский. ВМВ, 2003. 97 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/stavrov_na_vzmake_kryla_2003_text.pdf?ysclid=112jyk2fjw (дата обращения: 05.02.2022).
13. О духовном опыте эмигрантской поэзии // Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции : антология / сост., авт. предисл., коммент. и биограф. сведений В. Крейд. М. : Республика, 1995. С. 5–22.

14. Ратников К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1998. 162 с.

15. Ставров П. Без последствий : стихи. Париж, 1933. 58 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/stavrov_bez_posledstvy_1933_text.pdf?ysclid=l12kcjc9hh (дата обращения: 05.02.2022).

16. Федякин С. Р. «Розановское наследие» и явление «парижской ноты» // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 51–111. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11131724_82812936.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

17. Хадьинская А. А. Георгий Иванов и Игорь Чиннов: специфика гротескного миромоделирования // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. № 2 (197). С. 67–88. URL: <https://elar.uafu.ru/bitstream/10995/85808/1/iurp-2020-197-09.pdf?ysclid=l48rbt99cg264813988> (дата обращения: 05.02.2022).

18. Хазан В. И. Из наблюдений над эмигрантской поэтикой // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 123–146. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11131726_38056008.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

19. Червинская Л. Невидимая птица : стихотворения, проза, заметки. Серия: Серебряный пепел / сост.: В. Кудрявцев, С. Ковнер. Рудня-Смоленск : Мнемозина, 2011. 360 с. URL: [Червинская-Лидия.-. Невидимая-птица-royallib.ru.pdf](http://nevidimaya-ptitsa-royallib.ru/pdf) (дата обращения: 05.02.2022).

20. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. Изд. 3-е, стереотип. М. : ФЛИНТА, 2011. 480 с. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/23.pdf> (дата обращения: 05.02.2022).

Collections of poems by P. Stavrov "Without consequences" and A. Shteiger "This life" – the experience of determining belonging to the "Parisian note"

A. E. Anufriev¹, V. A. Malykh²

¹Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: usr11763@vyatsu.ru

²junior researcher of Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods Department, master student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7576-6164. E-mail: usr22727@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the current and debatable issue of the affiliation of the poets-"Parisians" of the first wave of Russian emigration to the "Parisian note". In view of the many points of view of researchers on the question of the involvement of certain poets in this literary phenomenon on the basis of the similarity or convergence of their creative manner with the poetics of the "Parisian note", as well as in view of the special role of some figurative and expressive linguistic means, in their complex noted by literary critics and critics as one of the fundamental poetological principles or constants The article is aimed at identifying the general patterns of the use of stylistic figures in the collections of P. Stavrov "Without Consequences" and A. Steiger's "This Life" using the statistical method and the method of comparative analysis. This method is proposed by the authors of the article as a "starting point" in solving the problem outlined above, since as a result of its use, general and particular features of the use of stylistic figures by poets are revealed, correlating with the features and techniques of the representatives of the "note".

In addition to highlighting the most commonly used stylistic figures, the article for the first time offers an attempt to analyze them, on the basis of which the functional significance of using a particular stylistic figure is clarified, as well as the techniques and characteristic features of the poetry of the "Parisian note" are clarified.

The study concluded that the use of stylistic figures by P. Stavrov in the collection "Without Consequences" is characteristic, typical of the poetics of the "Parisian note".

The main provisions and conclusions of the article can be used for further research of the creativity of the poets of the "Parisian note".

Keywords: P. Stavrov, A. Steiger, poets of the "Parisian note", stylistic figures.

References

1. Agenosov V. V. *Tri poeta "parizhskoj noty"* [Three poets of the "Parisian note"] // *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah : sb. Statej – Russia and China on the Far Eastern frontiers* : collection of articles. 2018. Pp. 3–14. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36843848_40066506.pdf (date accessed: 05.02.2022).

2. Adamovich G. V. *Sobranie sochinenij. "Kommentarii"* [Collected works. "Comments"] / comp., afterword and note by O. A. Korostelev. SPb. Aletya. 2000. 757 p.

3. *V Rossiyu vetrom strochki zaneset...: Poety "parizhskoj noty"* – The lines will be brought to Russia by the wind ...: Poets of the "Parisian note" / comp., preface, notes by V. Kreid. M. Mol. guardia (Young guard). 2003. 375 [9] p. (Library of lir. poetry "Golden Giraffe").
4. *John Glad. Besedy v izgnanii: Russkoe literaturnoe zarubezh'e* [Conversations in exile: Russian literary abroad]. M. Kn. Palata (Book chamber). 1991. 320 p. (Popul. library).
5. *Kvyatkovskij A. P. Simploka* [Simploka] // *Kvyatkovskij A. P. Simploka* – Poetic dictionary / scient. ed. I. Rodnyanskaya. M. Sov. encycl. 1966. 376 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/> (date accessed: 05.02.2022).
6. *Korostelyov O. A. PARIZhSKAYA NOTA* [PARISIAN NOTE] // *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya* – Great Russian Encyclopedia. M. 2014. Vol. 25. 765 p. Available at: <https://bigenc.ru/literature/text/2320694> (date accessed: 05.02.2022).
7. *Korostelyov O. A. "Parizhskaya nota" i protivostoyanie molodezhnyh poeticheskikh shkol russkoj literaturnoj emigracii* ["Parisian note" and the confrontation of youth poetic schools of Russian literary emigration] // *Literaturovedcheskij zhurnal* – Literary Journal. 2008. No. 22. Pp. 3–50. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11131723_10792062.pdf (date accessed: 05.02.2022).
8. *Kreid V. Chto takoe "Parizhskaya nota"* [What is the "Parisian note"] // *Slovo\Word* – Slovo\Word. 2004. No. 43. Available at: <https://magazines.gorky.media/slovo/2004/43/cht0-takoe-parizhskaya-nota.html?> (date accessed: 05.02.2022).
9. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* – Literary encyclopedic dictionary / under the gen. ed. of V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev; editors: L. G. Andreev, N. I. Balashov, A. G. Bocharov, etc. M. Soviet Encyclopedia. 1987. 752 p.
10. *Lotman Yu. M. Analiz poeticheskogo teksta: cstruktura stiha : [posobie dlya studentov]* [Analysis of the poetic text: the structure of the verse : [handbook for students]]. L. Prosveshchenie (Enlightenment), Leningrad Publishing House. 1972. 271 p.
11. *Matveeva T. V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don. Phoenix. 2010. 562, [1] p.
12. *Na vzmahe kryla* – On the wing flap / comp. and commentators: Evgeny Golubovsky, Vitaly Amursky. WWII. 2003. 97 p. Available at: https://vtoraya-literatura.com/pdf/stavrov_na_vzmakhe_kryla_2003_text.pdf?ysclid=l12jyk2fjw (date accessed: 05.02.2022).
13. *O duhovnom opyte emigrantskoj poezii* – About the spiritual experience of emigrant poetry // *Ver-nut'sya v Rossiyu – stihami... 200 poetov emigracii : antologiya* – Return to Russia – poems ... 200 poets of emigration: anthology / comp., author's preface, comment. and biogr. of information V. Kreid. M. Respublika (Republic). 1995. Pp. 5–22.
14. *Ratnikov K. V. "Parizhskaya nota" v poezii russkogo zarubezh'ya* ["Parisian note" in the poetry of the Russian abroad]. Chelyabinsk. Chelyabinsk State University. 1998. 162 p.
15. *Stavrov P. Bez posledstvij : stihy* [Without consequences : poems]. Paris. 1933. 58 p. Available at: https://vtoraya-literatura.com/pdf/stavrov_bez_posledstvy_1933_text.pdf?ysclid=l12kjc9hh (date accessed: 05.02.2022).
16. *Fedyakin S. R. "Rozanovskoe nasledie" i yavlenie "parizhskoj noty"* ["Rozanov's legacy" and the phenomenon of the "Parisian note"] // *Literaturovedcheskij zhurnal* – Literary Journal. 2008. No. 22. Pp. 51–111. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_11131724_82812936.pdf (date accessed: 05.02.2022).
17. *Hadynskaya A. A. Georgij Ivanov i Igor' Chinnov: specifika grotesknogo miromodelirovaniya* [Georgy Ivanov and Igor Chinnov: the specifics of grotesque world modeling] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* – Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2020. No. 2 (197). Pp. 67–88. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85808/1/iurp-2020-197-09.pdf?ysclid=l48rbt99cg264813988> (date accessed: 05.02.2022).
18. *Hazan V. I. Iz nablyudenij nad emigrantskoj poetikoj* [From observations on emigrant poetics] // *Literaturovedcheskij zhurnal* – Literary Journal. 2008. No. 22. Pp. 123–146. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11131726_38056008.pdf (date accessed: 05.02.2022).
19. *Chervinskaya L. Nevidimaya ptica : stihotvoreniya, proza, zametki. Seriya: Serebryanyj pepel* [The Invisible Bird: poems, prose, notes. Series: Silver ashes] / comp.: V. Kudryavtsev, S. Kovner. Rudnya-Smolensk. Mnemosyne. 2011. 360 p. Available at: [Chervinskaya-Lydia.-Invisible-bird-royallib.ru.pdf](http://chervinskaya-lydia.-invisible-bird-royallib.ru.pdf) (date accessed: 05.02.2022).
20. *Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrasitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* – Encyclopedic dictionary-reference. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings / ed. by A. P. Skovorodnikov. 3rd ed., stereotype. M. FLINTA. 2011. 480 p. Available at: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovary/23.pdf> (date accessed: 05.02.2022).

Музыкальная антропология Э. Т. А. Гофмана, или Музыкальность как основа личностной целостности и подлинно человеческого бытия

Г. И. Мокеева

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0003-3457-7193. E-mail: galina@mech.unn.ru

Аннотация. Предмет исследования – антропологические воззрения Э. Т. А. Гофмана в свете важнейших особенностей его миропонимания: сознания неустранимой двойственности мира и человека и безграничной веры в музыку как преображающую силу бытия. Цель статьи состоит в анализе ключевых концептов гофмановской антропологии (музыкальность, личностная гармонизация, «любовь художника», «истинный музыкант»), трактуемых в качестве базовых элементов концепции личности Гофмана. Актуальность исследования основывается на понимании музыкальности как сущностного качества сознания, определяющего уровень душевного и духовного развития человека и опосредованно влияющего на состояние общественной культуры и направление общественного развития.

Автор исходит из представления, что идеалом человека для Гофмана является цельная гармоничная личность и важнейшей жизненной обязанностью человека в условиях двоемирия он полагает работу самосовершенствования, целью которой является самоосуществление в целостности и личностная гармонизация. Анализ сочинений Гофмана, затрагивающих вопросы становления человека, позволяет утверждать, что основой целостности и гармоничности личности он мыслит музыкальность, осознавая ее как сложное многогранное чувство, определяющее характер взаимоотношений человека с миром. Личностная гармонизация, в понимании Гофмана, есть процесс формирования и развития этого чувства, осуществляемый путем самопознания, направляемого юмором и любовью.

Значительное внимание в статье уделено решению Гофманом вопроса о возможности «демонических злоупотреблений» в процессе личностной гармонизации. Констатируется, что необходимыми предпосылками подлинно гармоничного личностного становления Гофман полагает чистоту души и овладение навыком высокой любви. Символом последней у него выступает «любовь художника» – бескорыстная, жертвенная, раскрывающая творческий потенциал человека. Соответственно степени проявленности этого чувства построена личностная типология Гофмана, вершину которой представляет «истинный музыкант».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что проанализированные концепты, служащие базовыми элементами концепции личности Гофмана, представляют практическую реализацию идей о музыкальной основе творческой сущности и творческого бытия человека.

Ключевые слова: Э. Т. А. Гофман, человек, двоемирие, музыкальность, личностная гармонизация.

Человек, его духовная сущность, творческое предназначение, внутренняя жизнь, «дневные» и «ночные» стороны его души – главные темы творчества Э. Т. А. Гофмана. В раскрытии их он, как художник глубоко и всесторонне образованный, опирался на представления крупнейших мыслителей своего времени: Канта, Фихте, Шиллера, Шеллинга, Ф. Шлегеля и др. Созданная им концепция личности вобрала важнейшие для романтического понимания человека принципы и представления: идею «абсолютной суверенности» [14, с. 354] личности, кантовские постулаты о двойственной природе и творческой активности человека, положения эстетической мифологии романтизма о главенствующей роли искусства и художника в деле преобразования мира и человека, идеал универсальной личности и идею внутреннего совершенствования [2; 5; 14; 19]. Вместе с тем, будучи человеком, который «более всего чувствовал себя музыкантом» [10, с. 14], чья вера в музыку как «непобедимую силу, побеждающую и преобразующую окружавшую его действительность» [4, с. 554], была воистину безграничной, Гофман стремился приблизиться к пониманию смысла человеческого бытия, разгадке тайны человеческой души через постижение сущности и высокой правды музыки, выражающей великий космический закон целостности мироздания, противостоящей силам хаоса и разрушения. Благодаря своему в высшей степени развитому музыкальному чувству, исключительным по силе интуиции и воображению, иронически и парадоксально мыслящему уму, он многое

понял об онтологической значимости и сущностной роли музыки в жизни человека и общества и это понимание в полной мере воплотилось в его концепции личности. Однако гениальные гофмановские прозрения о важности развития у человека качества музыкальности для обретения целостного взгляда на мир и себя, для активного противления «демоническому разрушению софийной основы бытия» [6, с. 100] были долгое время обречены лишь на роль поэтических фантазий, ибо было невозможно их научное обоснование. По этой причине музыкальные аспекты личностной концепции Гофмана, выражающие глубинную суть представлений писателя о сущности подлинной человечности и идеале человека, о путях приближения этого идеала, остались вне поля зрения подавляющего большинства исследователей его творчества. В наше время в свете достижений философской, психологической и музыковедческой мысли новейшего времени справедливость интуитивных гофмановских музыкальных откровений стала очевидна. На эти достижения, касающиеся, в частности, рационального обоснования «интуиции о связи музыки с высшим, Божественным миром» [11, с. 25], музыкальной природы психики [18] и онтологической укорененности человеческой субъективности «в фундаментальных слоях бытия» [20, с. 17], интерпретации музыкальности как качества, выражающего творческую сущность человека, обеспечивающего способ его ценностного взаимодействия с миром [15], бытие «в мире становления, переходов, формирования нового» [17], ориентирована в методологическом отношении настоящая статья, в которой предпринята попытка трактовки музыкально-антропологических представлений Гофмана как полноценной музыкально-поэтической концепции личности и музыкального варианта эстетического мифа романтизма.

Основа миропонимания Гофмана – концепция «музыкального двоemiрия», в соответствии с которой суть земного бытия есть нескончаемое противоборство музыкального и немusикального начал. При этом музыкальное Гофман трактует как начало абсолютно позитивное, связанное со сферами идеального, духовного, божественного, и бесконечно более значимое в ценностном отношении, нежели начало немusикальное, ассоциируемое со сферами материального, бездуховного, сатанинского. Музыка для него есть сугубо положительная, созидательная сила бытия, которая несет одно лишь «блаженство, а не гибель» [7, т. 5, с. 165] и «в своем чистом виде ... совершенно нравственна» [7, т. 1, с. 54].

Человека Гофман мыслит существом двойственным, совмещающим в себе музыкальные и немusикальные качества, способность музыкального и немusикального восприятия, понимания и отношения к действительности, «добро и зло, стремление к возвышенному и подчинение низменному, злomu» [14, с. 283]. Вместе с тем идеалом для него является цельная гармоничная личность, и важнейшей жизненной обязанностью человека в условиях неустранимого дуализма бытия, разделенности в человеческой жизни сфер чувства, мысли и воли, он полагает работу самосовершенствования, к которому человека побуждает «сознание своего несовершенства» [7, т. 2, с. 384], необходимым образом присущее каждому, кто достиг определенной глубины самосознания. Первейшей же задачей самосовершенствования, по Гофману, является формирование музыкальности как духовного фундамента и основы целостности личности.

Музыкальность – центральное понятие гофмановской антропологической концепции, через которое раскрывается представление писателя об идеале человечности и путях его достижения. В самом общем виде Гофман определяет музыкальность как «музыку, воплотившуюся в ясно осознанное чувство» [7, т. 1, с. 333]. Он мыслит ее как сущностное качество сознания, которое охватывает основные сферы человеческого бытия и выражает жизнь души во всем многообразии чувств, мыслей и устремлений, характеризующих человека и определяющих его жизнь. Музыкальность неразделима для него с поэтическим восприятием мира, глубиной и интенсивностью душевной и духовной жизни, со способностью улавливать «величественные аккорды, <...> порожденные дивной гармонией сокровеннейших начал природы» [7, т. 3, с. 242], благоговейно внимать «бормотанию ручьев, шепоту деревьев» и «речам пламенеющего заката» [7, т. 3, с. 242], воспринимать мир как целое, единство которого поддерживается любовью. Одновременно музыкальность, в гофмановском представлении, есть качество онтологически значимое, выявляющее фундаментальные грани человеческого бытия, долженствующее соединить чувства, мысли и волю в новое единство. При этом онтологизм музыкальности по своей сути аналогичен онтологизму музыки, выражающемуся в ее способности к откровению и символическому выражению фундаментальных отношений бытия. Ибо музыкальность – это музыка души, и, как полагает Гофман, абсолютно невозможно, что «музыка, живущая внутри нас ... может быть иной, нежели та, что составляет одну из со-

кровеннейших тайн природы ... и доходит до нашего слуха через посредство музыкальных инструментов» [7, т. 4, кн. 1, с. 317].

Согласно Гофману, онтологическая значимость музыки обусловлена ее сопричастностью христианскому и романтическому началам, выражающим фундаментальные принципы бытия. По его словам, музыка есть «истинно христианское искусство» [7, т. 4, кн. 1, с. 377], а также «самое романтическое из всех искусств» [7, т. 1, с. 57]. Христианское начало в ней ярче всего обнаруживает себя в гармонии, являющей образы «единения с вечным, идеальным, что царит над нами и все же объемлет нас» [7, т. 4, кн. 1, с. 378], утверждающей «любовь, созвучие всего духовного в природе» [7, т. 4, кн. 1, с. 378] в качестве связующей силы жизни. Соответственно христианская грань человеческой музыкальности как результат осмысленного восприятия душой христианского начала музыки обнаруживает себя в признании любви единственно истинным основанием и законом человеческих взаимоотношений, памяти о высоком («от высшего духовного начала» [9, с. 20]) происхождении и достоинстве человека, мистической способности к «уловлению таинственных нитей, связующих чувственный и сверхчувственный миры» [9, с. 20], признании верховенства для человека коллективистских интересов над индивидуальными.

Романтическое начало, в отличие от начала христианского, созвучно преимущественно субъективно-личностным устремлениям человека. В музыке оно, как полагает Гофман, находит преимущественное выражение в мелодии, которая являет «выраженный в звуке порыв души» [7, т. 4, кн. 1, с. 376] и может быть сколь угодно изощренной и прихотливой, а может быть и простой, однако исполненной сильного и глубокого чувства. Сущность романтического как неотъемлемого качества человеческой музыкальности постигается Гофманом в свете музыки Бетховена как неделимое единство «бесконечного томления» [7, т. 1, с. 59] с его «вечным стремлением к свершению, к достижению цели» [19, с. 197] и героического жизнепереживания, подразумевающего бесстрашие перед любыми ужасами бытия, упорство в борьбе ради сохранения и приумножения прекрасного.

Еще одним неотъемлемым качеством музыкальной души, своего рода платой за способность постигать высшую гармонию бытия, ощущать причастность к Универсуму, в представлении Гофмана, является трагизм. К постижению трагического аспекта человеческой музыкальности его приводит сознание непреодолимости дуализма человеческого бытия, отчаяние от невозможности вырваться за пределы «волшебных кругов, в которых вращается все наше бытие», непостижимости «темных загадочных сил, начертавших те круги» [7, т. 5, с. 60]. Однако музыка для Гофмана не только прародительница трагедии, но и непревзойденный утешитель, единственный, кому по силам одолеть «демона зла» [8, с. 152]. Музыкальное мировосприятие, в его понимании, парадоксальным образом сочетает сознание трагизма человеческого удела и оптимистическую веру в силу разума, убежденность в том, что человек, который не теряет мужества, сиюсь «пробиться вперед по темным тропинкам и ходам» [7, т. 3, с. 26] жизни, будет непременно вознагражден приобщением к источнику света. Такое представление сформировалось, по-видимому, не без влияния Моцарта, безусловного гофмановского кумира, для зрелых сочинений которого характерно модуляционное взаимодействие мажора и минора, мгновенные переходы от отчаяния к надежде и обратно.

Согласно Гофману, музыкальность – это мера проявленности в человеке его высшей, духовной и творческой, природы, показатель душевной и нравственной развитости человека. Он трактует это качество диалектически, в духе натурфилософских воззрений Шеллинга, полагая, что как основа целостности и гармоничности оно формируется и развивается у человека на протяжении всей его жизни путем личностной гармонизации, а проявления его могут варьироваться от простейших форм типа благоговейного любования природой до высочайших творческих взлетов и откровений.

К пониманию сути процесса гармонизации личности Гофман приходит, основываясь на представлениях и закономерностях музыкальной гармонии. Так, он заимствует из музыки идею о том, что гармония рождается из диссонансов, главное в искусстве ее созидания – умение сочетать разнородные элементы, выявлять их «скрытое сродство» [7, т. 1, с. 327], достигая «согласия несогласного» [16, с. 94]. Символом гармонии для него становится аккорд как образ «любви, созвучия всего духовного в природе» [7, т. 4, кн. 1, с. 378], выражение «духовной общности, того единения с вечным, идеальным, что царит над нами и все же объемлет нас» [7, т. 4, кн. 1, с. 378]. А музыкант, способный посредством «чудесного искусства гармонизации» [7, т. 1, с. 326] преобразовывать «ядовитые, словно змеи, септимы» в «приветливые терции» [7,

т. 1, с. 299], а «дикую смену аккордов» – в «нежную, райскую гармонию» [7, т. 1, с. 300], служит ему образцом того, как должен уметь разрешать диссонансы и «окаянные квартквинтаккорды» [7, т. 5, с. 177] своей натуры человек.

Полагая, что «глубокое искусство гармонии заложено в нашем сознании» и «ищущему открываются таинственные законы этого искусства» [7, т. 1, с. 327], Гофман представляет личностную гармонизацию как процесс самопознания и саморазвития, нацеленный на преодоление человеком мучительных противоречий своей натуры; развитие у него навыка любви, без которого невозможно обрести умение сочетать несочетаемое и творить гармонию; формирование отношения к миру как к целому, единство которого основывается на любви. Главным инструментом самопознания Гофман мыслит иронию – «прекраснейший дар природы» [7, т. 5, с. 200], обеспечивающий всесторонность, целостность, а значит, подлинность восприятия человеком себя и окружающей действительности. В свою очередь важнейшим элементом иронии и потому также необходимым средством гармонизации и самопознания, согласно Гофману, является юмор, предоставляющий возможность «обнажения коренных противоречий существования» [21, с. 274], уяснения «границ возвышенного и низкого, реального и фантастического» [21, с. 271]. В гофмановском понимании юмор есть великое искусство смеха, владея которым, человек способен коренным образом изменить оптику восприятия жизни, перевести ее из плоскости трагедийной в плоскость героической комедии, когда самый «высочайший трагизм должен достигаться чуть ли не путем особого вида шутки» [7, т. 3, с. 329].

Обязательным компонентом процесса личностной гармонизации Гофман считает также любовь. Самопознание, неразделимое с выявлением важнейших для человека духовных и ценностных ориентиров его бытия, невозможно, по мысли Гофмана, в отсутствие любви – «могучей, таинственной силы, что потрясает и преображает глубочайшие основы бытия» [7, т. 1, с. 90], соединяет разные его формы и уровни, благополучно разрешая «неизбежный дуализм природы» [7, т. 5, с. 469]. Он утверждает: только «с верой и любовью познание вечно» [7, т. 1, с. 261]. Побуждая героя повести «Повелитель блох» отказаться от владения чудесным микроскопом, позволяющим читать в душах других людей, Гофман выражает неприятие рассудочного эмпирического знания, добываемого в обход веры и любви, в качестве адекватного способа познания. Он убежден, что высшая мудрость, в которой постигается божественная сущность мира, выходит за пределы рационального знания, что прежде чем постичь умом, надо постигнуть душой и сердцем.

В целом процесс личностной гармонизации, характеризуемый теснейшим взаимодействием способностей воображения, творческой фантазии и рассудка, предстает у Гофмана в виде свободной игры мысли и чувства, модерируемой и контролируемой юмором и любовью. Его наглядной интерпретацией служит феерическое каприччио «Принцесса Брамбилла», где кульминационный момент личностного становления героев, происходящего в обстановке венецианского карнавала, изображен как удивительный танец, в котором гармонично взаимодействуют реальность и мечта, страсть и расчет, восторженность и трезвость. При этом самопознание героев «Брамбиллы» позволяет им раскрыть лучшее в себе и приходит к благополучному завершению именно потому, что их чувства и мысли всегда поверяются смехом и направляются любовью.

Гофман ясно сознает, сколь непросто путь к цельности и гармоничности личностного бытия, подразумевающий одоление (или хотя бы минимизацию) присущих каждому из нас склонностей к потребительству и наслаждению, привычке на все смотреть с точки зрения личной выгоды и корысти, искоренение (хотя бы отчасти) безобразной «пятнистости» [7, т. 1, с. 151] души, проявляющейся в разногласии чувств, мыслей и поступков. Он понимает, что в условиях двоемирия, когда допустимо двоякое проявление любого чувства и любой мысли, возможен и двоякий исход процесса гармонизации: либо в форме «устремления в горние выси», либо как «демоническое злоупотребление музыкой» [7, т. 1, с. 334]. При этом необходимым условием и определенным гарантом недопущения «демонических злоупотреблений» в процессе личностного становления, по мнению Гофмана, является чистота души человека. В душевной чистоте, признаки которой – невозможность жить во лжи, доверие и вера, целомудрие, свобода от необузданных порывов и страстей, раскрывается, как он полагает, могущество чистой любви и разгадка ее «дивной тайны» [9, с. 159], являющейся одной из великих тайн бытия.

Мысль о спасительности и благословенности чистой любви, «любви, которая царит лишь в надзвездных высях и чужда земных упоений» [9, с. 248], отчетливо звучит в романе «Эликсиры сатаны». История духовного и физического вырождения нескольких знатных се-

мейств, представленная в нем, являет ужасающую «символику судеб человеческого рода ... символику грубой физической святотатственной связи там, где подсказывалась связь нежная, духовная, сестры и брата» [2, с. 473]. Раскрывая ее, Гофман решительно противопоставляет агрессивной, грубой, осязаемо-телесной чувственности, неявно идентифицируемой им как «любовь земная», «любовь небесную», питаемую чувствами тонкими, нежными, чистыми, выражающими истинную мелодию любви. В полном соответствии с христианской этикой он «рассматривает духовное как божественное, а телесное как сатанинское» [19, с. 118], трактуя «земную любовь» как профанацию, «разрушающую человеческое стремление к духу» [19, с. 119]. И, констатируя, что страсти, подчинившие себе мир, – причина того, что он ныне «пребывает в состоянии нравственного упадка» [1, с. 14]; утверждая, что «земное упоение – не самое высшее в жизни» [7, т. 2, с. 283], что превыше его – «благословение горнего мира любви» [9, с. 252], взывает к преобразению человеческой чувственности, в облагораживании чувств, смягчении и очищении душ усматривая необходимую ступень к более зрелому и достойному человека свободному, творческому – музыкальному – бытию, шаг навстречу истинному – музыкальному – человеческому «я».

Итог гофмановских усилий в разгадке «дивной тайны чистой любви» [9, с. 159], стремлении постигнуть высшую суть любви – представление о «любви художника» [8, с. 222], развиваемое в романе «Житейские воззрения кота Мурра...». Характеризуя это чувство как атрибутивное качество «истинных музыкантов», писатель уподобляет его «чистому небесному огню, который лишь светит и греет, но никогда не опалает сокрушительным пламенем» [7, т. 5, с. 134]. «Любовь художника» лишена стремления к обладанию, в ней отсутствуют эгоистические и агрессивные порывы, но есть радость и желание самоотдачи, безграничное великодушное, бескорыстное и готовность к пониманию, прощению и жертве ради любимого существа. Такова настоящая романтическая любовь – думающая, жертвенная, спасающая, чистая. Ее главная функция – работа гармонизации человеком себя и мира вне себя, «преодоление раскола внутри личности, обусловленного инстинктами, которые устремляются в различных, взаимоисключающих направлениях» [22, с. 83–84], одоление «зла, таящегося в нас» [22, с. 108]. Работа нелегкая, ибо любовь нельзя «выразить в живой жизни иначе, кроме как ... достав ее из глубин собственного сердца» [7, т. 6, с. 278].

В понимании Гофмана, «любовь художника» – это высшая форма проявления музыкальности человека, делающая его бытие подлинно человеческим, наполняющая его энергией творчества и благородного действия, побуждающая к практическому следованию в жизни велениям звучащей в душе музыки. С овладением навыком «любви художника» связывает он путь совершенствования человека, путь к «более высокому образу бытия». И это не пустое мечтательство, но героическая попытка разгадать «мистическую сторону любви» [3, с. 447]. Попытка приподнять завесу над тайной Вечной женственности, воплощающей «ту силу любви, которая постоянно обновляет жизнь и возвышает человека» [13, с. 108]. Попытка, ставящая Гофмана в один ряд с Гельдерлином, Вл. Соловьевым, Рильке, Блоком, Лосевым.

Представление о «любви художника» запечатлело страстное желание Гофмана реализовать нереализуемое. Он верит, что человек способен так любить, и свидетельство его веры – образ «истинного музыканта». Этот образ – главный итог гофмановских антропологических исканий, вершина гофмановской символической личностной типологии, причисляющей человека к разряду «вовсе не музыкантов», «плохих музыкантов» либо «истинных музыкантов» [7, т. 5, с. 134] в зависимости от того, владеет он или нет навыком высокой любви – «любви художника». В рамках этой типологии Гофманом создана внушительная портретная галерея, господствующее положение в которой, как и в реальной жизни, занимают филистеры – абсолютные «немузыканты», демонстрирующие разные формы личностного уродства, обусловленного душевной неразвитостью, музыкальной и духовной глухотой, приверженностью лишь материальным, корыстным, сиюминутным интересам, однако на передний план в которой выведены необыкновенные по силе и глубине образы «истинных» музыкантов, готовых, благодаря живущему в них духу истинной любви, героически бороться и умирать за высокое и прекрасное.

Как способ бытия, выражающий предельную степень немужественности и «погруженности современного общества в конечное» [19, с. 240], филистерство в изображении Гофмана предстает феноменальным монстром, вобравшим в себя «все общественные и нравственные убожества» [12, с. 271]: хамство, душевную скудость, духовное плебейство и, как итог, неспособность к проявлению качеств подлинной человечности, неразделимой, в гофмановском по-

нимании, с готовностью жертвовать «счастьем, благополучием и самой жизнью великой, священной идее» [7, т. 1, с. 113], потребностью «жить и действовать по своей воле» [7, т. 1, с. 112], способностью совершать «благодетельные» «ненамеренно» [7, т. 1, с. 117] и бескорыстно.

«Плохие музыканты», согласно Гофману, – это натуры изначально незаурядные, творческие, однако вдохновение их руководимо не преклонением перед прекрасными и величественными образами, не сознанием божественного предназначения человека, а стремлением к самоутверждению, желанием «властвовать над самою жизнью» [7, т. 2, с. 375]. Они «не чувствуют тяжести земного притяжения» [7, т. 2, с. 375], им не достает смирения, а потому они не способны к труду созидательному, творческому, который вершится всегда в состоянии «погруженности в глубины духа, отрешенности от желаний и страстей» [1, с. 230]. Движимые духом гордыни и себялюбия, они, как и «немузыканты», игнорируют обязанность человека бороться за более высокий образ. Воображая себя почти богами, они низводят идеал на землю, что, в понимании Гофмана, равнозначно утрате идеала как такового и что, в конечном счете, является причиной их жизненной и творческой трагедии.

Высший тип личности для Гофмана – «истинный музыкант». С максимальной полнотой он воплощен Гофманом в образе гениального музыканта Иоганнеса Крейсера («Крейслериана», «Житейские воззрения кота Мурра...»). Это фигура поистине бетховенского масштаба: героическая, страстная, «вечно одержимая мелодией и гармонией» [7, т. 1, с. 333]; «мало того: Крейслер – добрый гений» [2, с. 478]. Трагико-героическое непонимание и сознание неустранимого дуализма мира и собственной двойственности естественно соединяются в нем с душой, преисполненной «духом истинной любви» [7, т. 5, с. 200]. Призванный в мир, как и другой гофмановский герой, в «бедное, жалкое время внутреннего огрубения и слепоты» [7, т. 1, с. 237], он обречен на существование в пограничье между сном и явью, «на границе рассудка» [7, т. 1, с. 295], «в неустанной погоне за безымянным Нечто» [7, т. 5, с. 64]. Но, вопреки всему, он остается неутомимым искателем духа всеобщей гармонии и собственной гармоничной связи с миром; живет, творя во славу того, что любит, не мирясь с очевидной несправедливостью, унижением человеческого достоинства, проявлениями раболепия, низкопоклонства, чванства, подлости. Его жизнь – непрекращающаяся работа любви, преобразование по мере сил окружающей действительности на началах красоты и добра.

Подводя итоги, отметим, что выполненный анализ основных музыкально-антропологических концептов Гофмана (музыкальность, искусство личностной гармонизации, «любовь художника», «истинный музыкант») позволяет рассматривать их как самодостаточную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, образующих гофмановскую концепцию личности. Отличительными чертами этой концепции, в поэтической форме запечатлевшей ключевые научно-философские представления своего времени, являются глубокое постижение и практическая реализация связанных с музыкой интуиций и идей, определяющих основы творческой сущности и творческого бытия человека. По своей сути она представляет музыкальный вариант эстетического мифа романтизма. Выраженные в ней идеи о важности развития у человека качества музыкальности как инструмента его личностного самосовершенствования, необходимости освоения им навыков высокой любви, активного неприятия зла (в том числе в самом себе), выработки бережного, любовного отношения к миру весьма актуальны для нашего времени с его неумением любить, амбивалентностью ценностных ориентиров, прагматизмом и бездушием. В высшей степени актуален и образ «истинного музыканта», служащий олицетворением гофмановской концепции. Взыскующий разумно-целостного познания «с верой и любовью» [7, т. 1, с. 261], он являет реальную альтернативу личностям филистерско-фаустианского типа, ориентация которых на безлюбовно-рассудочное «покорение» и «потребление» мира чревата угрозой существованию человеческого общества и мироздания в целом.

Список литературы

1. Аствацатуров А. Г. Феномен бессознательного в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры сатаны» // Преломления: переводы поэзии и прозы, труды по теории и истории литературы, поэтике, герменевтике и сравнительному литературоведению. Вып. 2. СПб. : Центр информационной культуры, 2003. С. 217–248.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб. : Азбука-классика, 2001. 512 с.
3. Болдырев Н. Ф. Беатриче (послесловие) // Данте. Дефо. Г.-Х. Андерсен. Ренан. Ибсен: Биограф. повествования. Челябинск : Урал, 1995. С. 442–454.
4. Бэлза И. Ф. Капельмейстер Иоганнес Крейслер // Гофман Э. Т. А. Крейсериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. М. : Наука, 1972. С. 541–563.

5. *Вольский А. Л.* Революция духа: гений творец модернистской культуры // Ежегодник Российского союза германистов. Т. 15. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 22–30. URL: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=36864541> (дата обращения: 21.04.2022).
6. *Гильманов В. Х., Копцев И. Д., Лихина Н. Е.* Тайна магнетизма в мистерии романтического духа Э. Т. А. Гофмана (на материале новеллы «Магнетизер. Семейная хроника») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 3. С. 99–106. URL: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=41123796> (дата обращения: 21.04.2022).
7. *Гофман Э. Т. А.* Собр. соч. В 6 т. М.: Художественная литература, 1991–2000.
8. *Гофман Э. Т. А.* Житейские воззрения кота Мурра с присовокуплением макулатурных листов из биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera / пер. с нем. А. Голембы // Э. Т. А. Гофман. Крейсleriана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. М.: Наука, 1972. С. 97–430.
9. *Гофман Э. Т. А.* Эликсиры сатаны / пер. с нем. Н. Славятинского // Э. Т. А. Гофман. Эликсиры сатаны; Ночные рассказы. М.: Республика, 1992. С. 3–256.
10. *Житомирский Д. В.* Музыкальная эстетика Э. Т. А. Гофмана // Д. В. Житомирский. Избранные статьи. М.: Советский композитор, 1981. С. 14–77.
11. *Зенкин К. В.* Музыка как предмет логики и мифологии // А. Ф. Лосев. Музыка как предмет логики. М.: Академический проект, 2012. С. 5–32.
12. *Игнатов С. С.* Из книги «Э. Т. А. Гофман. Личность и творчество» // Русский круг Гофмана. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 271–275.
13. *Кантор В. К.* Ewig-Weibliche как проблема русской культуры // В. К. Кантор. Изображая, понимать, или Sententia sense: философия в литературном тексте. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 104–151.
14. *Карельский А. В.* Метаморфозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. Вып. 3: Немецкий Орфей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2007. 608 с.
15. *Коломиец Г. Г.* Философия музыки в картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 139–155. URL: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=15104109> (дата обращения: 21.04.2022).
16. *Махов А. Е.* Musica literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике. М.: Intrada, 2005. 224 с.
17. *Снопкова О. В.* Музыкальный контекст бытия человеческой субъективности // URL: <http://www.newacropolis.org.ua/theses/6fc96613-de7f-4ed3-8881-24459618786b> (дата обращения: 17.04.2022).
18. *Торопова А. В.* Феномен музыкального сознания как орудие структурирования внутренней реальности личности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2010. № 1 (16). С. 97–112. URL: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=13121461> (дата обращения: 21.04.2022).
19. *Федоров Ф. П.* Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. 368 с.
20. *Фомина З. В.* Философия музыки. Саратов: Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, 2011. 208 с.
21. *Шамрай А. Ф.* Эстетические суждения Гофмана // Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982. С. 266–282.
22. *Юнг К.-Г.* Феномен самости / пер. с нем. А. Чечиной. М.: Изд-во АСТ, 2020. 224 с.

E. T. A. Hoffmann's Musical Anthropology, or Musicality as the basis of personal integrity and truly human being

G. I. Mokeyeva

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher,
Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky.
Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0003-3457-7193. E-mail: galina@mech.unn.ru

Abstract. The subject of the research is the anthropological views of E. T. A. Hoffmann in the light of the most important features of his worldview: the consciousness of the irreducible duality of the world and man and boundless faith in music as a transformative force of being. The purpose of the article is to analyze the key concepts of Hoffmann anthropology (musicality, personal harmonization, "artist's love", "true musician"), interpreted as the basic elements of Hoffmann's personality concept. The relevance of the research is based on the understanding of musicality as an essential quality of consciousness that determines the level of mental and spiritual development of a person and indirectly influences the state of public culture and the direction of social development.

The author proceeds from the idea that the ideal of a person for Hoffmann is a whole harmonious personality and the most important life duty of a person in the conditions of a dual world, he believes the work of self-improvement, the purpose of which is self-fulfillment in integrity and personal harmonization. The analysis

of Hoffman's works, which touch upon the issues of human formation, allows us to assert that he thinks of musicality as the basis of the integrity and harmony of the personality, realizing it as a complex multifaceted feeling that determines the nature of a person's relationship with the world. Personal harmonization, in Hoffmann's understanding, is the process of formation and development of this feeling, carried out through self-knowledge, guided by humor and love.

Considerable attention is paid in the article to Hoffmann's solution of the question of the possibility of "demonic abuse" in the process of personal harmonization. It is stated that Hoffman considers purity of soul and mastery of the skill of high love to be the necessary prerequisites for a truly harmonious personal formation. The symbol of high love is the "artist's love" – selfless, sacrificial, revealing the creative potential of a person. According to the degree of manifestation of this feeling, Hoffmann's personal typology is constructed, the top of which is represented by a "true musician".

The conducted research allows us to conclude that the analyzed concepts, which serve as the basic elements of Hoffman's personality concept, represent the practical realization of ideas about the musical basis of the creative essence and creative being of a person.

Keywords: E. T. A. Hoffmann, man, dual world, musicality, personal harmonization.

References

1. Astvacaturov A. G. *Fenomen bessoznatel'nogo v romane E. T. A. Gofmana "Eliksiry satany"* [The phenomenon of the unconscious in E. T. A. Hoffmann's novel "The Devil's Elixirs"] // *Prelomleniya: perevody poezii i prozy, trudy po teorii i istorii literatury, poetike, germenevtike i sravnitel'nomu literaturovedeniyu* – Refractors: translations of poetry and prose, works on the theory and history of literature, poetics, hermeneutics and comparative literature. Is. 2. SPb. Center of Information Culture. 2003. Pp. 217–248.
2. *Berkovskij N. Ya. Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. SPb. Azbuka-classica. 2001. 512 p.
3. *Boldyrev N. F. Beatriche (posleslovie)* [Beatrice (afterword)] // *Dante. Defoe. G.-H. Andersen. Renan. Ibsen: Biogr. povestvovaniya* – Dante. Defoe. G.-H. Anderson. Renan. Ibsen: Biogr. narratives. Chelyabinsk. Ural. 1995. Pp. 442–454.
4. *Belza I. F. Kapel'mejster Iogannes Krejsler* [Kapellmeister Johannes Kreisler] // *Hoffman E. T. A. Krejsleriana. Zhitejskie vozzreniya kota Murra. Dnevnik* [Kreisleriana. The Life and Opinions of the Tomcat Murr. Diaries]. M. Nauka (Science). 1972. Pp. 541–563.
5. *Vol'skij A. L. Revolyuciya duha: genij tvorec modernistskoj kul'tury* [Revolution of the spirit: the genius as the creator of modernist culture] // *Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* – Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 15. M. Languages of Slavic culture. 2018. Pp. 22–30. Available at: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=36864541> (date accessed: 21.04.2022).
6. *Gil'manov V. H., Kopcev I. D., Lihina N. E. Tajna magnetizma v misterii romanticheskogo duha E. T. A. Gofmana (na materiale novelly "Magnetizer. Semejnaya hronika")* [The secret of magnetism in the mystery of the romantic spirit by E. T. A. Hoffman (based on the material of the novel "Magnetizer. Family Chronicle")] // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* – Herald of the Baltic Federal University n. a. I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2019. No. 3. Pp. 99–106. Available at: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=41123796> (date accessed: 21.04.2022).
7. *Hoffman E. T. A. Sobr. soch. V 6 t.* [Coll. works. In 6 vols.] M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1991–2000.
8. *Hoffman E. T. A. Zhitejskie vozzreniya kota Murra s prisovokupleniem makulaturnyh listov iz biografii kapel'mejstera Iogannesa Krejslera* [The Life and Opinions of the Tomcat Murr Together with a Fragmentary Biography of Kapellmeister Johannes Kreisler on Random Sheets of Waste Paper] / transl. from German by A. Golemba // *E. T. A. Hoffman Krejsleriana. Zhitejskie vozzreniya kota Murra. Dnevnik* [Kreisleriana. The Life and Opinions of the Tomcat Murr. Diaries]. M. Nauka (Science). 1972. Pp. 97–430.
9. *Hoffman E. T. A. Eliksiry satany* [The Devil's Elixirs] / transl. from German by N. Slavyatinsky // *E. T. A. Hoffman Eliksiry satany; Nochnye rasskazy* [Elixirs of Satan; Night stories]. M. Republic. 1992. Pp. 3–256.
10. *Zhitomirskij D. V. Muzykal'naya estetika E. T. A. Gofmana* [Musical aesthetics of E. T. A. Hoffman] // *D. V. Zhitomirskij Izbrannye stat'i* [Selected articles]. M. Soviet Composer. 1981. Pp. 14–77.
11. *Zenkin K. V. Muzyka kak predmet logiki i mifologii* [Music as a subject of logic and mythology] // *A. F. Losev Muzyka kak predmet logiki* [Music as a subject of logic]. M. Academicheskij Proect (Academic Project). 2012. Pp. 5–32.
12. *Ignatov S. S. Iz knigi "E. T. A. Goffman. Lichnost' i tvorchestvo"* [From the book "E. T. A. Hoffman. Personality and creativity"]. M. Rudomino VGBIL Book Center. 2009. Pp. 271–275.
13. *Kantor V. K. Ewig-Weibliche kak problema russkoj kul'tury* [Ewig-Weibliche as a problem of Russian culture] // *V. K. Kantor Izobrazhaya, ponimat', ili Sententia sense: filosofiya v literaturnom tekste* [Depicting, understanding, or Sententia sense: philosophy in a Literary text]. M., SPb. Center for Humanitarian Initiatives. 2018. Pp. 104–151.
14. *Karel'skij A. V. Metamorfozy Orfeya: Besedy po istorii zapadnyh literatur. Vyp. 3: Nemeckij Orfej* [The Metamorphoses of Orpheus: Conversations on the history of Western literatures. Is. 3: German Orpheus]. M. Russian State University for the Humanities. 2007. 608 p.

15. Kolomic G. G. *Filosofiya muzyki v kartine mira* [Philosophy of music in the picture of the world] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* – Herald of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. 2021. Vol. 25. No. 1. Pp. 139–155. Available at: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=15104109> (date accessed: 21.04.2022).
16. Mahov A. E. *Musica literaria: Ideya slovesnoj muzyki v evropejskoj poetike* [Musica literaria: The idea of verbal music in European Poetics]. M. Intrada. 2005. 224 p.
17. Snopkova O. V. *Muzykal'nyj kontekst bytiya chelovecheskoj sub'ektivnosti* [The musical context of the existence of human subjectivity] // Available at: <http://www.newacropolis.org.ua/theses/6fc96613-de7f-4ed3-8881-24459618786b> (date accessed: 17.04.2022).
18. Toropova A. V. *Fenomen muzykal'nogo soznaniya kak orudie strukturirovaniya vnutrennej real'nosti lichnosti* [The phenomenon of musical consciousness as a tool for structuring the inner reality of the individual] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya* – Herald of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2010. No. 1 (16). Pp. 97–112. Available at: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=13121461> (date accessed: 21.04.2022).
19. Fedorov F. P. *Hudozhestvennyj mir nemeckogo romantizma: Struktura i semantika* [The artistic world of German Romanticism: Structure and Semantics]. M. MIC. 2004. 368 p.
20. Fomina Z. V. *Filosofiya muzyki* [Philosophy of music]. Saratov. Saratov State Conservatory n. a. L. V. Sobinov. 2011. 208 p.
21. Shamraj A. F. *Esteticheskie suzheniya Gofmana* [Aesthetic judgments of Hoffmann] // *Hudozhestvennyj mir E. T. A. Gofmana* – The artistic world of E. T. A. Hoffman. M. Nauka (Science). 1982. Pp. 266–282.
22. Jung K.-G. *Fenomen samosti* [The phenomenon of self] / transl. from German by A. Chechina. M. AST. 2020. 224 p.

Документальная основа прозы С. А. Шаргунова

Е. Ю. Вихрова

аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью,
Тверской государственной университет.
Россия, г. Тверь. ORCID: 0000-0002-3644-6106. E-mail: katjalilija24@yandex.ru

Аннотация. Документальное начало играет большую роль в произведениях современного прозаика С. А. Шаргунова. Обращаясь к фактам собственной биографии, семейной истории и историческим документам, автор показывает взаимоотношение различных героев с православной верой. Христианская традиция является системообразующей для русской литературы. В современном литературоведении данная проблематика серьезно разработана.

Цель данной научной статьи – рассмотреть, как христианская традиция воплощается в произведениях современного писателя С. А. Шаргунова. Для реализации цели были поставлены следующие задачи: изучить двойственную роль автобиографического компонента в прозе С. А. Шаргунова; отметить, в каких случаях автобиографический материал служит воплощению христианской традиции в прозе, а в каких – становится постмодернистским приемом; выявить отношение автобиографического героя и вымышленных персонажей к православной традиции.

Для решения поставленных задач мы обратились к комплексному анализу, включающему генетический, структурно-типологический и сравнительно-исторический методы исследования.

Объектом исследования стала проза С. А. Шаргунова. Предмет исследования – отражение христианской традиции в прозе С. А. Шаргунова.

В данной статье на материале творчества С. А. Шаргунова апробируется тезис об обращении автора к ценностям христианства для создания образов своих персонажей, конструирования собственной художественной картины мира и для утверждения писателем идеи неразрывной связи православия со всей русской действительностью.

В данной статье мы приходим к выводам, что православная традиция занимает важное место в прозе С. А. Шаргунова. Именно обращаясь к автобиографическому компоненту, автор осмысляет роль православной традиции как в своей жизни, так и в современной русской действительности в целом.

Результаты исследования могут быть применены для подготовки спецкурсов по современной отечественной литературе.

Ключевые слова: документальное начало, автобиографизм, христианская традиция, современная литература, художественный метод.

Как отмечает Е. Г. Местергази, события, произошедшие в XX в., изменили приоритеты в литературе: на смену литературе вымысла приходит литература факта. Исследовательница пишет: «XX век, едва вступив в свои права, исторгнул человека из круга всего ему привычного, устойчивого и как бы само собой разумеющегося и одновременно вверх его в пучину доселе немислимых страданий, лишений и бед, сами меры человеческого подвига и падения оказались вдруг за гранью всех возможных представлений о них. Так действительность неожиданно оказалась фантастичнее вымысла, а факты – красноречивее слов» [13, с. 8].

Ю. Н. Мажарина свидетельствует, что в XXI столетии интерес к фактографии продолжает нарастать. Она так поясняет причину популярности литературы факта в наши дни: «Читатель сегодня требует “реальной жизни”: без художественных прикрас, редакционных стандартов, эстетической или идеологической цензуры» [12, с. 3].

В прозе С. А. Шаргунова документальное начало играет ведущую роль. Переосмысляя собственную жизнь, семейные предания, историю родной страны, писатель обращается к православной традиции.

Для нас представляет интерес, как с помощью фактов автор выражает свое отношение к православию, описывает восприятие веры различными героями.

Христианская традиция – это передача опыта христианской веры от поколения к поколению через приобщение к жизни Церкви, участие в богослужениях и церковных таинствах, установленных Церковью праздниках, усвоение христианского мировоззрения. Христианство основывается, прежде всего, не на формальном соблюдении ритуалов, а на личностном пере-

рождении, осознании присутствия в своей жизни живого Бога. Неисчерпаемость данной темы, ее глубина находят свое отражение в литературе.

Многие исследователи приходят к выводам о христоцентричности классической русской литературы в отличие от рационалистического содержания западного искусства. Так, например, М. Семон-Лосская пишет, что русское искусство «пропитано православным христианством» [10, с. 29–30].

Философы, культурологи и литературоведы подчеркивали, что даже в эпоху СССР при официально утвержденном атеистическом мировоззрении связь между православием и русской литературой не была нарушена, но приобрела более сложный характер. Так, А. Л. Казин пишет: «Православная христианская вера не исчезла из русской культуры после 1917 года, но продолжала жить в ней на всем протяжении советского периода отечественной истории (как в СССР, так и в русском Зарубежье), и продолжает жить в ней до сих пор» [6, с. 7].

Отражение православных реалий в современной русской литературе отмечают такие исследователи, как В. А. Котельников [7], А. М. Любомудров [11], И. С. Леонов [8], И. А. Казанцева [4], И. А. Есаулов [3] и др.

Ученые констатируют преодоление русской литературой периода увлечения постмодернистской культурой и возврат к традиционным ценностям. А. Л. Казин утверждает, что, несмотря на господство постмодернистской культуры на Западе, на русской почве постмодернизм в полной мере не смог развиваться, так как «для России “нужна другая мысль, другая формула” (А. С. Пушкин). В основе русской цивилизации лежит православное христианство» [5, с. 201]. Обращение современных писателей к православной традиции Н. В. Пращерук соотносит с изменениями, происходящими в общественной жизни. Исследовательница подчеркивает возрастание у широкого круга читателей потребности в познании православной веры [14]. А. М. Любомудров, характеризуя современную русскую словесность, пишет, что и спустя век в отечественной литературе вновь возникает феномен, который в критике получил название «православного реализма» [11, с. 242]. Исследователь отметил, что новые реалисты поднимают проблемы взаимоотношения литературы и Церкви, ссылаясь на творчество И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева. А. М. Любомудров говорит о возможной преемственности их опыта новым поколениям.

С. А. Шаргунов, раскрывая внутренний мир персонажа, следует традиции русской литературы в обращении к документальному началу. Но в то же время авторские «находки», факты, становятся строительным материалом для создания метарассказа, то есть постмодернистским приемом. Из готового набора фактов писатель конструирует различные художественные миры. О двойственной роли автобиографического материала в прозе «новых реалистов» С. А. Шаргунова и Захара Прилепина рассуждает И. А. Богатырева: «И один, и другой автор успешно создают себе образ как раз “честного человека”, умело вкрапляя элементы автобиографии в свои романы и придавая художественным произведениям публицистическую остроту. <...> Между тем для профессионального читателя очевидны художественные приемы, к которым прибегают Шаргунов и Прилепин» [1, с. 76].

Немаловажное значение в обращении С. А. Шаргунова к документальному началу в прозе имеет его журналистская деятельность. Вот как писатель характеризует свое журналистское творчество: «...мне помогала журналистика, когда я работал в Комитете по безопасности Госдумы и специальным репортером в одной столичной газете и занимался ни в коем случае не литературой, а обжигающей жизнью. <...> Бывают стихи в прозе, а еще бывают стихи в публицистике. <...> я вел летопись своей борьбы <...> я взялся за “психоделическую аналитику”, синтез импрессионизма и чеканных формул, интуиции и выкладок» [15]. В прозе С. А. Шаргунову также важно освещать то, что происходит «здесь и сейчас», отражать актуальные на сегодняшний день проблемы.

О публицистическом характере творчества писателя А. И. Богатырева говорит следующее: «Стремясь писать о дне сегодняшнем правдиво и откровенно, автор обращается к реальным событиям. <...> Автобиографизм и злободневность подпитывают друг друга, выливаясь в публицистичность» [1].

Сам писатель в манифесте «Отрицание траура», объясняя востребованность творчества неореалистов среди широкого круга читателей, так характеризует роль автора в современном литературном процессе: «Молодой человек инкрустирован в свою среду и в свою эпоху, свежо смотрит на мир. <...> Реализм, нескончаемо обновляясь вместе с самой реальностью, остается волшебным молоком постмодернизма. Типаж сохраняет знакомые (хоть по Фонвизину,

хоть по Теккерею) черты, типаж жив, увлекательно отмечать в нем перемены в свете новых обстоятельств. Вот они, истинные бесчисленные фокусы!» [18].

В прозе С. А. Шаргунова большой пласт автобиографического материала связан с православной традицией, которая становится объектом и серьезных авторских раздумий, и постмодернистской игры. Сам автобиографический материал зачастую выступает как строительный материал для создания художественной картины мира.

Характеризуя творчество современных писателей, Ж. Голенко отмечает следующее: «Подлинность субъективного, а не истина объективного – вот вектор нынешней игры. Отсюда смена универсального опыта жизни опытом индивидуальным – story, главенствующая над history» [2].

С одной стороны, С. А. Шаргунов проводит своеобразный эксперимент в наделении вымышленных персонажей автобиографическими деталями (например, именем), приписывании им личных воспоминаний, поступков, что создает эффект единства всех произведений, целостности художественного мира автора. Такая игра позволяет показать множество возможных вариаций одного и того же события, осветить различное отношение героев к конкретному факту. Например, если для героя автобиографической повести «Книга без фотографий» поездка в Чечню – показатель храбрости и личного безрассудства, молодецкой удали, то для безразличного ко всему героя повести «Птичий грипп» Степана Неверова такая поездка – слабая надежда пробудить хоть какие-то эмоции. Или, к примеру, в рассказе «Замолк скворечник» автобиографический герой вспоминает свою первую любовь: «...я, 19-летний, стоял на Пятницкой вместе с шелудивым молодняком. <...> Я хотел увидеть ее – о, вот и увидел: лукаво усмехается, кожанка, красный рот, какой-то коктейль в жестянке» [17, с. 141]. Описанию безымянной девушки уделено всего несколько строк, но читатель, знакомый с первой повестью автора «Малыш наказан», узнает в этом кратком описании главную героиню первой повести Полину. Полина – роковая женщина, которая сводит с ума подростка Локоткова, заставляя его мучиться ревностью. Прощается с неудачным любовным опытом писатель в программной повести «Ура!», утверждающей всецело позитивное отношение к жизни. Главный герой повести Павел Уражцев приемами воина, бойца «расправляется» с главным врагом хорошего настроения, а, следовательно, и здорового образа жизни, бывшей возлюбленной:

- Па-авел? – вкрадчиво звучит в телефоне. – Привет, это Алиса, – голый обиженный голос.
- Я не хочу с тобой разговаривать, – отвечаю я и вешаю недавнюю любовь.

Тугое ее тело покачивается на виселице, взбалтывая мрачными грудями.

Зовут меня Уражцев Павел, мне двадцать, на дворе – двухтысячный год, и я ищу хорошей любви [20].

С другой стороны, в очерковой автобиографической повести «Книга без фотографий», в рассказах, где главным персонажем является автобиографический герой, мы видим не только игру смыслами, но, прежде всего, гипертрофированную обнаженность авторского «я». Такая чрезмерная открытость героя сопоставима с таинством исповеди. Только в данном случае герой поверяет свою жизнь и душевные переживания читателю, а не священнику.

Предельная «нагота» свойственна древнерусскому подвижнику – юродивому. Подробно функцию наготы юродивого разъясняет А. М. Панченко: «Задумав юродствовать, человек оголяется» [9, с. 92]. Исследователь подчеркивает, что нагота юродивого – это не только отказ от одежды. К функции наготы ученый сводит и отказ юродивых от родственных связей, отсутствие оседлости, непризнание общественных ценностей. Нравственная идея наготы – презрение к плоти.

Можно сказать, что и выворачивание своего внутреннего мира наизнанку, выставление напоказ порой даже постыдных мыслей или происшествий – это тоже обнажение, смелое и по-юродски провокационное. Таким образом, юродствование становится приемом и переносится в авторскую сферу. Например, автобиографические персонажи раскрывают перед читателем не только светлые, но и темные стороны. Так, в повести «Книга без фотографий» автор воспроизводит следующий эпизод: «Дискотека в подполе возле физкультурного зала. <...> Запрокинув голову, лью бутылку в себя – буль-буль-буль – и не чувствую вкус водки. Забытье. Вспышка. Тьма. Поет Таня Буланова. «Ясный мой свет...» Опять? Чьи-то губы. Поцелуй. Глажу длинные волосы. Олеся? Яна? Зиночка? Таня Буланова? Вспышка. Раковина. Холодная вода заливают лицо. Вспышка. Холодно. Очень холодно. Стою под метелью, в одном свитере, это ясно, ведь холодно же ужасно, и качаюсь. <...> Провал» [17].

В автобиографических повестях и рассказах важна точка зрения ребенка. Ребенок в художественной картине мира С. А. Шаргунова – персонаж, который улавливает невидимый для

взрослых зазор между внешним и внутренним. Например, в рассказе «Правда и ложка», вышедшем в сборнике рассказов 2018 г. «Свои», именно ребенок подмечает актерство родственника семьи, народного артиста СССР Сергея Герасимова при чтении им Символа веры. Молитва становится своеобразным жестом, попыткой светского человека войти в круг «своих», продемонстрировать семье священника свои познания в области православной культуры: «Герасимов же, видимо, желая показать, что не чужд духовному, прочитал Символ веры наизусть глубоким голосом. Как будто сейчас по-слоновьи вострубит. Так что под конец я не выдержал и ткнул его в пузо пальчиком. <...> Он дочитал Символ веры, но попович заметил: не осенил себя крестным знаменем» [19, с. 67–68].

Несмотря на церковное воспитание, автобиографический герой С. А. Шаргунова, возвращаясь к воспоминаниям о детстве, подчеркивает, что православие по своей сути оставалось для него чуждым, недоступным. Так, например, в рассказе «Замолк скворечник» герой отмечает лишь свое внешнее, формальное присутствие на отпевании Анастасии Ивановны Цветаевой, мысли же маленького алтарника заняты в этот момент первыми романтическими мечтами: «Я стоял в стихаре со свечой, и жарко косился на хорошенькую правнучку покойной, румяно-смуглую, с наливными щечками в милой шерстяной бежевой шляпке, и хотел выглядеть загадочным» [19, с. 138–139]. Перенасыщенность церковной атрибутикой, погружение в формальную сторону богослужений и книжные познания заслонили собой главный религиозный посыл – путь любви и сострадания к ближнему. Теория оказалась в отрыве от практики. Церковь в восприятии героя-ребенка не связана с реальностью, поэтому в пространстве храма ребенок мечтает о приключении или любви, оставаясь безучастным к жизни самой Церкви. Но герой проявляет милосердие в обычной бытовой ситуации, спасая невзрачных насекомых от издевательств товарищей в рассказе «Теплая тайна». Столкнувшись с вежливым равнодушием американских врачей в рассказе «Сахар на рану», герой понимает изнутри необходимость сострадания ближнему.

Совершенно иное отношение к православию показано через прием обращения уже взрослого героя к документальному источнику. Автор приводит слова духовных лиц из их дневников, подчеркивая пророческий дар служителей Церкви. Сам факт осмысления фрагментов дневника духовного лица свидетельствует о глубоком почтении героем Церкви: «А вот из жизни самого протоиерея Митрофана. Незадолго до февральской революции он пришел на литургию в большом волнении и, прежде чем начать служить, позвал к себе в алтарь великую княгиню и рассказал ей свой предутренний “тонкий сон”. <...> Через два года ее сбросили в шахту на Урале» [19, с. 126].

В прозе С. А. Шаргунова вымышленные персонажи также размышляют о православных реалиях, выражая свое отношение к вере. Так, в повести «Как меня зовут?» Андрей Худяков часто размышляет о православной вере. Его сомнения в истинности православия переключаются с воспоминаниями героя повести «Книга без фотографий». Например, сказанное проявляется в восприятии чуда, герой так реагирует на слова своей девушки Тани о благодатном огне: «Розыгрыш – твой огонь. Жулик в алтарь зашел, испросил у небес прощения, достал из одежд зажигалку, зелененую, с белыми буквами “cricket”. Допросить бы этого патриарха, прижать к ногтю, опрятного, расчесанного: как? Прямо по плану: заперся в алтаре? И капли огня? А где твое потрясение? Ты еще жив? Откуда дежурность такая в повадках?» [16, с. 141–142]. И если у Андрея Худякова, в детстве побывавшего на Святой земле, предвзятое отношение к вере, то у автобиографического героя-ребенка «Книги без фотографий» – равнодушное: «Святитель Николай покрылся влагой, и отец служил молебен. Я стоял боком к иконе, держал перед отцом книгу, тот, дочитав разворот, перелистывал страницу. А я косился на загадочный, желто-коричневый, густой, как слиток меда, образ, по которому тянулись новорожденные сверкающие полосы. После вслед за остальными целовал, вдыхая глубоко сладкий мягкий запах. Целуя, подумал: «Почему, почему же я равнодушен?» [17].

Фальшивую веру, показную восторженность подмечает автобиографический герой «Книги без фотографий» у воспитанников православной гимназии: «...Я посмеивался, когда звонкими голосами они отвечали у доски про Иисуса и смоковницу, как будто про Ильича и снегурей» [17]. Автор описывает контраст между словом и делом, сопоставляя пламенные речи учащихся о любви к ближнему на уроке и жестокий «расстрел» ими чужака во дворе школы снежками: «На этом занятии все звонко и подобострастно отвечали. Но настала перемена, мы высыпали во двор, я отошел от гимназии, и мне отрезали путь. И начался расстрел. Безо всякого повода. Сговорились – и открыли пальбу. Они лупили меня снежками сразу все семеро. В лицо, в голову! Они орали: “Козел! Придурок! Сатана!”» <...>

– Стойте! Вы все ввали! Вы все ввали! На Законе Божьем! – закричал я, с ног до головы белый [17].

Скептическую позицию по отношению к православию занимает герой романа «1993» Виктор Брянцев, тоже критикуя внешнюю сторону религии: «У вас через день: то праздник, то пост, то праздник, то пост» [21].

Отец Андрея Худякова, Владимир Худяков, священник. Обращение к автобиографическому материалу становится важным принципом в создании образа героя. Несмотря на усвоенный с детства православный «этикет», Андрей Худяков, подобно автобиографическому герою-подростку С. А. Шаргунова, оказывается знаком только с внешней обрядовой стороной христианства и не понимает внутренней религиозной глубины. Следствием этого становится его сопротивление религиозной «лжи», стремление к истине. Проблема правды и лжи поднимается уже в названии повести «Как меня зовут?». Так же отражаясь в названии произведения, интересно преломляется тема вымысла и правды в рассказе «Правда и ложка», где художественная деталь становится звеном, связующим все события воедино.

В повести «Как меня зовут?» о своих предках, с которыми знаком только понаслышке, Андрей Худяков говорит следующее: «Еще в избе ютились материнские родители. Имена – подкидыши из святцев. Нил – рыбак, влюбленный во все соленое, обучавший: “Стол – Божья ладонь”, “Поел – скажи: слава Богу, бабушке спасибо”. Манефа – из глазниц болотные огоньки» [16, с. 10]. В произведении сделан акцент на православной традиции наречения младенцев именами. Самый известный святой с именем Нил – Нил Столобенский. Одновременно этот святой ассоциируется с водной стихией, так как его подвижничество проходило на острове. Святых с редким именем Манефа известно только две – мученица Манефа Кесарийская (Палестинская), которая за преданность Христу была сожжена на костре, и родившаяся в селе Севруки под Гомелем Мария Скопичева, которую в постриге нарекли Манефой. Однако автор дает именам из святцев характеристику – «подкидыши», обозначая таким образом их неродственность, несоответствие носителем имен, но характеры самих лиц опровергают это определение, так как, например, Нил – и чтит Бога, и любит соленое, связанное с морем. Таким образом, усиливается мотив несоответствия имени его носителю: Андрей не принимает не только свое имя, такими же чужими ему видятся имена, данные его предкам. Именно отсутствие у героя твердой веры и поверхностное знакомство с историей своего рода ставит перед ним задачу понять себя, найти взаимосвязь своего мира с именем. Так как для С. А. Шаргунова очень важна тема собственного рода, своих корней, мы можем заметить, что образ рыбака Нила тоже «списан» с реальности. В «Книге без фотографий» бабушка рассказывает внуку о его прадедушке: «Мой прадед, Алексей Акимович, рыбак, крупной солью, как инеем, покрывал все, что ел. <...> В глубокой старости, когда отнялись ноги, он горше всего переживал невозможность рыбачить – со слезами полз к реке» [17]. В повести «Как меня зовут?» образ прадеда благодаря вымышленному имени Нил еще теснее сопрягается с православной традицией.

Тема имени – одна из наиболее важных в творчестве С. А. Шаргунова. Наиболее полно она отражается в эссе «Мой батюшка», где автобиографический герой размышляет о странном, словно инопланетном, имени своего отца – Винцент, данном при рождении. Автор упоминает и о втором имени отца, полученном в крещении – Александр. Для нас важно, как феномен имени, наследуя православную традицию, преобразуется в светском произведении, подчиняясь авторскому замыслу. В эссе представлена точка зрения ребенка на непонятную для него ситуацию, связанную с настоящим именем отца: «Первое и главное мое впечатление: я не знал, как зовут отца. “Чучуха”, иногда ласково говорила ему мама. “Винцент!” – окликала раздраженно. “Батюшка!” – восклицала крестная. На улицах, когда у меня спрашивали: “А как зовут твоего папу?” – я терялся, а он, оказавшись рядом, представлялся: “Александр Иванович”. <...> Я относился поначалу к папе с тревогой» [19, с. 109–110]. Мы видим, как реальный факт, взятый за основу из жизни – непонимание ребенком, какое же из всех возможных наименований является настоящим именем отца – претворяется в других произведениях С. А. Шаргунова. Так, Андрей Худяков задается вопросом о связи его имени собственного с его внутренней сутью. Также герой признается возлюбленной, что вынужден жить и печататься под чужими именами.

Аналогичная ситуация происходит с подростком Варей из рассказа «Пригвожденный», только вместо имени девочка не в состоянии примириться со своей невыразительной внешностью. И лишь совершенный Варей добрый поступок меняет ее восприятие.

С. А. Шаргунов не только наделяет вымышленных персонажей автобиографическими чертами, писатель включает в рассказы, где герой является автобиографическим, вымышлен-

ные детали. Например, в повести 2006 г. «Как меня зовут?» Андрей Худяков, задумавшись о своей девушке Тане, определяет ее имя эпитетом «земляничное». В рассказе «Ты – моя находка», вошедшем в сборник «Свои» (2018), уже автобиографический герой говорит о «земляничном» имени своей жены. Особенность творчества С. А. Шаргунова – наделение абстрактных понятий конкретным, буквальным содержанием. Поэтому в «магнитном поле брака» [19, с. 214] появляется «ягодное» имя. Другой вариант отражения в более поздних произведениях уже озвученных ранее идей – моделирование свадебной ситуации в рассказе «Ты – моя находка»:

– Ура! – кричали, обступая нас, свадебные люди, и я отвечал им: «Ура!», весело поднимаясь по ступенькам с невестой [19, с. 210].

В повести «Ура!» 2012 г. автор пишет: «Я предлагаю вам новый миф о Древе Ура. <...> Корни костистые, плоды красные, и кора... Толстенная кора! Ура!» [20]. Мотив плода, в частности, образ семьи как продолжение рода, является сквозным в творчестве С. А. Шаргунова и перекликается с евангельской притчей о бесплодной смоковнице.

Таким образом, мы видим, как, обращаясь к фактическому материалу, писатель отражает в своих произведениях православную традицию. С одной стороны, документальное начало позволяет автору выразить неоднозначное отношение к православной вере, отразить моменты сомнений в душе героев и яростного отрицания религиозной «лжи», отметить неприятие героями чисто внешней религиозной стороны и поиск религиозного содержания, духа любви. Обращение к автобиографическому материалу отражает авторскую позицию: писатель осмысляет свое личное отношение к православию и подчеркивает тесную связь православия со многими сторонами русской жизни, например, с традицией наречения новорожденных именами, с обычаями предков, историей рода. С другой стороны, в рассказы с автобиографическим героем вносятся художественные элементы из более ранних произведений. В данном случае автобиографический материал выступает лишь основой для конструирования авторской художественной модели реальности.

Список литературы

1. Богатырева А. И. Автобиографизм в творчестве «Новых реалистов» (на примере З. Прилепина, С. Шаргунова) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 12 (12). С. 74–83.
2. Голенко Ж. Каждый текст – автобиография. Вопрос лишь: какая? // Журнальный зал: «Вопросы литературы». 2013. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/1/g28.html> (дата обращения: 09.04.2022).
3. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. 288 с.
4. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков : дисс. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2011. 483 с.
5. Казин А. Л. Событие искусства: классика, модерн, постмодерн в пространстве русской культуры. СПб., 2020. 244 с.
6. Казин А. Л., Дмитриева М. А., Сокурова О. Б. и др. Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века. 1917–1934 / под ред. А. Л. Казина. СПб., 2016. Т. 1. 544 с.
7. Котельников В. А. От редактора // Христианство и русская литература. СПб. : 1996. Сб. 2. С. 3–8.
8. Леонов И. С. Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика : дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2019. 39 с.
9. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. 295 с.
10. Лосская-Семон М. В. О религиозном призвании русской литературы // Русская литература. 1995. № 1. С. 29–30.
11. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003. 272 с.
12. Мажарина Ю. Н. Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева: особенности поэтики : дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 172 с.
13. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008. 49 с.
14. Пращерук Н. В. Современная духовная проза: традиция, смыслы, поэтика : учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2018. 110 с.
15. Прилепин З. Сергей Шаргунов. Будет ярко и жарко! // Захар Прилепин: официальный сайт писателя. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/sergei-shargunov-budet-yarko-i-jarko.html> (дата обращения: 07.03.2022).
16. Шаргунов С. А. Как меня зовут? Малыш наказан. М., 2006. 288 с.
17. Шаргунов С. А. Книга без фотографий. URL: <http://shargunov.com/kniga-bez-fotografiy.html> (дата обращения: 18.02.2022).

18. Шаргунов С. Отрицание траура // Новый мир. 2001. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (дата обращения: 17.04.2022).

19. Шаргунов С. А. Свои. М., 2018. 345 с.

20. Шаргунов С. А. Ура! URL: <https://shargunov.com/ura.html> (дата обращения: 14.02.2022).

21. Шаргунов С. А. 1993. URL: <https://shargunov.com/proza/1993.html> (дата обращения: 15.03.2022).

The documentary basis of S. A. Shargunov's prose

E. Yu. Vikhrova

postgraduate student of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University.
Russia, Tver. ORCID: 0000-0002-3644-6106. E-mail: katjalilija24@yandex.ru

Abstract. The documentary beginning plays an important role in the works of the modern prose writer S. A. Shargunov. Referring to the facts of his own biography, family history and historical documents, the author shows the relationship of various heroes with the Orthodox faith. The Christian tradition is a system-forming one for Russian literature. In modern literary studies, this problem has been seriously developed.

The purpose of this scientific article is to consider how the Christian tradition is embodied in the works of the modern writer S. A. Shargunov. To achieve the goal, the following tasks were set: to study the dual role of the autobiographical component in S. A. Shargunov's prose; to note in which cases the autobiographical material serves to embody the Christian tradition in prose, and in which cases it becomes a postmodern device; to identify the attitude of the autobiographical hero and fictional characters to the Orthodox tradition.

To solve the tasks set, we turned to a comprehensive analysis, including genetic, structural-typological and comparative-historical research methods.

The object of the study was the prose of S. A. Shargunov. The subject of the study is the reflection of the Christian tradition in the prose of S. A. Shargunov.

In this article, based on the material of S. A. Shargunov's work, the thesis is tested about the author's appeal to the values of Christianity to create images of his characters, construct his own artistic picture of the world and to affirm the writer's idea of the inseparable connection of Orthodoxy with the whole Russian reality.

In this article we come to the conclusion that the Orthodox tradition occupies an important place in the prose of S. A. Shargunov. It is by referring to the autobiographical component that the author comprehends the role of the Orthodox tradition both in his life and in modern Russian reality as a whole.

The results of the study can be applied to the preparation of special courses on modern Russian literature.

Keywords: documentary beginning, autobiography, Christian tradition, modern literature, artistic method.

References

1. Bogatyreva A. I. *Avtobiografizm v tvorchestve "Novyh realistov" (na primere Z. Prilepina, S. Shargunova)* [Autobiography in the work of the "New Realists" (on the example of Z. Prilepin, S. Shargunov)] // *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* – Scientific herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2014. No. 12 (12). Pp. 74–83.

2. Golenko Zh. *Kazhdyy tekst – avtobiografiya. Vopros lish': kakaya?* [Each text is an autobiography. The only question is: which one?] // *Zhurnal'nyj zal: "Voprosy literatury"* – Magazine hall: "Questions of literature". 2013. No. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/1/g28.html> (date accessed: 09.04.2022).

3. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoj literature* [Category of conciliarity in Russian literature]. Petrozavodsk. 1995. 288 p.

4. Esaulov I. A. *Pravoslavnyaya aksiologiya v russkoj proze XX–XXI vv.* [Orthodox axiology in Russian prose of the XX–XXI centuries: diss. ... Dr. phil. Sciences]. Tver. 2011. 483 p.

5. Kazin A. L. *Sobytie iskusstva: klassika, modern, postmodern v prostranstve russkoj kul'tury* [Art event: classics, modern, postmodern in the space of Russian culture]. SPb. 2020. 244 p.

6. Kazin A. L., Dmitrieva M. A., Sokurova O. B. *etc. Sud'by russkoj duhovnoj tradicii v otechestvennoj literature i iskusstve XX – nachala XXI veka. 1917–1934* [The fate of the Russian spiritual tradition in Russian literature and art of the XX – early XXI century. 1917–1934] / ed. by A. L. Kazin. SPb. 2016. Vol. 1. 544 p.

7. Kotel'nikov V. A. *Ot redaktora* [From the editor] // *Hristianstvo i russkaya literatura* – Christianity and Russian literature. SPb. 1996. Coll. 2. Pp. 3–8.

8. Leonov I. S. *Pravoslavnyaya hudozhestvennaya proza XXI veka: tipologiya i poetika: diss. ... d-ra filol. nauk* [Orthodox fiction of the XXI century: typology and poetics: diss. ... Dr. Phil. Sciences]. Volgograd. 2019. 39 p.

9. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. *Smekh v Drevnej Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. L. 1984. 295 p.

10. Losskaya-Semon M. V. *O religioznom prizvanii russkoj literatury* [On the religious vocation of Russian literature]. 1995. No. 1. Pp. 29–30.

11. Lyubomudrov A. M. *Duhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zajcev, I. S. Shmelev* [Spiritual realism in the literature of the Russian abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. SPb. 2003. 272 p.
12. Mazharina Yu. N. *Memuarnye portretnye ocherki B. K. Zajceva: osobennosti poetiki : diss. ... kand. filol. nauk* [Memoir portrait essays by B. K. Zaitsev: features of poetics : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Voronezh. 2014. 172 p.
13. Mestergazi E. G. *Hudozhestvennaya slovesnost' i real'nost' (dokumental'noe nachalo v otechestvennoj literature HKH veka) : diss. ... dokt. filol. nauk* [Artistic literature and reality (the documentary beginning in the Russian literature of the twentieth century) : diss. ... Dr. Philol. Sciences]. M. 2008. 49 p.
14. Prashcheruk N. V. *Sovremennaya duhovnaya proza: tradiciya, smysly, poetika : ucheb. posobie* [Modern spiritual prose: tradition, meanings, poetics : manual] / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Ural Federal University. Yekaterinburg. 2018. 110 p.
15. Prilepin Z. *Sergej Shargunov. Budet yarko i zharko!* [Sergey Shargunov. It will be bright and hot!] // *Zahar Prilepin: oficial'nyj sajt pisatelya - Zakhar Prilepin: the official website of the writer*. Available at: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/sergei-shargunov-budet-yarko-i-jarko.html> (date accessed: 07.03.2022).
16. Shargunov S. A. *Kak menya zovut? Malysh nakazan* [What is my name? The kid is punished]. M. 2006. 288 p.
17. Shargunov S. A. *Kniga bez fotografij* [Book without photos]. Available at: <http://shargunov.com/kniga-bez-fotografij.html> (date accessed: 18.02.2022).
18. Shargunov S. *Otricanie traury* [Denial of mourning] // *Novy mir - New world*. 2001. No. 12. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (date accessed: 17.04.2022).
19. Shargunov S. A. *Svoi* [His]. M. 2018. 345 p.
20. Shargunov S. A. *Ura!* [Hurrah!] Available at: <https://shargunov.com/ura.html> (date accessed: 14.02.2022).
21. Shargunov S. A. *1993* [1993]. Available at: <https://shargunov.com/proza/1993.html> (date accessed: 15.03.2022).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 791.43

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.033

Деревня в исторической рефлексии советского кинематографа

Н. О. Осипова

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

Аннотация. Рецензируется монография доктора исторических наук, профессора Л. Н. Мазур и доктора исторических наук, профессора О. В. Горбачева «Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа» (М. : Политическая энциклопедия, 2022. 349 с.), посвященная теоретическим и методологическим вопросам изучения советского художественного кинематографа как уникального источника исторической интерпретации российской деревни XX в. Рассмотрены проблемы анализа и интерпретации аудиовизуальных источников, раскрыта история советского кинематографа в контексте используемых кинематографистами художественно-эстетических кодов к отражению советской реальности, проведено репрезентативное описание фильмографии о деревне. На основе использования количественного и качественного анализа фильмов советского периода проведена реконструкция основных вех русской истории. Особое внимание уделено изучению влияния художественного кинематографа на формирование исторической памяти новых поколений. Рецензент обращает внимание на структуру книги, логику изложения материала, привлечение результатов смежных гуманитарных наук.

Ключевые слова: советский кинематограф, деревенская тема, историческая реконструкция, художественный кинообраз.

Рецензируемая монография доктора исторических наук, профессора Уральского федерального университета Л. Н. Мазур и доктора исторических наук, профессора Уральского федерального университета О. В. Горбачева, явившаяся результатом их научных изысканий последних лет [2], вряд ли затеряется на книжных просторах гуманитарной науки. Она отличается новизной методологических подходов, которые вписываются в комплекс традиционных направлений исследований как самого кинематографа в его историко-социальном аспекте, так и кино как вида искусства. Последний аспект представляет особое исследовательское поле, успешно освоенное киноведением, в том числе и в структуралистском плане (опыт зарубежных и отечественных семиотических школ). А включенность кинематографа в социологический, исторический, философско-эстетический, антропологический и иные аспекты гуманитарного знания открывает новые возможности освоения визуальных форм культуры [см., например: 1].

В условиях цифровизации и развития информационного общества, активизации миграционных потоков, процессов рурализации, создания мощных аграрно-промышленных комплексов, сельско-городских территорий и агломераций, резкой трансформации морфологических признаков деревни, (численность и плотность населения, возрастной состав, образовательный уровень и т. д.), степени благополучия, явления новой категории населения, совмещающей в себе черты и городского, и сельского типов, – наблюдается стирание ряда атрибутивных характеристик деревни, которая обнаруживает тенденцию к утрате своего статуса как отдельного социокультурного и экономического сегмента современной истории. Эти процессы давно стали предметом пристального внимания социологов, культурологов, экономистов, проникая также в сферу художественной рефлексии искусства. Не удивительно, что этот огромный пласт стремительно исчезающей «атлантиды», сохраняясь в документах и художественных практиках, представляет огромный интерес в масштабах истории и исторической науки.

Неоценимо значение этой работы для зарубежной науки, всегда проявлявшей интерес к русской истории, в особенности к истории повседневности и быта, интеллектуальной исто-

рии и самосознанию общества, культурному коду русского и – шире – российского этноса. В этом мне видится несомненная актуальность проведенного исследования и его перспективы для дальнейших размышлений в обозначенной сфере.

Художественная литература и кинематограф (каждый по-своему) требуют от исторической науки осмысления «визуальной реконструкции исторической среды», новых методик и технологий работы с такого рода источниками, в том числе с использованием не только исторической методологии, но и методов, понятийного аппарата и теоретического инструментария смежных сфер гуманитарного знания – литературоведения, киноведения, эстетики, истории искусств, этнографии, теории кино, истории режиссуры и т. д. Именно такую задачу ставят перед собой авторы монографии, решающей задачу показать возможности кинематографического материала как источника исторической реконструкции и интерпретации. Несмотря на то, что чаще всего визуальной антропологии отводится место вспомогательной прикладной дисциплины, в рецензируемом исследовании визуально-антропологический аспект вводится в научный оборот на правах важного методологического звена, позволяя тем самым сформировать новый информационно-аналитический аппарат, который ранее полноценно не использовался в качестве самостоятельного эксплицированного инструментария.

Процесс синтеза документального и художественного типов эстетического сознания обусловил создание нового типа кинореальности суггестивного типа, способствовавшей дальнейшему расширению методологического аппарата ее исследования, в том числе и в контексте исторической науки. «Визуальный поворот» в гуманитарной науке, обусловленный в том числе научными достижениями XX в., привел к формированию новых направлений исторических исследований (например, визуальной антропологии, визуальной истории, исторической реконструкции) и далее – к историческому переосмыслению категории художественного образа и расширению терминологического корпуса исторической науки.

Предпринятая в книге историческая интерпретация визуальных художественных моделей кинообразов советских фильмов о деревне (с учетом их «вторичности», разумеется) опирается на традицию источниковедческого анализа киноматериалов. Авторы отдают себе отчет в известной их субъективности (особый тип художественной рефлексии, идеологическая составляющая, репрезентация исторической и идеологической мифологии и др.), поэтому предлагают и реализуют в научно-концептуальной «ткани» своей работы многоэтапный подход к исторической реконструкции кинотекстов. Это, в свою очередь, позволило выработать интегративную модель исторического исследования визуального эмпирического материала – структурно четкую и логически выстроенную. Помимо эмпирической базы, охватывающей широкий спектр кинолент 1920–1980-х гг. (с использованием качественных и количественных характеристик, макро- и микроанализа как самого материала, так и его контекста), авторы широко привлекают результаты социологических исследований, устной истории, статистических данных, документальных источников, государственных документов и иных типов измерительных методик (с охватом информационной структуры кино, системы кинопроката, образования, развития экономики и политического контекста).

Историко-художественный кинообраз в зеркале подобного подхода становится ценным источником исследования эпохи, общества и социума, причем интересен факт, что фильмы т. н. «второго ряда» характеризуются большей приближенностью к системе «вещного мира» и «правды реальности» в сравнении с киношедеврами, выходящими на философско-символический уровень художественного обобщения.

Безусловно, критерий достоверности интерпретации исторического материала вступает в определенный конфликт с художественной реальностью искусства, его образной системой, авторским видением, но авторам удалось показать характер интеграции объективной реальности, выработанной канонами соцреалистической эстетики, с ее социально-мифологическими конструктами на разных этапах «деревенского» кино. Убедительно показано влияние нового типа реализма на освещение истории и деревенского «социума» в кинематографе 1960 – 1970-х гг. с переводом ракурса с поэтизации и романтической героизации, свойственных пафосу социалистического реализма, на труд и быт киноперсонажей как прозы жизни, иногда окрашенной сентиментальным, романтическим или ироническим пафосом.

Важное значение придается, как убедительно продемонстрировано в соответствующих разделах, воздействию литературы на кинематограф, в частности «деревенской прозы», представители которой (В. Солоухин, В. Астафьев, В. Шукшин, В. Белов, Ф. Абрамов, Г. Марков и др.) буквально перевернули эстетику воплощения «деревенского» в кинообразе, интерпре-

тации эпохи, степени исторической правды и введении в жанровую природу советских фильмов о деревне глобальных социальных, философских, экологических проблем, в том числе темы сохранения исторической реальности и памяти прошлого. В связи с этим в книге прослеживается динамика и трансформация исторических сюжетов на переходе от т. н. «ретроспективного кино» (раздел 3.3. «Сельское прошлое в советском художественном кинематографе»), обращенного к исторической интерпретации киноматериала и «мифологизированного эпоса» 1920–1950-х гг., – к ревизии экранных стереотипов и психологизации личности в более поздних лентах (1950–1980 гг.).

Переход к «сериальному» кино, киноэпопеям способствовал развитию феномена «авторского кино» и, как справедливо утверждают авторы, открыл новые возможности «биноклярного» освоения деревенской жизни и ее представителей (ленты Л. Шепитько, В. Красновольского, В. Ускова, В. Шукшина, Н. Губенко, А. Кончаловского и др.). Сравнительный исторический анализ реконструкции фильмов позволил авторам монографии прийти к достаточно смелому, на наш взгляд, выводу: «Кино второй половины 1980-х годов... интуитивно подошло к пониманию цикличности исторического процесса даже раньше, чем историческая наука» [2, с. 103].

Будучи формой общественного самопознания и самосознания, искусство (и в частности кинематограф) фокусирует целый спектр политических, социальных, идеологических проблем, являясь своего рода «катализатором» научного поиска. В этом смысле правомерен вопрос А. Л. Ястребицкой в известной статье по поводу «Новой исторической науки»: «Дает ли нынешняя интеллектуальная ситуация в сообществе гуманитарных наук основание утверждать о “конце истории” как аналитического знания? Или, может быть, мы являемся свидетелями выхода этой научной дисциплины, обогащенной новым исследовательским инструментарием, эвристическими приемами современной филологии, социальных наук, культурной антропологии, на другой виток более тонкого понимания исторического прошлого человечества?» [4, с. 13–14]. Рецензируемая монография представляет достойный результат такого культурного диалогизма, где история эпохи прочитывается как история частной жизни, а история частной жизни – сквозь призму эпохи и материальной культуры. При избранном подходе в центре внимания исследователей оказывается визуально-антропологическая коммуникация через художественные возможности киноискусства. Это демонстрируется в содержании 4–5 глав рецензируемой монографии, посвященных визуальным репрезентациям материальной культуры российской деревни и деревенского уклада жизни.

Скрупулезный анализ визуально-изобразительного ряда бытовых реалий, семиотических компонентов материальной культуры (транспорт, социальная инфраструктура, вестиментарный код, системология, представление о пространственно-временных связях и др.), дополненный литературными, архивными, социологическими и иными историческими источниками и документами, помогают представить модель материальной культуры, связанной с формированием сельско-урбанизированного образа жизни.

Значительный корпус кинематографического материала эксплицирует семейные отношения, праздники, религиозную составляющую бытового уклада деревни. Анализ этих элементов в исторической проекции и вариативном режиссерском осмыслении жанров, стилей, сюжетов, персонажей (фильмы И. Пырьева, С. Герасимова, В. Пудовкина, Ю. Райзмана, М. Швейцера, Л. Шепитько и др.) позволил констатировать не только рождение новой эстетики и поэтики «деревенского» кино, но и его исторические и историографические смыслы.

Говоря о перспективах развития проблематики монографии, следует подчеркнуть, что она открывает возможности для работы целого научного коллектива, который может включать представителей разных сфер гуманитарного знания для проведения комплексных исследований в сфере исторической интерпретации и реконструкции кинотекстов, принадлежащих разным тематическим пластам и национальным кинематографическим школам, в том числе и зарубежным. В этой области могут быть намечены интересные типологические параллели в развитии деревенской темы.

Целесообразно, на наш взгляд, в качестве отдельного пласта исторической интерпретации выделить фильмы-экранизации. Разумеется, авторы уделяют им внимание в настоящей монографии, показывая степень влияния литературы на становление и развитие «деревенского кинематографа», но, выделенные в виде отдельного блока, они могли бы составить самостоятельный раздел проводимого авторами комплексного исследования с опорой на соответствующий опыт литературоведения [в частности см.: 3].

Интересно было бы привлечь к исследованию методологию историко-функционального анализа кинотекстов, который помог бы рассмотреть тексты «во времени» – с учетом разницы в зрительском восприятии современников фильмов и сегодняшних зрителей. Разумеется, здесь необходимо привлечение социологических исследований связей зрителя и текста на разных этапах восприятия фильма.

В качестве реплики-замечания отметим также отход авторов от гендерной составляющей советских фильмов о деревне. Не то чтобы ее совсем не было в монографии, скорее, она намеренно представлена в «имплицитном» виде, через систему семейных и трудовых отношений, что вывело за границы исследования анализ гендерной истории. С учетом того обстоятельства, что история и социология гендерных отношений в России уже достаточно обстоятельно представлены в специальных работах, а категория гендера давно вошла в понятийный аппарат гуманитаристики, думается, что обращение к этой проблематике в контексте книги было бы логично и правомерно.

В завершение отметим несомненное образовательно-просветительское значение книги: для высшей школы – это возможность расширения профессиональной подготовки будущих историков, филологов, культурологов, социологов, для средней – источник дополнительной художественной иллюстрации исторических, политических, социальных процессов в ходе изучения предметов гуманитарного цикла и организации воспитательной работы по сохранению исторической памяти.

Список литературы

1. Колотаев В. А. Логика визуальных репрезентаций в искусстве: от иконописного пространства и архитектуры к экранному образу. М. : Изд-во РГГУ, 2019. 376 с.
2. Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М. : Политическая энциклопедия, 2022. 349 с.
3. Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 616 с.
4. Ястребицкая А. Л. О культур-диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // XX век: методологические проблемы исторического познания : сборник обзоров и рефератов : в 2-х ч. Ч. 1. Серия: Социальные и гуманитарные науки в XX веке / отв. ред. А. Л. Ястребицкая. М. : Изд-во Института научной информации по общественным наукам РАН, 2001. 240 с.

The village in the historical reflection of Soviet cinema

N. O. Osipova

Doctor of Philology, professor, professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

Abstract. The monograph of Doctor of Historical Sciences, Professor L. N. Mazur and Doctor of Historical Sciences, Professor O. V. Gorbachev "Soviet films about the village: the experience of historical interpretation of the artistic image" (M. : Political encyclopedia, 2022. 349 p.) is reviewed, devoted to theoretical and methodological issues of studying Soviet art cinema as a unique source of historical interpretation of the Russian village of the twentieth century. The problems of analysis and interpretation of audiovisual sources are considered, the history of Soviet cinema is revealed in the context of artistic and aesthetic codes used by cinematographers to reflect Soviet reality, a representative description of filmography about the village is carried out. Based on the use of quantitative and qualitative analysis of films of the Soviet period, the reconstruction of the main milestones of Russian history was carried out. Special attention is paid to the study of the influence of artistic cinema on the formation of the historical memory of new generations. The reviewer pays attention to the structure of the book, the logic of the presentation of the material, the involvement of the results of related humanities.

Keywords: Soviet cinema, village theme, historical reconstruction, artistic film image.

References

1. Kolotaev V. A. *Logika vizual'nyh reprezentacij v iskusstve: ot ikonopisnogo prostranstva i arhitektury k ekrannomu obrazu* [The logic of visual representations in art: from iconographic space and architecture to the screen image]. M. Publishing House of the Russian State University. 2019. 376 p.
2. Mazur L. N., Gorbachev O. V. *Sovetskie fil'my o derevne: opyt istoricheskoj interpretacii hudozhestvennogo obraza* [Soviet films about the village: the experience of historical interpretation of the artistic image]. M. Political Encyclopedia. 2022. 349 p.

3. Razuvalova A. Pisateli-"derevenshchiki": literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov [Writers-"hillbillies": literature and conservative ideology of the 1970s]. M. New Literary Review. 2015. 616 p.

4. Yastrebickaya A. L. O kul'tur-dialogicheskoy prirode istoriograficheskogo: vzglyad iz 90-h [On the cultural-dialogical nature of historiography: a view from the 90s] // XX vek: metodologicheskie problemy istoricheskogo poznaniya : sbornik obzorov i referatov : v 2-h ch. Ch. 1. Seriya: Social'nye i gumanitarnye nauki v XX veke – XX century: methodological problems of historical cognition : a collection of reviews and abstracts : in 2 parts. Pt. 1. Series: Social and humanitarian sciences in the twentieth century / ed. by A. L. Yastrebitskaya. M. Ed.-in the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 2001. 240 p.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (27) (2022)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 05.11.2022 г.
Дата выхода в свет 14.12.2022 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,17. Тираж 100 экз. Заказ № 445.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36